

ISSN печатной версии: 2658-7335

№ 2 / 2026

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT
SCIENTIFIC MAGAZINE**

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 2

2026

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2026, № 2

Основан в 2016 г.

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2026, № 2

It is founded in 2016.

ISSN печатной версии: 2658-7335

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук с 23.09.2022

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-72249 от 24.01.2018 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека (Российский индекс научного цитирования) № 165-04/2021

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД РФ, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Кубани, директор издательства ООО «Наука и образование»

- **ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

ISSN for printed version: 2658-7335

By the decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation

the journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published from 23.09.2022

Mass media registration certificate: PI № FS 77-72249 dated January 24, 2018 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

License Agreement Scientific Electronic Library
(Russian Science Citation Index) № 165-04/2021

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Employee of the Kuban Internal Affairs Bodies, Director of the Publishing House of Science and Education LLC

- **DEPUTY CHIEF EDITOR**

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of Law, Professor, Head of Educational and Methodological Department Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абакумова Ирина Владимировна,

академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской государственной технической университет;

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Говердовская Елена Валентиновна,

доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета;

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории правового регулирования, Кубанский государственный университет;

Семенцов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет;

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Бабаев Михаил Матвеевич,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Байер Елена Александровна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта, Донской государственной технической университет, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Богатырев Валерий Викторович,

доктор юридических наук, профессор, профессор Юридического института, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, профессора юридического факультета, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»;

Давыдова Галина Ивановна,

доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», г. Ялта;

Жиркова Евгения Алексеевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы, теории литературы и критики, Кубанский государственный университет;

Звонарева Лола Уткировна,

доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Института мировых цивилизаций, Москва;

Иванцов Сергей Вячеславович,

доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Игнатов Александр Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Кашкаров Алексей Александрович,

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клименко Таужан Микаиловна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Мамедов Рашад Юсуф оглы,

доктор философии по праву, доцент, доцент кафедры гражданского права, Академия полиции Азербайджанской республики;

Невский Сергей Александрович,

Заслуженный сотрудник МВД РФ, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника, начальник научно-исследовательского центра № 1 Всероссийского научно-исследовательского Института МВД России;

Немыка Анна Анатольевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет;

Павлов Юрий Михайлович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой публицистики и журналистского мастерства, Кубанский государственный университет;

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии и инклюзивного образования, Донской государственный технический университет;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственный технический университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

Шаталова Ольга Васильевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документирования Елецкого государственного университета имени Бунина;

Шкаплеров Юрий Павлович,

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника Могилевского института Республики Беларусь;

Шульженко Вячеслав Иванович,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, русской филологии и журналистского языка, Пятигорский государственный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Irina V. Abakumova,

Academician Russian Academy of Education, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Technical University;

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Elena V. Goverdovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Postgraduate and Additional Education of the Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, a branch of the Volgograd State Medical University;

Yury V. Luchinsky,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Legal Regulation, Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of Department of Criminal Proceedings, Kuban State University;

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Babaev,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena A. Bayer,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Theory and Practice of Physical Culture and Sports, Don State Technical University, Director of the Azov Child Care Center;

Valery V. Bogatyrev,

Doctor in Law, Professor of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Professor of the Faculty of Law, Moscow Financial-Industrial University «Synergy»;

Galina I. Davydova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Psychology Department of the Humanitarian Pedagogical Academy (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education «V.I. Vernadsky KFU», Yalta;

Evgenia A. Zhirkova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the History of Russian Literature, Literature Theory and Criticism, Kuban State University;

Lola U. Zvonareva,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Advertising and Public Relations of the Institute of World Civilizations, Moscow;

Sergey V. Ivantsov,

Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Alexander N. Ignatov,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology of the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Alexey A. Kashkarov,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Tauzhan M. Klimenko,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Law Institute of the North Caucasus State Academy;

Elena Yu. Kolomiitseva,

Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Moscow State Institute of Culture;

Rashad Yu. Mamedov,

Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor, Assistant Professor of Civil Law Department, Police Academy of the Azerbaijan Republic;

Sergey A. Nevsky,

Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head, Head of the Research Center № 1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Anna A. Nemyka,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Kuban State University;

Yuri M. Pavlov,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism and Journalistic Skills, Kuban State University;

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Defectology and Inclusive Education, Don State Technical University;

Olga D. Fedotova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Primary Education, Don State Technical University;

Lubov Ya. Khoronko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Education and Educational Sciences, Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University;

Olga V. Shatalova,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Methods of Teaching and Documenting it at Yelets State University named after Bunina;

Yuri P. Shkaplerov,

Doctor in Law, First Deputy Head, Mogilev Institute of the Republic of Belarus;

Vyacheslav I. Shulzhenko,

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics, Russian Philology and Journalistic Language, Pyatigorsk State University.

КОНТАКТЫ:

○ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич

Тел.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

Тел.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, Переулок Народный, д. 2/1

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс: +7(988) 167-67-67

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ EDITOR-IN-CHIEF

Popov Mikhail Yur'evich

Ph.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna

Ph.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, Narodny Lane, 2/1

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax: +7(988) 167-67-67

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Михайлина О.А.*
Репрезентация концепта «вина» в русской и английской фразеологии:
лингвокультурологический и юридический аспекты 21
- Немыка А.А., Короткова А.А., Коврыгина Н.В.*
Лингвокультурная медиация при обучении русскому языку как иностранному
(на материале текста рассказа В. Пелевина «Отель хороших воплощений») 28
- Ястребова О.И., Гарцуева О.А.*
Архаизмы в уголовном праве:
влияние на восприятие преступлений и наказаний 35

ЖУРНАЛИСТИКА

- Сердотецкий Ф.А.*
Нарративные стратегии освещения
палестино-израильского конфликта в Telegram-каналах 41
- Сердотецкий Ф.А.*
Когнитивные искажения и техники убеждения в Telegram-каналах
о конфликте Израиля и Палестины:
эффективность манипулятивных стратегий в цифровой среде 52
- Терентьева Л.М.*
Цели и функции социально-политической рекламы:
основные исследовательские подходы 63

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Гапоненко О.Ю.*
Правовой статус главы муниципального образования
в системе органов публичной власти 71
- Захарова В.А., Грищенко З.Д.*
Потеря личности в сфере искусственного интеллекта:
экзистенциальная и правовая сторона проблемы 78
- Калинина А.Р., Сухарева Е.В., Букалерева Л.А.*
Нормативно-правовое регулирование рынков электроэнергии
в Российской Федерации 85
- Ткачева Ю.С.*
Анализ объектов насильственных преступлений
и их соотношение с объектами насилия 93
- Шубакин А.А.*
Основания привлечения к юридической ответственности лиц, склоняющих
несовершеннолетних к совершению общественно опасных деяний 101

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

(РУБРИКА НЕ ВКЛЮЧЕНА В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК ПРИ МИНОБРНАУКИ РФ)

Ястребова О.И., Гарцуева О.А.

Социально-педагогические технологии формирования правосознания
у несовершеннолетних: теоретико-методологический анализ 109

CONTENTS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Olga A. Mikhaylina</i> Representation of the concept of «wine» in russian and english phraseology: linguocultural and legal aspects	21
<i>Anna A. Nemyka, Anastasia A. Korotkova, Nadezhda V. Kovrygina</i> Linguistic and cultural mediation in teaching russian as a foreign language (based on the text of V. Pelevin's short story «The hotel of good incarnations»)	28
<i>Oksana I. Yastrebova, Oksana A. Gartsueva</i> Archaisms in criminal law: influence on the perception of crimes and punishments	35

JOURNALISM

<i>Fyodor A. Serdotetsky</i> Narrative strategies in coverage of the israel-palestine conflict in Telegram channels	41
<i>Fyodor A. Serdotetsky</i> Cognitive biases and persuasion techniques in Telegram channels on the Israel-Palestine conflict: the effectiveness of manipulative strategies in the digital environment	52
<i>Lada M. Terentyeva</i> Goals and functions of socio-political advertising: major research approaches	63

JURISPRUDENCE

<i>Olga Yu. Gaponenko</i> Legal status of the head of a municipal formation in the system of public authorities	71
<i>Vera A. Zakharova, Zlata D. Grishchenko</i> The loss of identity in the field of artificial intelligence: the existential and legal aspects of the problem	78
<i>Amina R. Kalinina, Evgeniya V. Sukhareva, Lyudmila A. Bukalero</i> Legal regulation of electricity markets in the Russian Federation	85
<i>Yulia S. Tkacheva</i> Analysis of the objects of violent crimes and their correlation with the objects of violence	93
<i>Alexey A. Shubakin</i> Grounds for bringing to legal responsibility individuals who incur minors to commit socially dangerous acts	101

PEDAGOGICAL SCIENCES

(THE RUBRIC IS NOT INCLUDED IN THE LIST OF THE HIGHEST CERTIFICATION COMMISSION
UNDER THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Oksana I. Yastrebova, Oksana A. Gartsueva

Social and pedagogical technologies of formation

of legal awareness in minors: theoretical and methodological analysis 109

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-12>

УДК 340.1

Attribution

cc by

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВИНА» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Михайлина О.А.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация концепта «вина» в русскоязычном и англоязычном юридических дискурсах через корпус фразеологизмов. С позиции лингвокультурологии и когнитивной лингвистики проводится исследование того, как римская и англосаксонская правовые системы влияют на формирование языковой картины мира. На материале текстов судебной практики, юридической публицистики и фразеологических словарей выявляются доминирующие метафорические модели, лежащие в основе юридических идиом. Анализируется культурно-специфические черты вербализации понятия «вина» в условиях двух правовых традиций, включая отличия континентального понимания от англосаксонского. Делается вывод о том, что русская юридическая фразеология отражает морально-оценочный характер концепта «вина», сохраняя связь с категориями совести, раскаяния и искупления, что отличает ее от английской юридической фразеологии, где прагматический и процедурный аспекты имеют первостепенное значение.

Ключевые слова: концепт «вина», юридический дискурс, фразеология, презумпция невиновности, правовая культура, римская правовая система, германская правовая система, лингвокультурология.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF «WINE» IN RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGY: LINGUOCULTURAL AND LEGAL ASPECTS

Olga A. Mikhaylina

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article examines the representation of the concept of «guilt» in Russian and English legal discourses through the corpus of phraseological units. From the perspective of linguoculturology and cognitive linguistics, the article explores how the Roman and Anglo-Saxon legal systems influence the formation of the linguistic worldview. Based on the analysis of court cases, legal journalism, and phraseological dictionaries, the article identifies the dominant metaphorical models underlying legal idioms. The article analyzes the cultural-specific features of the verbalization of the concept of «guilt» in the context of two legal traditions, including the differences between the continental and Anglo-Saxon approaches. The authors conclude that Russian legal phraseology reflects the moral and evaluative nature of the concept of «guilt», maintaining its connection with the categories of conscience, remorse, and redemption, which distinguishes it from English legal phraseology, where the pragmatic and procedural aspects take precedence.

Keywords: concept of «guilt», legal discourse, phraseology, presumption of innocence, legal culture, Roman legal system, German legal system, linguoculturology.

Funding: Independent work.

Введение.

Язык юриспруденции используется для осуществления коммуникации в сфере правоприменения и правового регулирования, в ходе кото-

рой важно обеспечивать терминологическую точность и однозначность.

Понятие «вина» занимает ключевую позицию в языке юриспруденции, поскольку установление

© Михайлина О.А.

вины является основанием для наказания в соответствии с буквой закона.

В условиях глобализации правового пространства возникает необходимость понимания специфических смысловых оттенков данного понятия в двух юридических системах: римской и англосаксонской, что и определяет актуальность данного исследования.

Цель работы – выявить лингвокультурные особенности репрезентации концепта «вина» в русской и английской юридической фразеологии и определить типичные метафорические модели его осмысления.

Материалом исследования послужили статьи словарей юридических терминов, толковых и фразеологических словарей, публицистические и художественные тексты юридической тематики.

В данной исследовательской работе были использованы следующие методы: концептуальный анализ, метафорическое моделирование, корпусная верификация, сравнительно-сопоставительный анализ, компонентный анализ.

Обсуждение.

В современной лингвистике термин «концепт» понимается как сложная ментальная структура, которая отражает не только понятийное значение, но и систему культурных оценок и образов, моделей поведения.

Ю.С. Степанов писал: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [12, с.43]. Исследователь подчеркивает, что концепт имеет трехслойную структуру: актуальный слой (существует для всех пользующихся), пассивный слой (актуален лишь для некоторых пользующихся) и этимологический слой (открывается лишь исследователям и исследователями) [12, с. 48].

Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, в структуре концепта можно выделить понятийный, образный и оценочный слои, которые формируют целостное представление о явлении [11, с. 34].

В рамках рубрикации различных типов дискурса В.И. Карасика юридический дискурс относится к институциональному, который характеризуется трафаретной точностью (нормативной регламентированностью), высокой степенью терминологизации, императивным характером общения и четко определенной ролевой структурой (прокурор, обвиняемый, свидетель и так далее) [7, с. 200, 208; 8, с. 28].

Одновременно, язык юриспруденции не является просто объективным отражением отношений, он активно участвует в конструировании правовой картины мира, задавая границы того, за что можно оправдать или наказать [1; 2; 7].

Концепт «вина» находится на стыке нескольких предметных областей: морали, религии, психологии, этики и права. Однако в юридическом дискурсе концепт «вина» приобретает институциональные черты: он подвергается строгой формализации, кодификации и процедурной верификации. Для наглядности, используя метод компонентного анализа, сравним определение Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ) и Большого юридического словаря (БЮС). БТСРЯ: «Проступок, провинность, преступление. Ответственность за такие действия. Причина, источник (чего-либо нежелательного, неблагоприятного)» [9] и БЮС: «Психическое отношение лица к своему противоправному поведению (действию или бездействию) и его последствиям [3].

В различных отраслях права предусмотрены формы вины и их влияние на меру ответственности... [9]. В БТСРЯ зафиксирована характерная для общепотребительной лексики многозначность понятия. Компоненты смысла включают следующие семы: действие, ответственность, причина. Действие имеет отрицательную оценку (проступок, преступление), например, «Скрыть свою вину» – это проступок. Ответственность рассматривается, как необходимость отвечать за следствия действий, например, «Взять вину на себя». Причина является источником негативного результата, например, «Вина дождя», дождь – причина неудачи. В понимании обывателя понятие «вина» размыто между самим действием (актом), ответственностью за него и причиной. Преобладает оценочный компонент (нежелательное, неблагоприятное).

В определении БЮС наблюдается терминологизация понятия с акцентом на юридическую специфику, происходит сужение объема понятия. Вина – исключительно субъективная категория, она отделена от самого деяния (объективной стороны). В семный состав «юридической» вины входит: субъект (вменяемое лицо), сущность (важно не само действие, а отношение к нему), объект (противоправное поведение, последствия), функция (вина определяет меру наказания), формы (умысел, неосторожность).

В быту форма вины обычно не различается.

Юридический термин локализован строго в сфере «психического отношения субъекта к деянию» и отбрасывает семы «причина» и «проступок».

Исторически русская правовая культура формировалась под влиянием православного мировоззрения, идеи соборности и централизованного правопорядка. Это нашло отражение в языковой

картине вины, которая представляется как феномен, имеющий не только юридическое, но и духовно-нравственное измерение.

Ю.С. Степанов: «...Когда закон торжествует, когда появляется наказанный преступник, то к концепту «Закон» присоединяется в русском сознании не ощущение торжества справедливости, а ощущение несчастья наказанного. «Осужденный = несчастный» – вот краткая формулировка этого русского понятия» [12, с. 598].

В русском юридическом дискурсе вина сохраняет онтологический статус, который связан с внутренней ответственностью перед обществом и совестью. «Прежде всего, закону формальному, юридическому, противостоит правда – внутренняя справедливость, ощущаемая и знаемая в душе, совесть» [12, с. 598].

В англосаксонской правовой культуре (common law) особое значение имеет прецедент и состоятельность. Ключевой принцип этой культуры – stare decisis (латинское «стоять на своем»); это значит, что суды обязаны следовать решениям вышестоящих судов по аналогичным делам. Это наложило отпечаток и на язык юриспруденции. Вина в англосаксонском праве – это не внутреннее состояние души, это результат доказательства и неопровержимых фактов (to cross-examine, case law, proof beyond a reasonable doubt).

Следовательно, слова и выражения, вербализующие этот концепт, будут ориентированы не на эмоциональные переживания и угрозы совести, а на процесс доказывания, в котором умение пользоваться языком юриспруденции имеет определяющее значение.

П.М. Тирсма о языке в англосаксонском праве: «Наш закон – это закон слов. Хотя в англо-американской традиции существует несколько основных источников права, все они состоят из слов. Мораль или обычай могут быть заложены в поведении человека, но закон – фактически по определению – возникает через язык. Таким образом, юристы уделяют особое внимание словам, которые составляют закон, будь то в форме статуты, нормативных актов или судебного заключения» [13, с. 1].

Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джнсона постулирует мысль о том, что метафора является не только стилистическим приемом, но прежде всего когнитивным механизмом, позволяющим осмыслить абстрактные домены через конкретные телесно-ориентированные [10, с. 5].

Метафорическое осмысление представляет собой механизм переноса структуры из исходной области (source domain) в целевую область (target domain) [10].

В правовом дискурсе целевой областью выступают абстрактные юридические понятия, в част-

ности «вина», а исходной – конкретные сферы человеческого опыта (пространство, физическое воздействие и так далее).

Фразеологизмы выступают в роли «застывших метафор», которые кристаллизуют устойчивые когнитивные схемы. Фразеологизмы являются стабильным пластом лексики, который хранит информацию об исторических, культурных и правовых традициях общества.

Юридические фразеологизмы – это устойчивые сочетания слов, функционирующие в правовом дискурсе и обладающие специфическим значением, которое может быть полностью или частично мотивированно [15, 16]. Их преимущество как материала для метафорического анализа заключается в:

- устойчивости (фразеологизмы фиксируют устоявшиеся модели концептуализации права);
- культурной маркированности (они отражают национально-специфические представления о праве);
- компактности (в сжатой форме содержат сложную метафорическую модель) [14].

Основываясь на тезаурусной модели представления лексического состава языка (П.М. Роже) и теории поля (В. Порциг) исследуемые фразеологические единицы (ФЕ) были разбиты на тематические группы.

Группа «*установление и доказывание вины*» включает ФЕ, описывающие процесс признания и доказывания вины. Они описывают не сам факт совершения преступления, а юридическую процедуру подтверждения этого факта и распределение ответственности за доказывание между сторонами процесса.

Центральным элементом этой группы является принцип презумпции невиновности / *presumption of innocence/ innocent until proven guilty*, который задает сходную точку отчета: любое лицо считается невиновным до тех пор, пока обратное не будет подтверждено в установленном законом порядке. Из этого принципа вытекает правило о бремени доказывания / *the burden of proof*: обязанность собрать и представить убедительные доказательства («груз» ответственности) полностью возлагается на сторону обвинения, тогда как обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Логика развития процесса отражена в противопоставлении двух итоговых состояний: *вина доказана/ guilt has been proven / established, to be found guilty, to meet the burden of proof* – положительный результат работы обвинения, когда совокупность улик позволяет суду сделать однозначный вывод о причастности лица к преступлению; *вина не установлена / guilt has not been proven/ established, to be acquitted* – ситуация,

когда предоставленных доказательств недостаточно для вывода о виновности.

Ключевым гарантом справедливости в этой системе выступает правило *сомнения толкуются в пользу обвиняемого* / *beyond a reasonable doubt*. Оно означает, что любая неустраняемая неясность трактуется в пользу подозреваемого, что ведет к прекращению дела или вынесению оправдательного приговора.

В основе данной группы лежит следующая концептуальная метафора: процессуальная обязанность и доказывание — *это бремя (физическая тяжесть / груз)*. Исходной областью выступает физический опыт (перенос тяжестей, вес, нагрузка, усталость, распределение груза), целевой областью — юридическая процедура (обязанность собирать доказательства, ответственность сторон, результат процесса). Абстрактная процессуальная обязанность осмысливается как материальный груз, который необходимо «нести», «перемещать», «распределять». Во фразеологизмах *бремя доказывания вины* / *the burden of proof* обязанность обвинения концептуализируется как тяжелый груз, который процессуально возлагается на одну из сторон. Далее, во фразеологизмах *вина доказана, вина не установлена* / *guilt has been or not been proven/ established, has been or not been found guilty* отражается состояние «груза». Если доказательства собраны: проблема, воспринимаемая как бремя, успешно решена, то вина зафиксирована. Если доказательств недостаточно, то «груз не сдвинут», факт не установлен. *Сомнения толкуются в пользу обвиняемого* / *beyond a reasonable doubt/ benefit of the doubt* — здесь реализуется метафора неуравновешенности: если «вес» доказательств недостаточен, чаша весов склоняется в пользу защиты, а «груз» вины не может быть возложен на подсудимого, то есть существует определенный защитный барьер.

Презумпция невиновности / *the presumption of innocence* — задают исходную «нулевую точку» баланса: обвиняемый изначально свободен от «груза» вины, пока сторона обвинения не перенесет его через систему доказательств.

В этой тематической группе присутствует смежная модель: *судебный процесс — это взвешивание / измерение*. Она тесно переплетается с моделью *бремени*. В правовом дискурсе доказывание часто концептуализируется как взвешивание аргументов на весах правосудия, где бремя доказывания то, что должно перевесить сомнения. Отсюда глаголы *установить, доказать, истолковать, proven, established, to be found, to be acquitted, to find, to stand, to make out, to cop*.

На уровне когнитивно-коммуникативной функции данная метафорическая модель, используя телесный опыт тяжести, делает сложную процессуальную процедуру интуитивно понятной. Метафора подчеркивает, что активная нагрузка

лежит (*груз доказательств*) на обвинении, а защита изначально находится в состоянии «разгрузки» (*презумпция невиновности*).

Группа «*признание и отрицание вины*» в своей основе содержит следующую концептуальную метафору: вина — *это объект, который можно принять, признать или отвергнуть*. В этой метафоре абстрактный правовой статус (виновность) концептуализируется как материальный предмет, подлежащий присвоению, удержанию или отказу, то есть фиксируется баланс процессуальных возможностей через телесно-предметную логику. Исходная область — физическое владение: взятие предмета в руки, признание его своим, перекладывание тяжести на себя, отказ от имущества. Целевая область — юридическое признание или отрицание. Смысл механизма переноса заключается в том, что процессуальный акт признания/ отрицания вины моделируется как физическая манипуляция с объектом: *взять на себя, признать своим, сознаться (обнаружить наличие), отказаться (вернуть / изъять), to take the blame, to acquit, to convict, to spill the beans, to bear the guilt, the weight of evidence*. Реализация во ФЕ осуществляется следующим образом: *взять вину на себя / to take the blame, to assume responsibility* — прямая проекция физического переноса тяжести, так как ответственность за чужое деяние воспринимается как груз, который ложится на плечи; *признать вину / to plead guilty, to admit one's guilt* — вина концептуализируется как объект принадлежности, то есть субъект признает, что «объект» (вина) принадлежит ему; *не признавать вины / to plead not guilty, to deny guilt, to maintain one's innocence* — отказ от атрибуции, то есть субъект отрицает связь между собой и «объектом вины»; *сознаться в вине / to confess to the crime, to make a confession, to admit culpability* — метафора обнародования/ раскрытия скрытого объекта, то есть субъект добровольно выносит «вину» из внутреннего пространства в публично-правовое.

Тематическая группа, вербализирующая *степень и характер вины*, базируется на концептуальной метафоре *вина — это векторно-пространственная конфигурация (с направлением, объемом и отклонением)*. Она базируется на переносе пространственно-геометрических параметров на абстрактные категории целевой правовой области. Параметр «направление и отклонение» реализуется через образ прямой или искривленной линии, которая проецируется на характеристику целенаправленности воли субъекта. *Прямая вина / direct intent, specific intent* — вектор воли совпадает с вектором последствий. *Косвенная вина / oblique intent, recklessness* — вектор воли отклоняется, что приводит к побочному эффекту траектории. *Умысел и неосторожность / intent and negligence* — направленность воли против отклонения от должной внимательности. Категория «объема или меры» вины, представлена в исходной области как количественная величина и перенос

сится на степень юридической ответственности. Это дает когнитивное обоснование пропорционального распределения вины. *Совместная вина / joint liability* – несколько векторов сходятся в одной точке, объем ответственности делится.

Русские термины используют пространственные прилагательные (прямая, косвенная, совместная), что делает метафору геометрически наглядной. В английском правовом дискурсе та же модель вербализуется через реляционные существительные (intent, negligence, liability, fault), но когнитивная основа остается той же: ответственность измеряется «направлением воли» и «степенью пересечения действий».

Тематическая группа, которая построена на метафорической модели: *вина – это пятно/загрязнение*. В этой группе метафора отражает восприятие вины как загрязнения, которое остается на репутации человека.

В русском юридическом и публицистическом дискурсе процесс утраты моральной чистоты описывается через глаголы и существительные, обозначающие загрязнение (*запятнать себя виной, пятно вины, клеймо вины*), тогда как состояние безупречности вербализуется через отрицание этого признака (*незапятнанная репутация*). В русском языке модель имеет более выраженный морально-религиозный оттенок в результате влияния православной традиции и исповеди и искупления. Так же в русском языковой картине мира закрепились и архаичная, но культурно значимая формула *смыть вину кровью*, что придает данной метафоре более выраженный драматический оттенок.

Английский правовой дискурс демонстрирует сходство, вербализуя эту же модель через соответствующую лексику: существительное *stain*, (*stain of guilt*), причастие *stained by guilt* и глаголы очищения (*wash away the guilt*). Как и в русском языке, в английском фиксируется метафорический антоним, описывающий идеальное состояние репутации – *unblemished reputation*. В этом случае модель тесно связана с социальной стороной. В обществе common law репутация имеет огромное значение, поэтому юридическое оправдание часто формулируется именно как восстановление доброго имени, а не просто констатация факта.

Тематическая группа *вина – это долг*, представляет вину как финансовое обязательство. Это метафора особенно ярко проявляется в гражданском праве, но присутствует и в уголовном (штрафы, компенсации). Виновный становится «должником» общества, наказание – это способ погасить этот долг. Это отражено в следующих ФЕ: *искупить вину, расплатиться за вину, долг перед обществом, понести наказание, отбыть наказание, to pay for one's crimes, to owe a debt to society, to acquit*.

В тематической группе *вина – болезнь* метафора концептуализирует вину как патологической со-

стояние или физическое страдание, требующие лечения. В английском правовом дискурсе модель чаще используется в психолого-правовом контексте. В русском – публицистическом и литературном описании судебных процессов.

В обеих языковых системах вина наделяется свойствами медицинского недуга через соответствующую терминологию: в русском дискурсе это *болезненное чувство вины и симптом вины*, в английском – *pathological guilt* и *symptom of guilt*. Особой экспрессивностью обеих традиций отличается метафора, описывающая эмоциональное страдание как физическую боль: русское *грызущая вина* имеет точный смысловой эквивалент в английском *gnawing guilt*, где мучения совести уподобляются грызущей, не проходящей телесной боли.

Результаты.

Проведенный сравнительный анализ метафорических моделей концепта *вина* в русском и английском юридических дискурсах позволяет сформулировать ряд выводов о когнитивных и культурных основаниях правового мышления. Полученные в ходе исследования количественные данные показывают следующее распределение метафорических моделей в корпусе фразеологизмов: доминирующее положение занимает модель *вина – это объект* (очень высокая частотность), за которой следует модель *вина – это груз* (высокая частотность), модели *вина – это пятно* и *вина – это долг* (средняя частотность), и наименее продуктивной оказывается модель *вина – это болезнь* (низкая частотность).

Все выявленные метафорические модели присутствуют в обоих языках, что подтверждает теорию Дж. Лакоффа и М. Джонсона об универсальности концептуальных метафор, основанных на телесном и сенсорном опыте человека [10; 14]. Носители русского и английского языков осмысливают абстрактное понятие вины через одни и те же исходные области: физическую тяжесть, векторно-пространственную конфигурацию, загрязнение, финансовое обязательство, патологическое состояние и материальный объект, что обусловлено общностью человеческой природы и базовых форм взаимодействия с миром.

Вместе с тем, несмотря на общность концептуальных структур, обнаруживаются различия в способах вербализации смыслов. Русские ФЕ чаще содержат морально-этические компоненты: глаголы *искупить, запятнать, смыть* отсылают к категориям греха, чистоты совести и ответственности.

В английских фразеологизмах наблюдается стремление к использованию к процессуально-прагматической лексики: устойчивые выражения *burden of proof, debt to society, benefit of doubt* акцентируют внимание на процедурных аспектах, распределении обязанностей и институциональных механизмах.

В романской правовой традиции, к которой принадлежит российское право, метафоры вины отражают нормативно-оценочный подход: вина воспринимается прежде всего, как морально-правовая категория, подлежащая качественной оценке (умысел, степень, неосторожность).

В системе common law, характерной для Англии и Америки, метафорический образ смещается в сторону процессуально-доказательной парадигмы: вина концептуализируется через призму стандартов доказывания, распределения бремени доказывания.

Историко-культурные факторы играют важную роль в формировании метафорических моделей.

В корпусе русских метафор центральное место занимают категории покаяния, искупления и духовного очищения, что навеяно православной традицией.

Английские метафоры, напротив, несут след протестантской этики и утилитаристской философии: вина осмысливается как долг, подлежащий погашению.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Заключение.

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что метафорические модели концепта *вина* в русском и английском правовом дискурсе представляют собой сложную мозаику, состоящую из универсальных когнитивных структур и культурно-специфических смыслов.

С одной стороны, общность метафорических моделей в обоих языках обусловлена единством телесного опыта, что обеспечивает существование сходных метафорических образов.

С другой, различия в правовых системах, религиозном мировоззрении и философии приводят к существенным расхождениям в способах вербализации моделей.

Понимание этих вопросов имеет существенное значение не только для лингвистики и когнитивной науки, но и для практики юридического перевода, межкультурной коммуникации в правовой сфере и сравнительного правоведения.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды : в 2 т. Т. 1: Лексическая семантика. М. : Языки русской культуры, 1995. 472 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с. ISBN: 5-7859-0027-0 EDN: QROEGR
3. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М. : Книжный мир, 2010. 848 с.
4. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Социолингвистические исследования. М. : Дом интеллектуальной книги, 2003. 288 с.
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство универсалий человеческого бытия. М. : Языки славянской культуры, 2012. 512 с.
6. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. М. : Изд-во РУДН, 2008. 312 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с. ISBN: 5-88234-552-2 EDN: UGQAMP
8. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М. : Гнозис, 2013. 320 с.
9. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с.
10. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; Пер. с англ. А.Н. Баранова, А.Н. Кричевской; Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. ISBN: 5-354-00222-2 EDN: QRAADX
11. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М. : Восток-Запад, 2007. 314 с. ISBN: 978-5-17-045103-6 EDN: RUFSVD
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический Проект, 2004. 824 с.
13. Тирсма П.М. Юридический язык. Чикаго : Издательство Чикагского университета, 1999. 314 с.
14. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 238 с.
15. Черданцев А.Ф. Язык права и юридическая терминология // Государство и право. 2001. № 5. С. 5–13. EDN: VDJPAB
16. Шейнин В.М. Лингвистический анализ юридического текста. М. : Юрист, 2001. 256 с.

References:

1. Apresyan Yu.D. Selected works : in 2 vol. Vol. 1: Lexical semantics. M. : Languages of Russian culture, 1995. 472 p.
2. Arutyunova N.D. Language and the human world. M. : Languages of Russian Culture, 1998. 896 p. ISBN: 5-7859-0027-0 EDN: QROEGR
3. Borisov A.B. Big legal dictionary. M. : Knizhny Mir, 2010. 848 p.
4. Van Dijk T.A. Discourse and power: Sociolinguistic studies. M. : House of Intellectual Books, 2003. 288 p.
5. Vezhbitskaya A. Understanding cultures through the universals of human existence. M. : Languages of Slavic Culture, 2012. 512 p.
6. Vorobyov V.V. Linguoculturology: theory and methods. M. : RUDN Publishing House, 2008. 312 p.
7. Karasik V.I. The linguistic circle: personality, concepts, discourse. Volgograd : Peremena, 2002. 477 p. ISBN: 5-88234-552-2 EDN: UGQAMP
8. Karasik V.I. The linguistic matrix of culture. M. : Gnosis, 2013. 320 p.
9. Kuznetsov S.A. The Great Explanatory Dictionary of the Russian language. Author's edition, 2000. 1536 p.
10. Lakoff J. Metaphors that we live by / J. Lakoff, M. Johnson; Transl. from English by A.N. Baranov, A.N. Krichevskaya; Ed. and with a preface by A.N. Baranov. M. : Unified URSS, 2004. 256 p. ISBN: 5-354-00222-2 EDN: QRAADX
11. Popova Z.D. Cognitive Linguistics / Z.D. Popova, I.A. Sternin. M. : Vostok-Zapad, 2007. 314 p. ISBN: 978-5-17-045103-6 EDN: RUFSVD
12. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian Culture: 3rd Ed., ispr. And add. M. : Academic Project, 2004. 824 p.
13. Tirsma P.M. The legal language. Chicago : University of Chicago Press, 1999. 314 p.
14. Chudinov A.P. Russia in a metaphorical mirror: Cognitive study of political metaphor (1991–2000). Yekaterinburg : Ural Publishing House. University, 2001. 238 p.
15. Cherdantsev A.F. The language of law and legal terminology // State and law. 2001. № 5. P. 5–13. EDN: VDJPAB
16. Sheinin V.M. Linguistic analysis of a legal text. M. : Yurist, 2001. 256 p.

Информация об авторе

Михайлина Ольга Анатольевна

кандидат филологических наук,
доцент,
кафедра русского и иностранных языков,
Краснодарский университет МВД России
ORCID iD: 0009-0008-1258-0416
mixoa-70@yandex.ru

Olga A. Mikhaylina

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Department of Russian and Foreign Languages,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ORCID iD: 0009-0008-1258-0416
mixoa-70@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 22.05.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-10>

УДК 81'42:82

Attribution

cc by

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ МЕДИАЦИЯ
ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РАССКАЗА В. ПЕЛЕВИНА
«ОТЕЛЬ ХОРОШИХ ВОПЛОЩЕНИЙ»)**

Немыка А.А.¹, Короткова А.А.², Коврыгина Н.В.³

^{1, 2}*Кубанский государственный университет,*

³*АНОО «Президентский лицей «Сириус»*

Аннотация. В статье рассматривается лингвокультурная медиация при обучении русскому языку как иностранному на материале рассказа Виктора Пелевина «Отель хороших воплощений». Анализируются аксиологические доминанты и значимые лингвокультурные тестовые особенности, которые помогают главной героине рассказа сформировать представления о человеческом мире. Особое внимание уделяется тому, как художественный текст помогает иностранному учащемуся перейти от буквального понимания слов к осмыслению культурного подтекста. Рассматриваются образы Бытия, ангела, «карты зависти», России и «прекрасной дамы». Показано, что фрагмент раскрывает связь языка, культуры, социальной оценки и авторской иронии, поэтому может использоваться как материал для аналитического чтения в иноязычной аудитории. Отдельно обозначена роль преподавателя как лингвокультурного медиатора, посредника между текстом и читателем на занятиях по русскому языку как иностранному сегодня.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая личность, прикладная лингвокультурология, языковая личность медиатора.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

**LINGUISTIC AND CULTURAL MEDIATION
IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE
(BASED ON THE TEXT OF V. PELEVIN'S SHORT STORY
«THE HOTEL OF GOOD INCARNATIONS»)**

Anna A. Nemyka¹, Anastasia A. Korotkova², Nadezhda V. Kovrygina³

^{1, 2}*Kuban State University,*

³*Presidential Lyceum «Sirius»*

Abstract. This article examines linguacultural mediation in teaching Russian as a foreign language using Viktor Pelevin's short story «The Hotel of Good Incarnations.» It analyzes the axiological dominants and significant linguacultural test features that help the story's protagonist form her understanding of the human world. Particular attention is paid to how the literary text helps foreign students move from a literal understanding of words to an understanding of the cultural subtext. The images of Genesis, the angel, the «envy map,» Russia, and the «beautiful lady» are explored. It is shown that the fragment reveals the connections between language, culture, social evaluation, and the author's irony, and can therefore be used as material for analytical reading in a foreign language classroom. The role of the teacher as a linguacultural mediator, an intermediary between the text and the reader, is highlighted in today's Russian as a foreign language classroom.

Keywords: linguacultural studies, linguistic personality, applied linguacultural studies, linguistic personality of a mediator.

Funding: Independent work.

Введение

В современной практике преподавания русского языка как иностранного особое значение приобретает работа с художественным текстом. Такой текст помогает учащемуся изучать не только лексику и грамматику. Он открывает культурные смыслы. Через него можно говорить о ценностях, социальных представлениях, литературных отсылках и особенностях русской языковой картины мира.

При этом художественный текст нельзя давать иностранной аудитории без подготовки. Учащийся может понять прямое значение слов, но не увидеть скрытый смысл. Он может перевести отдельные фразы, но не понять иронию, сюжет, но не заметить культурную игру. Именно поэтому в работе с художественным текстом важна лингвокультурная медиация.

Лингвокультурная медиация понимается в статье как многоуровневое посредничество между текстом и иностранным читателем. Ее задача состоит не в упрощении произведения. Нужно помочь учащемуся воспринять текст постепенно: сначала понять констатирующие параметры, потом ключевые слова, затем культурные отсылки. После этого он может перейти к анализу и собственному высказыванию.

Такой подход особенно важен при работе с современной русской прозой. В ней часто соединяются разные уровни речи. Рядом могут стоять философское понятие, разговорная частица, религиозный образ и социальная сатира. Для носителя языка такие переходы вполне органичны, для иностранного учащегося они требуют объяснения. Поэтому преподаватель выступает как медиатор. Он помогает не только перевести слово, но и понять его культурный вес.

В данной статье анализируется не весь рассказ, а только начальный фрагмент. В.И. Тюпа пишет, что анализ фрагмента не должен пониматься как простое выборочное рассмотрение текста. Фрагмент нужно изучать как часть художественного целого, в которой сохраняются важные свойства произведения [Тюпа 2009, с. 129].

Актуальность статьи связана еще и с тем, что иностранному учащемуся часто трудно понимать не прямое значение слов, а культурный подтекст. Например, слово «Россия» в тексте не просто обозначает страну. Оно имеет глубокий концептуальный смысл. Выражение «прекрасная дама» не просто обозначает красивую женщину. Оно отсылает к литературной традиции. Фраза «Быть или не быть?» не является обычным вопросом. Это культурная цитата. Поэтому репрезентация фрагмента в иноязычной аудитории должна включать не только чтение, но и системную лингвокультурную и медиативную работу.

Обсуждение

Представляется рациональным опираться на несколько положений. Первое связано с анали-

зом художественного текста. В. И. Тюпа отмечает, что полноценный анализ не должен сводиться к перечислению отдельных элементов: важнее показать, как эти элементы работают в системе целого [Тюпа 2009, с. 14]. Поэтому необходимо детально анализировать образы фрагмента, каждый образ рассматривать через его функцию (что он дает для понимания героя, мира и решения лингводидактической задачи). Второе положение связано с ролью читателя. В современной литературной теории подчеркивается, что текст не является закрытым объектом с единственным готовым смыслом. В антологии И. В. Кабановой приводится мысль В. Изера о том, что при чтении текст становится частью опыта читателя, а читатель открывается чужой действительности [Кабанова 2004, с. 211]. В практике преподавания русского языка как иностранного это особенно важно. Иностранный учащийся читает текст не так, как носитель языка. Ему нужно объяснять культурные знаки, устойчивые выражения и скрытые оценки. Третье положение связано с постмодернистской природой прозы Пелевина. И.П. Ильин характеризует постмодернизм как особое умонастроение, возникшее из постструктуралистских и деконструктивистских эстетических практик [Ильин 1996, с. 3]. Для анализа текстов прозы Пелевина – это особенно важно: у него высокая культурная цитата может быть снижена или существенно трансформирована; религиозный образ может попасть в социально-сатирический контекст; философский вопрос может звучать рядом с разговорной частицей.

Исследователи также отмечают, что в сборнике Пелевина мифологические элементы выполняют сюжетообразующую функцию, но часто получают амбивалентный характер. Высокие сущности и эсхатологические представления снижаются до уровня игры, массовой культуры и технологий самооправдания [Осьмухина 2026, с. 552]. Это положение помогает понять выбранный фрагмент. Ангел, Бытие и воплощение здесь есть, но они сразу попадают в мир зависти, богатства и социальной привлекательности.

Важно отдельно уточнить само понимание лингвокультурной медиации. В работе с иностранной аудиторией она не сводится к переводу непонятных слов. Перевод дает только первое значение. Но художественный текст устроен сложнее. В нем слово часто связано с культурной памятью, литературной традицией, социальными оценками и авторской иронией. Лингвокультурная медиация в этом случае понимается как «система трансляции лингвокультурных смыслов в различных типах дискурса с учетом эргономики и растущей цифровой плотности современного образовательного пространства. Данный процесс направлен на формирование национально-идентичной лингвокультурной матрицы и позволяет осуществлять быстрый трансфер необходимых элементов культурного кода» [Немыка 2026]. Преподаватель помогает учащемуся пройти путь от буквального смысла к культурному. Именно поэтому медиатор должен видеть не

только языковую трудность, но и скрытый культурный код. Работа с текстом в иноязычной аудитории требует учета сложности текста, отбора материала и функциональной специфики его представления. Это положение является ключевым. В анализируемом фрагменте текста рассказа В. Пелевина значимых точек медиации несколько. Это фраза «Быть или не быть?». Это слово «Бытие». Это образ ангела. Это имя Маша. Это «карта зависти». Это слово «Россия». Это выражение «прекрасная дама». Каждая из этих единиц понятна номинативно, но не раскрывается полностью без культурного объяснения. Например, учащийся может понять, что Россия – это страна. Но он не поймет, почему слово в тексте названо «увесистым». Он может понять, что Маша это имя. Но без комментария он не увидит разницу между формами Мария, Маша, Машенька. Он может определить, что зависть – это чувство. Но ему нужно объяснить, почему у Пелевина зависть становится картой мира. Поэтому медиация рассматривается как особый способ учебного чтения. Ее задача состоит в том, чтобы сделать текст доступным, но не упростить его до пересказа. Это важный момент. Если преподаватель только пересказывает содержание, художественный смысл теряется. Если же медиатор дает слишком сложную теорию, учащийся теряет контакт с текстом. Лингвокультурная медиация должна находиться между этими двумя гранями. Она объясняет, но оставляет место для самостоятельного понимания. Такой подход особенно важен при работе с прозой Пелевина. Его текст всегда противоречив и когнитивно сложен и синкретичен: в одном фрагменте могут сосуществовать философская терминология, религиозный образ, разговорная лексика и социальная сатира. Носителю языка эти переходы позволяют воспринимать развитая читательская интуиция. Инофону требуется пошаговое объяснение. Поэтому фрагмент «Отеля хороших воплощений» удобен как материал для формирования не только языковой, но и лингвокультурной компетенции.

Результаты

В анализируемом фрагменте читатель видит героиню в состоянии до рождения. Она слышит вопрос «Быть или не быть?» и соглашается на бытие. После этого появляется ангел новой жизни. Он сообщает Маше ее имя, объясняет способность понимать слова и показывает будущую человеческую судьбу. Центральным образом становится «карта зависти», где самые яркие огоньки обозначают самые желанные с человеческой точки зрения маршруты судьбы. Будущая жизнь Маши связывается с Россией, богатством, красотой и образом «прекрасной дамы».

Эта фактография нужна только как основа. Главная ценность фрагмента состоит не в развитии действия. Важнее то, как Пелевин через короткий диалог строит модель человеческого мира. Этот мир открывается Маше через язык. Сначала она получает способность понимать

слова. Потом она узнает свое имя. Потом ей показывают социальную систему ценностей. Поэтому фрагмент можно читать как сцену вхождения сознания в язык, культуру и общество.

Фрагмент начинается с вопроса «Быть или не быть?». Это не просто начало диалога. Эта культурная реминисценция отсылает к трагедии У. Шекспира «Гамлет». В русском лингвокультурном пространстве эта фраза давно стала знаком предельного выбора. Обычно она связана с вопросом жизни, смерти, смысла, сомнения. У Виктора Пелевина она перенесена в ситуацию еще не начавшейся жизни. Перед Машей стоит вопрос о самом факте рождения.

Важно, что ответ Маши звучит не торжественно. Она говорит: «Ну, быть...». Частица «ну» сразу снижает высокий стиль. Вопрос звучит как философская формула, а ответ звучит почти обыденно. Такое столкновение регистров создает легкий иронический эффект. Пелевин не отменяет серьезность вопроса. Он просто показывает, что даже самый высокий вопрос может быть помещен в странную, почти техническую ситуацию выбора рождения.

Уже первая реплика задает двойную тональность. С одной стороны, перед нами философская тема бытия. С другой стороны, автор сразу вводит бытовую интонацию. Это характерно для постмодернистской манеры письма, где высокая культура не исчезает, но начинает работать в новом, часто ироническом контексте.

Далее звучит фраза: «Добро пожаловать в Бытие». Слово «Бытие» написано с большой буквы. Оно звучит как философское понятие: важно отличие от слов «жизнь» и «существование» («жизнь» звучало бы нейтральнее, «существование» – книжно). «Бытие» звучит предельно обобщенно. Оно связано с философским, религиозным языком. Но в тексте рядом с ним стоит уже сниженная реплика «Ну, быть...». Поэтому высокий смысл не закрепляется в чистом виде, он сразу включается в ироническую модусную рамку.

Образ ангела новой жизни тоже двойственен. В традиционной культуре ангел связан с религиозной вертикалью. Он может быть вестником, проводником, защитником. В данном фрагменте он, действительно, выполняет роль посредника: объясняет Маше, кто она, как она может думать, как она будет понимать слова. Но этот ангел не вводит ее в пространство спасения, а лишь объясняет специфику будущей социальной роли. Это важная авторская смысловая трансформация.

Таким образом, ангел здесь является не только религиозной фигурой, но и комментатором. Он показывает устройство мира, дает Маше первые культурные значения. Ангел в анализируемом текстовом фрагменте во многом выполняет функцию медиатора. Преподаватель на занятии по русскому языку как иностранному тоже высту-

пает медиатором между учащимся и другой культурой. Он не просто переводит слова, а объясняет, почему они значимы в данном контексте и конситуации.

Имя Маша является следующим важным знаком. Ангел говорит, что это имя героини в человеческом рождении. На первый взгляд, простая деталь, но для иностранного учащегося она требует комментария. Маша это разговорная форма имени Мария. В русской системе имен форма имени показывает многое: степень официальности, близость общения, эмоциональное отношение. «Мария» звучит официально. «Маша» звучит привычно, мягко, повседневно. Через имя героиня получает культурную определенность. Она перестает быть просто абстрактным сознанием до рождения. Она становится будущей девочкой с русским именем. Это важно для всей сцены: вхождение в человеческий мир начинается не с тела, а с имени и языка. Сначала Маша получает имя, потом способность понимать слова, после начинает задавать вопросы. Таким образом, человеческое существование в тексте начинается как языковое существование.

Метафорические образы в анализируемом фрагменте выполняют не только выразительную, но и объяснительную функцию: метафора в научном осмыслении текста может пониматься не просто как украшение речи, а как «орудие мыслительного процесса» [А.А. Немыка 2025, с. 106–108]. Это положение помогает точнее рассмотреть пелевинские образы «мягких шариков», «смысловых облаков» и «карты зависти». Данные средства художественной выразительности не только делают текст образным, но и помогают читателю понять устройство изображенного мира. Через метафору «карты зависти» абстрактная социальная оценка становится наглядной. Зависть у Пелевина получает форму пространства, по которому можно ориентироваться. Маша воспринимает обращенные к ней слова как шарики, которые попадают в нее и взрываются «смысловыми облаками». Это один из самых продуктивных образов для анализа. Он показывает понимание речи как почти физический процесс. Слово входит в сознание, потом оно раскрывается смыслом. Маша не просто слышит звук: она переживает момент рождения значения.

Для репрезентации текста в иноязычной аудитории этот образ очень важен. Иностранный учащийся часто проходит похожий путь. Сначала русское слово воспринимается как набор звуков, после появляется значение. Потом слово начинает использоваться в собственной речи, формируются ассоциативные связи. Героиня тоже постепенно понимает, что может «кидать такие шарики». Значит, она переходит от восприятия к речевому действию. Это можно использовать на занятии как метафору речевой коммуникации.

Далее появляется вопрос: «Стать человеком это хорошо?» Здесь фрагмент переходит от языка к

ценностям. Маша задает почти детский вопрос. Но ответ ангела оказывается социально острым: «Смотря каким». В этой реплике – весь смысл дальнейшего объяснения. Человеческая жизнь оценивается не сама по себе, а через условия. Важно, каким человеком ты станешь. Где ты родишься. В какой семье. С каким статусом. С какой внешностью. С каким доступом к желанному миру. Фраза «по земным меркам» закрепляет это смещение. Ангел не говорит, что жизнь Маши будет хорошей в нравственном или духовном смысле. Он сообщает, что она прекрасна «по земным меркам». Значит, перед нами человеческая система оценки. Она строится на богатстве, красоте, зависти и социальной привлекательности. Так Виктор Пелевин обращает внимание читателя на смещение и трансформацию традиционных ценностных установок. Человеческий мир объясняется не через добро и зло, а через престиж и желание. Сообщение о том, что Маша родится дочерью очень богатого человека, является важным социальным маркером. Здесь богатство выступает как главный признак удачного рождения. Не говорится, что она будет счастлива, свободна или будет духовно развита. Сначала называется богатство. Это демонстрирует систему ценностей, в которую Маша должна войти. В этом фрагменте Пелевин показывает рождение как попадание в уже готовую социальную иерархию. Человек еще не появился на свет, а его судьба уже оценивается через зависть других. Внешне сцена выглядит фантастически. Но по смыслу она говорит о вполне реальной социальной логике. Современный человек часто оценивается не по внутреннему содержанию, а по внешним признакам успеха.

Центральным образом становится «карта зависти». Это не просто фантастическая деталь. Это модель общества. Карта обычно помогает ориентироваться в пространстве. У Пелевина она помогает ориентироваться в человеческих желаниях. Люди завидуют разным судьбам: чем сильнее зависть, тем ярче огонек. Получается, что зависть превращается в измерительный прибор. Слово «зависть» само по себе важно для анализа. В русском языке оно обычно имеет отрицательную оценку. Завидовать значит желать того, что есть у другого. Но у Пелевина зависть становится основой карты мира. Это очень точный сатирический прием. Мир представлен не как пространство духовного выбора, а как пространство чужого желания. Ценность судьбы зависит от того, насколько сильно другим хочется оказаться на твоём месте.

Выражение «маршруты судьбы» тоже важно. В русском языке судьба часто мыслится как путь. Можно сказать, «жизненный путь», «поворот судьбы», «дорога жизни». У Пелевина этот привычный образ соединяется с логикой навигации. Судьба выглядит как маршрут, который можно выбрать или к которому можно быть направленным, однако это не путь нравственного становления, это маршрут социального соблазна. Современные исследователи творчества Виктора

Пелевина отмечают, что в «Ананасной воде для прекрасной дамы» традиционные мифологические и религиозные представления мыслятся широко, но часто служат демонстрации тщетности человеческого самооправдания [Осьмухина 2026, с. 552]. В данном рассказе религиозный и философский план также существенно снижен: Ангел, Бытие и воплощение ведут не к спасению, а к карте зависти.

Важен и мотив ограниченного выбора. В начале Маша как будто выбирает свое бытие. Но потом ангел говорит: «Но тебе вон туда». Эта короткая фраза показывает, что выбор не абсолютен. Она согласилась на бытие, но маршрут уже указывается извне. В этом есть скрытая критика идеи свободной судьбы: человеческая жизнь сразу оказывается включена в систему заданных условий.

Слово «Россия» в конце фрагмента несет особую лингвокультурную нагрузку. Маша спрашивает, где будет жить. Ангел отвечает: «В России». После этого сказано, что слово «Россия» имело смысл, и он был «весьма увесист». Это одна из ключевых, концептуально значимых фраз текста, доминанта культурного кода. Она несет исторические, социальные и эмоциональные ассоциации.

Для анализа важно слово «увесистый». В прямом значении оно связано с весом. В переносном значении оно обозначает значительность, тяжесть, смысловую насыщенность. Значит, слово «Россия» не нейтрально. Оно сразу входит в сознание Маши как плотный смысловой блок. Для иностранного учащегося это место очень важно. Оно показывает, что название страны может быть не только географией, но и культурным образом.

В финале анализируемого фрагмента ангел говорит, что Маша будет «красивейшей жительницей этой страны». Красота здесь соединяется с богатством и завистью. Будущая судьба Маши описывается через внешние признаки успеха. Она будет красивой дочерью богатого человека. Она будет объектом восхищения. Она будет жить в России. Эти признаки складываются в образ желанной социальной позиции.

Фраза «прекрасная дама» завершает анализируемый фрагмент. В русской культуре это выражение связано с образом идеальной женщины, с символистской традицией, прежде всего с образом Прекрасной Дамы у А. Блока. У Пелевина этот высокий образ помещен в иронический контекст. Прекрасная дама оказывается связана не с духовным идеалом, а с богатством, красотой, завистью и социальным престижем.

О.Ю. Осьмухина отмечает, что заглавие сборника «Ананасная вода для прекрасной дамы» отсылает к В. Маяковскому, а именно, к его скандально известному стихотворению, а в повести «Отель хороших воплощений» важна идея аксиологической фиктивности современного мате-

риального мира [Осьмухина 2026, с. 556]. Уже в начале текста видно, что образ прекрасной дамы не остается сугубо поэтическим: он входит в мир социальной оценки, высокая формула становится частью механизма соблазна.

Анализируемый фрагмент можно рассматривать как внутреннюю модель медиации. В тексте есть персонаж, который ничего не знает о человеческом мире. Это Маша. Есть фигура, которая объясняет ей язык, имя, будущую судьбу и систему человеческих оценок. Это ангел. Есть набор культурных и социальных знаков, которые нужно понять. Это Бытие, Россия, богатство, зависть, Прекрасная дама. Поэтому сам фрагмент построен как ситуация объяснения. Ангел выступает своеобразным медиатором внутри художественного мира. Он не просто сообщает Маше информацию, а переводит неизвестное в понятное. Он дает ей имя, объясняет, что она может думать и чувствовать, как люди. Он показывает ей карту зависти, вводит ее в человеческую систему ценностей. От него Маша получает первый опыт человеческого понимания. Эта структура близка лингвокультурно и лингводидактически к учебной ситуации представления текста. Иностранному учащемуся тоже находится перед новым языковым и культурным пространством. Задача преподавателя – помочь перейти от слова к смыслу. Но есть важное отличие: ангел в рассказе направляет Машу к готовой судьбе, преподаватель не должен навязывать готовое толкование. Он должен дать опору для самостоятельного чтения. Именно поэтому фрагмент удобен для обсуждения роли медиатора. На первом уровне ангел кажется помощником. Он объясняет, отвечает на вопросы, делает неизвестный мир более понятным. Но на втором уровне становится видно, что его объяснение не нейтрально. Он сразу вводит Машу в систему «земных мерок», показывая ей не карту добра, не карту духовного выбора, а карту зависти. Значит, медиация в работе с подобным фрагментом строится по проблемному принципу. Она формирует взгляд на мир. Для учебной работы это очень важно. Учащимся можно показать, что любой комментарий формируется с учетом определенных лингвокультурологических параметров. Если преподаватель объясняет только сюжет, учащийся увидит фантастическую сцену. Если объяснить культурные цитаты, он увидит литературную игру и т.д. Значит, от медиации зависит глубина восприятия смыслов текста при чтении. Фрагмент также показывает, что понимание начинается с языка. Маша сначала получает способность понимать слова. Слова изображаются как «мягкие шарики» и «смысловые облака». Это не случайная образность. Пелевин показывает, что смысл не лежит на поверхности. Он раскрывается внутри воспринимающего сознания. В этом плане текст хорошо соотносится с мыслью И.В. Кабановой о роли читателя. При чтении текст включается в опыт воспринимающего человека [Кабанова 2004, с. 210]. Иностранному учащемуся проходит похожий путь. Он принимает слово, соотносит его со своим опы-

том и постепенно выстраивает модель общего понимание. Фрагмент важен не только включенностью в него культурных реалий, но и демонстрацией механизмов их вхождения в язык и культуру. Иностранный учащийся учится понимать русскую культуру через текст. В обоих случаях смысл возникает не сразу. Он требует посредника, комментария и активной работы читателя.

Лингвокультурный комментарий к данному фрагменту должен быть направлен на раскрытие смысла тех единиц, которые несут не только языковое, но и культурное значение. Фраза «Быть или не быть?» требует пояснения как известная литературная цитата. Слово «Бытие» связано с философским и религиозным смыслом. «Карта зависти» помогает объяснить социальную оценку успеха через чужое желание. Слово «Россия» в тексте выступает как культурная доминанта. Выражение «прекрасная дама» отсылает к литературной традиции и одновременно получает у Пелевина ироническое звучание. Такой комментарий помогает иностранному учащемуся перейти от понимания отдельных слов к пониманию скрытого смысла фрагмента.

Вывод

Таким образом, анализ текста прозы Виктора Пелевина показывает, что текст базируется на нескольких смысловых уровнях. Первый связан с рождением сознания: героиня получает имя, речь и способность понимать слова. Второй связан с языком: слово показано как носитель смысла, через который героиня входит в новый мир. Третий уровень связан с культурой. В тексте появляются отсылки к Шекспиру, Бытие, ангел, русское имя Маша, Россия и образ «прекрасной дамы». Четвертый уровень – социальная сатира. Через «карту зависти» человеческий мир раскрывается как пространство богатства, статуса, внешней привлекательности и чужого желания.

Для обучения иностранных учащихся данный фрагмент является продуктивным материалом. Он построен как диалог, поэтому подходит для чтения по ролям и работы с интонацией. В тексте есть важная лексика: «Бытие», «воплощение», «зависть», «судьба», «смысл», «мерки», «рождение». Эти слова требуют не только перевода, но и лингвокультурного комментария.

С языковой стороны можно выделить несколько групп слов. Первая группа связана с восприятием и мышлением: «казалось», «понять», «вспомнить», «думать», «чувствовать», «рассмотреть». Вторая группа связана с оценкой: «прекрасно», «желанные», «соблазнительные», «яркий», «тусклый», «увесистый». Третья группа включает абстрактную лексику: «Бытие», «судьба», «зависть», «смысл», «воплощение». Грамматические особенности также говорят об эффективности использования данного фрагмента на продвинутом этапе обучения.

Важен и медиативный потенциал фрагмента. Ангел объясняет Маше новый для нее мир. В учебной ситуации похожую роль выполняет преподаватель. Он помогает иностранному учащемуся перейти от прямого значения слов к культурному подтексту. Поэтому фрагмент подходит не только для чтения, но и для формирования лингвокультурной и общекультурной компетенции, навыков читательской культуры в целом. Для развития навыков говорения рационально предложить дискуссию о хорошей судьбе, зависти, богатстве, красоте и статусе. Такие вопросы помогают выйти за пределы стандартного понимания текста, но сохраняют связь с его ключевыми образами. Данный прозаический текст может быть использован как материал для комплексной работы: анализа художественного текста, составления лингвострановедческого комментария, медиативной практики.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. ISBN: 5-87604-035-5 EDN: FSINRS
2. Кабанова И.В. Современная литературная теория. Антология. М. : Флинта: Наука, 2004.
3. Немыка А. А. Метаязык лингвистики: эволюция и функции : монография. Краснодар, 2025. EDN: IWTBTR
4. Немыка А.А. Лингвокультурная медиация в современном образовательном пространстве // Психолого-педагогическое сопровождение общего, специального и инклюзивного образования детей и взрослых. Тула, 2026. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89345269&pff=1>
5. Осьмухина О.Ю. Мифопоэтический контекст книги В.О. Пелевина «Ананасная вода для прекрасной дамы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19. Вып. 2. DOI: 10.30853/phil20260071 EDN: XAMRGJ

© Немыка А.А., Короткова А.А., Коврыгина Н.В.

6. Пелевин В.О. Ананасная вода для прекрасной дамы. М. : Эксмо, 2010.
7. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М. : Академия, 2009. ISBN: 978-5-7695-5848-1 EDN: QTXIYT

References:

1. Ilyin I.P. Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism. М. : Intrada, 1996. ISBN: 5-87b04-035-5 EDN: FSINRS
2. Kabanova I.V. Modern literary theory. An anthology. М. : Flint: Nauka, 2004.
3. Nemyka A.A. Metalanguage of linguistics: evolution and functions : monograph. Krasnodar, 2025. EDN: IWTBTR
4. Nemyka A.A. Linguistic and cultural mediation in the modern educational space// Psychological and pedagogical support for general, special and inclusive education of children and adults. Tula, 2026. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89345269&pff=1>
5. Osmukhina O.Y. The mythopoetic context of V.O. Pelevin's book «Pineapple water for a beautiful lady» // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2026. Vol. 19. Iss. 2. DOI: 10.30853/phil20260071 EDN: XAMRGJ
6. Pelevin V.O. Pineapple water for a beautiful lady. М. : Eksmo, 2010.
7. Tyupa V.I. Analysis of a literary text. М. : Akademiya, 2009. ISBN: 978-5-7695-5848-1 EDN: QTXIYT

Информация об авторах

Немыка Анна Анатольевна

доктор филологических наук,
доцент,
профессор кафедры русского языка
как иностранного,
Кубанский государственный университет
annemyka@yandex.ru

Короткова Анастасия Алексеевна

студентка 3 курса направления
русский язык как иностранный
филологического факультета,
Кубанский государственный университет
korotkova.anast@mail.ru

Коврыгина Надежда Владимировна

учитель,
АНОО «Президентский лицей «Сириус»,
Краснодарский край, федеральная территория
Сириус, поселок городского типа Сириус
kovrygina_nadezhda@mail.ru

Anna A. Nemyka

Doctor of Philology,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Russian as a Foreign Language,
Kuban State University
annemyka@yandex.ru

Anastasia A. Korotkova

3rd year Student of the Department
of Russian as a Foreign Language
at the Faculty of Philology,
Kuban State University
korotkova.anast@mail.ru

Nadezhda V. Kovrygina

Teacher,
Autonomous Non-profit Educational Organization
«Presidential Lyceum «Sirius»,
Krasnodar Territory,
Federal Territory Sirius,
Sirius urban-type settlement
kovrygina_nadezhda@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.05.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.06.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-6>

УДК 81.33

Attribution

cc by

АРХАИЗМЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НАКАЗАНИЙ

Ястребова О.И., Гарцуева О.А.

*Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал*

Аннотация. В статье исследуется феномен архаизмов в уголовном праве: устаревших лексических единиц, юридических конструкций и правовых институтов, сохранившихся в современных уголовно-правовых нормах. Авторами проводится анализ причины их сохранения в законодательстве, а также оценивает влияние архаичных элементов на правоприменительную практику и общественное восприятие преступлений и наказаний. В работе рассмотрены основные типы архаизмов в уголовном праве: лексические (устаревшие термины и формулировки), структурные (пережитки исторических правовых систем) и содержательные (нормы, утратившие актуальность в современных социально-правовых реалиях). На конкретных примерах продемонстрировано, как архаизмы затрудняют толкование норм, создают коллизии в правоприменении и формируют искажённое представление о сути и целях уголовного наказания.

Ключевые слова: лексика, архаизмы, историзмы, пассивные архаизмы, словарь, наказание.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ARCHAISMS IN CRIMINAL LAW: INFLUENCE ON THE PERCEPTION OF CRIMES AND PUNISHMENTS

Oksana I. Yastrebova, Oksana A. Gartsueva

V.M. Lebedev Russian State University of Justice, North Caucasus branch

Abstract. The article presents the analysis of the phenomenon of archaisms in criminal law — lexical units, legal constructions and legal rules preserved in modern criminal law norms. The article analyzes the reasons for their preservation in legislation, as well as assesses the impact of archaic elements on law enforcement practice and public perception of crimes and punishments. The paper considers the main types of archaisms in criminal law: lexical (outdated terms and formulations), structural (remnants of historical legal systems) and substantive (norms that have lost relevance in modern socio legal realities). Concrete examples demonstrate how archaisms make it difficult to interpret norms, create conflicts in law enforcement, and form a distorted view of the essence and purpose of criminal punishment.

Keywords: vocabulary, archaisms, historicisms, passive archaisms, vocabulary, punishment.

Funding: Independent work.

Введение.

Консерватизм и устойчивость всегда являлись основными характеристиками языка права. Обеспечение однозначности толкования юридических норм представляет собой основную функцию языка юриста. Одним из проявлений консервативности считается сохранение и активное употребление архаичных высказываний.

В современной судебной практике архаизмы выполняют символические и прагматические функции. Именно сочетание традиционных способов оформления речевых высказываний с их

современной интерпретацией играет роль связующего звена прошлого и настоящего.

Архаизмы выступают источником гарантии точности и достоверности толкуемых законов, и эта основная функция представляет научный интерес как для лингвистов, так и для правоведов.

Результативность законов и точность выражения воли законодателя в сфере правотворчества напрямую зависит от точности использования терминов, с помощью которых эти законы толкуются.

Архаизм – устаревшая форма слова, которая больше не употребляется на данный момент времени, но местами могут проявляться в различных сферах. Архаизмы – пассивный словарный запас русского языка, не активно используемый в современном лексиконе, но встречающийся в правовых документах.

Традиционное восприятие архаизмов непосредственно связано с различными тематическими сферами лексики (компьютерная, юридическая, экономическая).

Рассматривая применение архаичных лексем в современном языке правосудия, авторы анализируют процесс собственно языковых и социокультурных обстоятельств, в силу которых устаревшие термины и выражения переходят из пассивного лексического запаса в активный. Под воздействием социально-культурных и исторических изменений, объективно происходящих в общественном развитии, назревает необходимость введения так называемых «модернизмов» (криптовалюта, смарт-контракт, цифровые активы).

Правовая сфера также претерпевает введение и активное использование современных слов и выражений в юридической теории и практике. Изменяя и совершенствуя законодательство, необходимо, по мнению авторов, сохранять правовые архаизмы и помнить, что любое вытеснение старой правовой лексики может повлиять на понятийный аппарат и затруднить толкование отдельных юридических норм и конституций. В ходе анализа интерпретации лексических архаизмов, следует рассмотреть лингвокультурный аспект, позволяющий упрощение коммуникативного взаимодействия разных поколений [1].

В данной статье мы рассмотрим юридическую сферу, чтобы выяснить:

- как архаизмы употребляются в гражданском и уголовном праве;
- проанализируем процесс устаревания тех или иных форм речевых высказываний;
- трансформацию из прошлого в будущее языка права, создавая мост между историей и современностью.

Обсуждение. Результаты.

Каждый этап в механизме эволюционной динамики внушает надежду на сохранение исторического языкового наследия и представляет научный интерес к современному развитию культуры речи в юридической теории и практике.

Некоторые архаизмы употребляются чаще, чем другие либо же ещё не стали общепризнанными.

Таким образом многие учёные выделяют помимо архаизмов также историзмы. Реалии прошлого, исчезнувшие вместе с явлениями и предметами, которые они обозначали (ямщик, уезд).

Под лингвистической архаизацией понимается процесс устаревания слов. С точки зрения использования архаизмов в речи юриста, следует отметить, что, придавая языку изящность и необычность, они могут вызвать недопонимание и затруднить коммуникацию. Также, избыточное использование архаичных выражений может придать речи искусственности и манерности, что не всегда уместно в ряде рассмотрения сложных судебных дел.

Научно-правовой анализ функционирования архаичных лексических единиц в системе уголовного законодательства: на примере терминов «деяние» и «сокрытие».

Семантико-юридический анализ термина «деяние» в уголовном праве.

В общезыковом употреблении (согласно дефиниции В. И. Даля), термин «деяние» определяется как нейтральная категория, охватывающая семантическое поле «действия, дела, поступка» [[2, с. 509–512],

В религиозно-текстологическом контексте, лексема приобретает позитивно-аксиологическую окраску, что подтверждается её использованием в каноническом названии библейского текста – «Деяния святых апостолов» [3, с. 130–168].

В рамках уголовно-правовой парадигмы термин трансформируется в специализированную юридическую категорию, обозначающую внешнюю форму проявления общественно опасного поведения субъекта, включающую:

- объективную выраженность акта;
- социальную вредоносность;
- противоправный характер;
- осознанность и волевой компонент.

Семантическая дифференцированность – в отличие от общеупотребительного «поведение»:

- «деяние» имплицитно целенаправленность действия;
- его социально значимый характер;
- потенциальную криминализацию.

Можно определить правовую специфику термина «сокрытие» (ст. 312 УК РФ) [4].

Термин «сокрытие» относится к категории архаизированных лексических единиц в современном русском языке, однако в уголовном праве сохраняет строго определённое значение, связанное с:

- утаиванием имущества, приобретённого преступным путём;
- маскировкой следов преступления;

- воспрепятствованием установлению истины.

Обоснование отсутствия адекватной синонимической замены:

- из этого вытекает понятие «утаивание», которое обладает чрезмерно широкой семантикой, не отражает криминальный контекст;
- «маскировка» — акцентирует визуальное сокрытие, игнорируя юридические аспекты;
- «конспирация» — относится к организационным мерам, не охватывая результативную сторону деяния.

Архаичные термины в уголовном законодательстве представляют собой не лингвистический изъян, а специфическую черту юридической техники, обеспечивающую:

- преемственность правового регулирования;
- формирование профессионального юридического языка, возникновения правовых коллизий;
- увеличения количества судебных ошибок; необходимости комплексной переработки нормативной базы.

Таким образом, сохранение терминов «деяние» и «сокрытие» в уголовном законодательстве обусловлено их функционально-правовой адекватностью и историко-доктринальной легитимностью, что подтверждается многолетней практикой их применения в правотворчестве и право-реализации [5].

«Измена Родине» (ст. 275 УК РФ) [4]. Это выражение, хотя и является устоявшимся юридическим термином, имеет сильный эмоциональный и идеологический оттенок, унаследованный от советского периода. В некоторых зарубежных законодательствах используются более нейтральные формулировки, такие как «государственная измена» или «предательство государства». Сам термин «Родина» является скорее морально-этической, чем строго юридической категорией, что может вызывать вопросы при его толковании.

«Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» (ст. 150 УК РФ) [4]. В контексте современного языка, «вовлечение» может восприниматься как слишком мягкое или пассивное действие, хотя в уголовном праве оно подразумевает активное склонение, принуждение и т.д. Возможно, более точным было бы «склонение», «принуждение» или «использование».

«Похищение человека» (ст. 126 УК РФ) [4]. Термин «похищение» имеет корни в старом праве и литературе. Хотя он понятен, иногда в бытовой речи может быть перепутан с «кражей» или «грабежом», хотя речь идёт о преступлении против личности.

«Злостное уклонение» (от уплаты алиментов, отбывания наказания и т.д.). Слово «злостное» не имеет четкого юридического критерия, его оценка часто субъективна и может создавать сложности в применении. Что именно делает уклонение «злостным»? Это оценочное понятие, которое требует дополнительной конкретизации в судебной практике.

Некоторые термины в старых уголовно-процессуальных актах. Например, дореволюционные уставы или ранние советские кодексы содержали такие термины как «преступление и проступок», «непотребство», «развратные действия» (последний, к сожалению, до сих пор присутствует в УК РФ, хотя его смысловая наполненность для разных людей может сильно отличаться от строго юридической).

Использование устаревших единиц измерения. Хотя в современном УК РФ они практически искоренены, в более старых нормативных актах можно было встретить меры, которые сейчас не используются (например, пуды, версты в описании географических объектов или объемов контрабанды).

Определенные формулировки в описании объектов преступления: Например, «**нравственность**», «**общественная безопасность**». Рассматривая вопросы употребления старой правовой лексики, необходимо учитывать природу их происхождения и влияние на существующий ныне понятийный аппарат в области юриспруденции. Та часть пассивной правовой лексики, что сохраняется в виде архаизмов, по многим причинам вытесняется активной современной лексикой. Под влиянием времени некоторая часть архаизмов модифицировалась (паспорт-паспорт), а некоторые сохранили свое значение в первоначальном виде (деяние, кара) [6].

Исходя из выше изложенного, стоит сделать вывод о том, что архаизмы в наше время сохранились по таким причинам, как:

Историческое наследие.

Русский язык формировался веками, и многие понятия и выражения имеют глубокие исторические корни. Уголовное право, как одна из старейших отраслей юриспруденции, сохранило ряд выражений и понятий, которые были сформированы ещё в средневековую эпоху. Например, термин «преступление» восходит к древнерусскому слову «преступити», означающему нарушение закона или правила [7].

Рассматривая вопрос историзмов в современном языке правосудия, следует отметить их возвращение в активный современный словарь и обиход, становясь общеупотребительными языковыми единицами (губернатор, дума, казначейство). Реанимация некоторых слов и словосочетаний на современном этапе развития российского общества носит культурно-исторический

характер и формирует связь между историей и современностью, позволяя сохранять и обогащать языковое наследие.

Традиционная правовая культура.

Традиционные правовые нормы и обычаи играли важную роль в формировании российского права. Многие архаичные термины и выражения отражают традиционные представления о справедливости и законности. Например, выражение «нести ответственность» связано с древней идеей личной ответственности перед обществом и законом [8].

Стилистические особенности устаревших языковых единиц представляют особый интерес с точки зрения их влияния на контекст высказываний и доступности понимания. Поэтапный выход некоторых архаичных выражений из словаря связан с конкретной исторической эпохой и представляет собой общественно-политическое и культурное языковое наследие. Словарный состав языка напрямую связан с историческими процессами развития общества и отражает перемены во всех сферах жизни, трансформируясь в языковое и культурное наследие.

Юридический язык имеет свою специфику и отличается особой точностью и ясностью формулировок. Архаизмы часто используются для придания речи торжественности и официальности. Это помогает подчеркнуть важность правовых норм и решений [9]. Архаичные выражения в современной терминологии уголовного и гражданского права призваны передавать и сохранять юридическую точность и доступность понимания, являясь элементами литературной нормы и представляющие собой активный словарный запас.

Сохранение юридической точности.

Некоторые архаизмы являются юридическими терминами, которые точно определяют конкретные юридические понятия. Их замена современными словами может привести к потере точности и однозначности. Например, слово «подсудимый» чётко обозначает лицо, привлечённое к уголовной ответственности, тогда как современные синонимы могут быть менее точными.

Заключение.

Таким образом, сохранение архаизмов в русском языке уголовного и гражданского права обусловлено историческим наследием, традициями правовой культуры, стилистическими особенностями и необходимостью сохранения юридической точности.

В современных условиях цифровизации происходит процесс перехода лексических единиц из

области интернет-технологий в различные социально-значимые сферы такие как право. Постепенное передвижение архаизмов из активного словаря в пассивный представляет эволюционирование терминов как функциональных единиц и сужение сфер их использования. Конкурентно-способность архаизмов с «модернизмами» значительно ниже. Процессы вытеснения старой лексики новой требуют расширения понятийного аппарата для носителей языка. Несоответствие коммуникативным и культурно-историческим ценностям приводит к консервированию, а в дальнейшем, к полной историзации архаичных слов и выражений.

На современном этапе развития русского языка возрастает вероятность возрождения архаичных единиц и их укоренение в активных словарях и лексиконе. Возвращение архаической лексики символизирует реальную картину того, в каком состоянии находится общество. Лексика исторически являлась динамичной областью, подверженной социальным воздействиям.

Влияние социально-политических факторов на процесс возрождения слов и выражений не стоит недооценивать. В силу ограниченного использования иностранных заимствований, появляется необходимость обходиться родным языком, соответствующим правильности и нормам применения.

В современной лингвистике утвердилась новая теория нормы, согласно которой норма – это «выбор», а не «запрет» [10]. Отступление от консервативных подходов к восприятию нормы, естественно, разрушает понимание нормы в качестве догмы. Изменчивость и динамичность нормы в результате попадания пассивной лексики в разряд общеупотребительной обуславливаются иерархией, задачами целого и не могут быть направлены против целого.

Изменчивость нормы, тем не менее, должна способствовать сохранению вариантности и устойчивому соотношению вариантов. Вариантность является одним из важнейших свойств языка, возможностью выражения различными способами одного содержания; это универсальная черта языка, в одинаковой степени характеризующая как его системную организацию, так и функционирование. Взаимодействие современных и архаичных вариантов представляет собой важное условие существования национального языка [11]

Данная тема представляет живой научный интерес с точки зрения анализа функционирования архаизмов и историзмов в современном языке правосудия и представляет обширное поле для исследований в таких областях, как юриспруденция и филология.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.
Литература:	
1. Ларина Т.В. Культура права и язык права: междисциплинарный подход / Т.В. Ларина, А.В. Курьянович. М. : МГЛУ, 2019. 2. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Буква А. URL : https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyy-slovar-zhivogo-velikorussskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-a 3. Деяния апостолов, глава 1 (Деян.1) на русском языке – Новый Завет – Синодальный перевод Библии. URL : https://azbyka.ru/biblia/?Act.1&r 4. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 5. Архаичность психологической теории вины в уголовном праве. КиберЛенинка. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/arhaichnost-psihologicheskoy-teorii-viny-v-ugolovnom-prave 6. Презентация «Архаизмы и их использование в языке права» // Алые паруса. URL : https://nsportal.ru/ap/literaturnoe-tvorchestvo/library/2021/03/12/prezentatsiya-arhaizmy-i-ih-ispolzovanie-v-yazyke-prava 7. Особенности употребления слов в правовых текстах, архаизмы и историзмы в праве – Язык права. URL : https://studref.com/316852/pravo/osobennosti-upotrebleniya-slov-pravovyh-tekstah 8. Коростелева Т.В. Архаизмы как тропеическое средство в современном русском литературном языке: лингвопрагматический аспект. Автореферат. Волгоград, 2015. EDN: XMQMSZ 9. От аффекта до экоцида: 10 терминов уголовного права // СПС «КонсультантПлюс»: студенту и преподавателю. URL : https://www.consultant.ru/edu/student/useful_advice/10_terminov_ugolovnogo_prava 10. Коростелева Т.В. Архаизмы как тропеическое средство в современном русском литературном языке: лингвопрагматический аспект. Автореферат. Волгоград, 2015. EDN: XMQMSZ 11. Кострова М.Б. К вопросу об использовании изобразительно-выразительных средств языка в уголовном законе. URL : https://studfile.net/preview/2437440/page:31	

References:

1. Larina T.V. Culture of law and the language of law: an interdisciplinary approach / T.V. Larina, A.V. Kuryanovich. M. : MGLU, 2019.
2. Explanatory Dictionary of the living Great Russian language by V.I. Dahl. The letter A. URL : <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyy-slovar-zhivogo-velikorussskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-a>
3. Acts of the Apostles, chapter 1 (Acts.1) in Russian – The New Testament – Synodal Translation of the Bible. URL : <https://azbyka.ru/biblia/?Act.1&r>
4. The Criminal Code of the Russian Federation (Criminal Code of the Russian Federation) dated 13.06.1996 № 63-FZ (latest edition) // SPS «ConsultantPlus». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699
5. The archaic nature of the psychological theory of guilt in criminal law. CyberLeninka. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/arhaichnost-psihologicheskoy-teorii-viny-v-ugolovnom-prave>
6. Presentation «Archaisms and their use in the language of law» // Scarlet Sails. URL : <https://nsportal.ru/ap/literaturnoe-tvorchestvo/library/2021/03/12/prezentatsiya-arhaizmy-i-ih-ispolzovanie-v-yazyke-prava>
7. Features of the use of words in legal texts, archaisms and historicisms in law – The language of law. URL : <https://studref.com/316852/pravo/osobennosti-upotrebleniya-slov-pravovyh-tekstah>
8. Korosteleva T.V. Archaisms as a tropeic means in the modern Russian literary language: linguistic and pragmatic aspect. The abstract. Volgograd, 2015. EDN: XMQMSZ
9. From affect to ecocide: 10 terms of criminal law // SPS «ConsultantPlus»: for students and teachers. URL : https://www.consultant.ru/edu/student/useful_advice/10_terminov_ugolovnogo_prava
10. Korosteleva T.V. Archaisms as a tropeic means in the modern Russian literary language: linguistic and pragmatic aspect. The abstract. Volgograd, 2015. EDN: XMQMSZ
11. Kostrova M.B. On the use of visual and expressive means of language in criminal law. URL : <https://studfile.net/preview/2437440/page:31>

Информация об авторах

Ястребова Оксана Ивановна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков,
Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал
miss.oxenia@yandex.ru

Гарцуева Оксана Александровна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал
popov-52@mail.ru

Oksana I. Yastrebova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
North Caucasus branch
miss.oxenia@yandex.ru

Oksana A. Gartsueva

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
North Caucasus branch
popov-52@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.04.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.05.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-8>

УДК 070.19:004.738.5; 5.9.9

Attribution

cc by

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОСВЕЩЕНИЯ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА В TELEGRAM-КАНАЛАХ

Сердотецкий Ф.А.

Воронежский государственный университет

Аннотация. В статье представлены результаты контент-анализа нарративных стратегий каналов, освещающих палестино-израильский конфликт. Проанализировано 23 канала Telegram. В ходе работы автор исследовал семь типов фреймов и пять тематических категорий. Также анализировались тональность и идеологические индикаторы. В результате выявились устойчивые нарративные профили трех идеологических страт. Автор выявил парадокс фрейминга виновности и зафиксировал структурную асимметрию идеологических показателей. Контент-анализ показал структурный произраильский наклон формально нейтральных каналов. Помимо этого, оказалось, что нарративные профили определяются типом медиаигрока сильнее, чем идеологией. Дополнительно в статье описан авторский концепт нарративной инерции.

Ключевые слова: Telegram, фрейминг, нарративные стратегии, палестино-израильский конфликт, пропаганда, нарративная инерция, структурная асимметрия, гибридная публичная сфера, контент-анализ, медиатизация конфликтов.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

NARRATIVE STRATEGIES IN COVERAGE OF THE ISRAEL-PALESTINE CONFLICT IN TELEGRAM CHANNELS

Fyodor A. Serdotetsky

Voronezh State University

Abstract. The article presents the results of a content analysis of the narrative strategies of channels covering the Israeli-Palestinian conflict. Twenty-three Telegram channels were analyzed. During the study, the author examined seven frame types and five thematic categories. Tonality and ideological indicators were also analyzed. This revealed stable narrative profiles across three ideological strata. The author identified a paradox of guilt framing and documented a structural asymmetry in ideological indicators. Content analysis revealed a structural pro-Israel bias in formally neutral channels. Furthermore, it was found that narrative profiles are determined more by the type of media player than by ideology. The article also describes the author's concept of narrative inertia.

Keywords: Telegram, framing, narrative strategies, Palestinian-Israeli conflict, propaganda, narrative inertia, structural asymmetry, hybrid public sphere, content analysis, conflict mediatization.

Funding: Independent work.

Введение.

Конфликт между Израилем и Палестиной фактически представляет собой не просто военно-политическое противостояние, но и нарративное. Именно по этой причине медийный контроль над интерпретацией событий и пропагандой в социальных сетях не менее значим, чем контроль над территориями и военными объектами [1].

Так называемый фрейм (принцип отбора и организации информации) определяет, как аудитория воспринимает существующую проблему в общественно-политическом дискурсе [2; 3; 4]. И в контексте палестино-израильской конфронта-

ции фреймы «жертва», «герой», «угроза» и «сопротивление» конструируют принципиально различные версии реальности посредством богатого инструментария медиасреды.

Оговоримся, что предшествующие исследования фрейминга [5; 6; 7; 8] фокусировались преимущественно на традиционных СМИ. Настоящая же статья представляет контент-анализ 23 аккаунтов онлайн-платформы Telegram, в числе которых, помимо аккаунтов СМИ, есть также каналы гражданских медиа, или низовых сообществ (также в тексте они будут называться grassroots), и инфлюенсеров.

Научная новизна данного медиаисследования определяется следующим. Прежде всего, впервые проведен систематический контент-анализ фреймов на столь масштабном корпусе Telegram-публикаций о палестино-израильском конфликте.

Кроме этого, количественно подтвержден «структурный произраильский наклон» формально нейтральных каналов.

Более того, введен авторский концепт нарративной инерции как измеримого расхождения между метрически оптимальным и фактически применяемым нарративным репертуаром. Наконец, впервые описан парадокс фрейминга виновности как нарративного механизма сверххвата.

В текущей статье автор выдвигает серию гипотез.

Первая гипотеза гласит, что пропалестинские каналы доминируют в фреймах «жертва» и «сопротивление», а произраильские – в фреймах «угроза» и «герой».

Вторая гипотеза подразумевает, что «информирование» обеспечивает максимальный охват при минимальном коэффициенте вовлеченности по подписчикам (ER %).

Третья гипотеза утверждает, что фрейминг виновности является значимым предиктором охвата.

Согласно четвертой гипотезе, нарративные профили определяются типом актора (медиаигрока) сильнее, чем идеологией. Идея же пятой гипотезы заключается в том, что нарративная инерция препятствует метрической оптимизации контента.

Настоящий научный труд является вторым в серии, основанной на единой базе данных, количественный анализ SMM-метрик вовлеченности тех же 23 каналов представлен в отдельной публикации [9].

Обзор литературы.

Обзор теоретического базиса начнем с теории фрейминга. Фрейминг – это процесс отбора определенных аспектов события и придания им заметности, в результате чего одни элементы реальности подчеркиваются, а другие замалчиваются или маргинализируются [2; 3; 4].

Так, Р. Энтман [10] в числе функций фрейма выделяет определение проблемы, диагностику причин, моральную оценку и предложение решений этой проблемы.

И особую аналитическую значимость имеет здесь фрейминг через умолчание (framing by omission), то есть систематическое, умышленное замалчивание фактов. Это буквально означает,

что в условиях конфликта то, что не было сказано, оказывается не менее значимым, чем-то, что сказано было.

Хотя концепция Энтмана носит общетеоретический характер, ее понятийный аппарат широко применяется в исследованиях освещения вооруженных конфликтов, включая палестино-израильский.

Не менее значимой для данного медиаисследования становится концепция гибридной публичной сферы [11], при помощи которой онлайн-платформы Telegram можно описать в качестве пространства, где институциональные СМИ воспроизводят логику рациональной дискуссии в духе хабермасовской публичной сферы [12], а grassroots-каналы формируют аффективные публичности [13]. Параллельно действует и небызвестная спираль молчания [14]. В контексте настоящей работы это означает, что аудитория выбирает те каналы, которые подтверждают уже имеющиеся убеждения. Данный принцип, в свою очередь, усиливает нарративную поляризацию.

В. Клемперер [15] в анализе языка Третьего рейха показал, как систематические речевые конструкции (дегуманизация противника и эвфемизация насилия) формируют восприятие образа врага. Точно такая же логика срабатывает и в общественно-политических Telegram-каналах.

Ж. Элюль [16] разграничивает два типа пропаганды («пропаганду интеграции» и «пропаганду агитации»). Институциональные СМИ реализуют преимущественно первый тип, то есть систематическое воспроизведение нарративных рамок через умолчание и акцент. В свою очередь, grassroots-каналы и инфлюенсеры тяготеют ко второму типу – прямой эмоциональной мобилизации через фреймы «сопротивления» и «жертвы». По Элюлю, оба типа в равной степени эффективны, однако они действуют на разных временных горизонтах, что подтверждается устойчивостью нарративных профилей в течение всех пяти фаз конфликта.

Исследования Dor [6] и Philo & Berry [7] фиксируют устойчивые различия фрейминга в традиционных медиа, которые настоящая работа переносит в среду мессенджеров и социальных сетей. А концепция нарративных сообществ [17] объясняет, почему каналы стабильно воспроизводят базовый нарративный профиль. Причина в том, что аудитория подписывается на определенную версию реальности, а смена нарратива воспринимается ею как предательство идентичности. Эвристика доступности, описанная в работе Д. Канемана и А. Тверски [18] дополняет картину. Частота и яркость образов напрямую влияют на воспринимаемую значимость события, укрепляя тем самым уже усвоенные нарративные схемы в массовом сознании аудитории. Наконец, экономика внимания [19] задает структурный контекст, и внимание становится дефи-

цитным ресурсом, за который конкурируют нарративы.

Методология.

Эмпирическую базу медиаисследования составили 23 канала социальной сети Telegram. Анализ проводился на 295 829 публикациях за октябрь 2023 – август 2025 гг. Это один из крупнейших размеченных корпусов Telegram-публикаций о палестино-израильском конфликте.

Стоит уточнить, что сбор данных осуществлялся через сервис TGStat (tgstat.ru). Выгрузка содержала 529 файлов (23 канала × 23 месяца) с указанием по каждой публикации даты, текста, количества просмотров, пересылок, реакций и комментариев.

Все представленные каналы, или аккаунты, отобраны методом стратифицированной выборки по двум параметрам, типу медиаигрока (институциональные СМИ, гражданские медиа, лидеры мнений) и идеологической ориентации (нейтральные, пропалестинские, произраильские). А критериями включения стали регулярная публикационная активность, тематическая связь с конфликтом, и аудитория не менее 1000 подписчиков.

Подчеркнем, что идеологическая ориентация каналов определялась на основе их собственного позиционирования. То есть пропалестинские и произраильские каналы открыто заявляют свою позицию в описании или редакционной политике аккаунтов или связанных с ними сайтов. Не декларирующие же идеологической принадлежности каналы (PIA Новости, The New York Times, FRANCE 24 English, CNBC International, The Hindu) отнесены к категории «нейтральные» по формальному критерию отсутствия этого самого явного позиционирования. И автор признает, что формальная нейтральность не тождественна содержательной.

Для анализа в текущем медиаисследовании автором разработана собственная кодировочная схема из 32 категорий. В нее вошли семь типов фреймов (Victim, Hero, Threat, Resistance, Peace, умолчание, виновность), пять тематических категорий (жертвы/сочувствие, героизация/оборона, угроза/противник, агитация/призыв, информирование), три типа тональности (позитивная, негативная, нейтральная), идеологические индикаторы и упоминания участников конфликта. Для каждой категории составлен авторский словарь слов-маркеров на русском и английском языках на основе теории фрейминга Энтмана и концепций Клемперера, Канемана, Бернейса.

Полученный массив данных систематизирован автором в единой таблице Microsoft Excel. По каждой публикации зафиксировано количество слов-индикаторов из авторских словарей по 32 категориям (показатель WordCount).

На основе WordCount рассчитывались две взаимодополняющие метрики. Показатель «% постов» отражает долю публикаций, в которых сработал хотя бы один маркер категории, и устойчив к различиям в длине постов. Показатель «WC/пост» отражает среднее число маркеров категории на одну публикацию и характеризует интенсивность использования приема. Основной метрикой частотности выступает «% постов» как более робастная к длине текста; «WC/пост» используется как дополнительный индикатор. Подсчет по абсолютному числу маркеров имеет ограничение: короткие эмоционально насыщенные посты могут давать более высокую плотность маркеров, чем длинные аналитические тексты, что учитывалось при интерпретации через приоритет метрики «% постов».

На основе этой таблицы получены сводные показатели, представленные в результатах исследования. Интеркодерная надежность разметки: коэффициент Каппа Козна = 0,68 – 0,79 [20].

В работе используются две метрики вовлеченности, которые следует различать. Коэффициент вовлеченности по подписчикам (ER %, Engagement Rate) рассчитывается как отношение суммы реакций, комментариев и пересылок к числу подписчиков канала и отражает глубину вовлечения постоянной, лояльной аудитории. Коэффициент вовлеченности по охвату (ERR %, Engagement Rate by Reach) рассчитывается как отношение тех же действий к числу просмотров публикации и отражает отклик аудитории, которая фактически увидела пост. Таким образом, ER % характеризует силу связи с ядром подписчиков, а ERR % – качество отклика среди всех охваченных пользователей. Показатель «охват» (число просмотров) рассматривается отдельно от обеих метрик как мера широты распространения контента.

Обсуждение. Результаты.

Прежде чем перейти к практическому фундаменту работы, приведем три иллюстративных примера публикаций из исследовательского корпуса. Они дают наглядное представление о том, что именно фиксирует количественный анализ.

Пример 1. Канал Israel Defense Forces, 26 января 2024 г.

(URL : <https://t.me/idfofficial/6539>): «*Intensive battles in the heart of Khan Yunis continue: IDF troops strike dozens of Hamas terrorists and terrorist infrastructure. IAF fighter jets directed by IDF troops carried out strikes on dozens of terror targets... A number of additional terrorists were killed by the troops during combat in the area...*» В одном тексте слово «terrorist» и его производные употребляются восемь раз. Убийство людей описывается через нейтральные военные эвфемизмы (eliminate, strike, killed). Наглядно видно, что противник идентифицируется исключительно через функцию угрозы (без какой-либо индивидуализации).

Пример 2. Канал «Голос Палестины», 12 октября 2023 г.

(URL : <https://t.me/voiceofpalestine/24056>): «На данный момент подтвержденным фактом является то, что за 6 дней с воздуха в секторе Газа были убиты 1417 человек, в том числе 474 ребенка и 248 женщин. Кроме раненых и пропавших без вести под завалами. Самое страшное то, что «развитые» страны поддерживают Израиль в его войне с вымышленным «ИГИЛом» в лице мирных граждан, которые живут на своей земле как в концлагере во времена фашистской Германии». Этот текст содержит развернутый фрейм «жертвы» с конкретными цифрами потерь среди мирного населения и эксплицитной апелляцией к уязвимым группам (это дети и женщины).

Пример 3. Тот же канал «Голос Палестины», 14 июля 2025 г.

(URL : <https://t.me/voiceofpalestine/40631>): «Американские ЧВК расстреливают людей, идущих за едой в гуманитарные лагеря – заявление пресс-службы правительства с предупреждением о том, что это – ловушки смерти... Обновление – Общая статистика жертв голода: 805 мучеников, 5252 раненых, 42 пропавших без вести». Спустя почти два года этот канал воспроизводит идентичную нарративную структуру. Здесь присутствуют конкретные цифры жертв, акцент на мирном характере погибших, а также апелляция к несправедливости. Видно, что изменился лишь конкретный событийный контекст, фреймовая архитектура осталась неизменной. Это буквально и есть нарративная инерция в действии.

Распределение фреймов по 23 каналам.

Таблица 1

Частотность фреймов по 23 каналам (% постов)

Канал	Постов	Victim %	Hero %	Threat %	Resistance %	Peace %	Умолч. %	Вин. %
1. РИА	4280	3,7 %	0,1 %	2,5 %	0,8 %	11,0 %	11,1 %	12,3 %
2. NYT	360	10,8 %	6,1 %	11,1 %	21,7 %	13,9 %	21,1 %	5,8 %
3. FR-24	9378	3,5 %	3,0 %	4,9 %	4,7 %	7,7 %	8,2 %	2,4 %
4. CNBC	1190	2,0 %	0,8 %	7,4 %	5,3 %	3,9 %	7,6 %	1,5 %
5. Hindu	14554	2,0 %	1,4 %	4,3 %	3,6 %	2,7 %	5,8 %	1,4 %
6. Quds	65095	12,2 %	4,4 %	2,2 %	3,4 %	4,1 %	4,3 %	1,1 %
7. AI	304	8,9 %	3,9 %	5,3 %	12,5 %	3,3 %	22,4 %	10,9 %
8. GAZA	10642	5,7 %	8,2 %	2,5 %	7,1 %	3,1 %	6,3 %	1,8 %
9. ГП	9249	9,5 %	3,6 %	3,0 %	14,7 %	15,2 %	10,2 %	8,7 %
10. ГА	15311	3,2 %	1,5 %	2,2 %	7,6 %	12,8 %	7,0 %	6,0 %
11. ПИБ	35807	3,6 %	0,5 %	1,1 %	6,5 %	5,9 %	7,5 %	2,7 %
12. Shaun	13036	7,7 %	8,0 %	2,5 %	5,9 %	4,2 %	6,2 %	1,6 %
13. Eva	9799	14,8 %	7,8 %	8,1 %	9,4 %	5,1 %	11,4 %	5,9 %
14. Vanessa	18443	8,9 %	5,7 %	6,5 %	11,6 %	5,0 %	12,2 %	4,6 %
15. IDF	12266	9,2 %	15,3 %	18,0 %	1,7 %	0,8 %	28,4 %	12,0 %
16. TI	5071	3,3 %	5,2 %	6,8 %	4,0 %	7,5 %	4,2 %	5,7 %
17. ILTV	3116	8,5 %	11,0 %	14,3 %	3,7 %	5,9 %	19,5 %	9,9 %
18. JP	3852	2,7 %	5,2 %	5,8 %	0,9 %	5,0 %	7,4 %	5,0 %
19. DI	9472	4,5 %	20,9 %	2,9 %	1,4 %	1,1 %	8,3 %	3,4 %
20. ЛЗИ	2576	9,8 %	1,8 %	3,3 %	2,7 %	17,0 %	3,1 %	6,8 %
21. Amir	24667	3,3 %	2,7 %	4,9 %	2,3 %	4,2 %	8,1 %	3,3 %
22. Nananya	10976	4,6 %	5,7 %	5,5 %	3,1 %	4,3 %	7,1 %	4,1 %
23. Макс	16385	2,4 %	0,9 %	4,7 %	2,5 %	8,0 %	8,9 %	7,1 %

Примечание: Полные названия каналов и ссылки из таблицы 1 и 8: 1 – РИА Новости (t.me/rian_ru); 2 – The New-York Times (t.me/nytimes); 3 – FRANCE 24 English (t.me/France24_fr); 4 – CNBC International (t.me/cnbcintl); 5 – The Hindu (t.me/THnewsupdates); 6 – Quds News Network (t.me/QudsNen); 7 – Al Mayadeen English (t.me/almayadeenenglish);

8 – GAZA NOW IN ENGLISH (t.me/gazaalanpa); 9 – Голос Палестины (t.me/voiceofpalestine); 10 – Голос арабов | Иран | Ливан (t.me/arabiasocialism); 11 – Палестина, Иран и Ближний Восток (t.me/PalinfoRu); 12 – Shaun King (t.me/ShawnKingChannel); 13 – Eva Karene Bartlett (t.me/EvaKarene_Bartlett); 14 – Vanessa Beeley (t.me/VanessaBeeley); 15 – Israel Defense Forces (t.me/idfofficial); 16 – The Times of Israel (t.me/TheTimesOfIsrael2022); 17 – ILTV Israel News 24/7 (t.me/ILTVnews); 18 – The Jerusalem Post (t.me/The_Jerusalem_Post); 19 – Documenting Israel (t.me/DocumentingIsrael); 20 – Новости Израиля | Люди за Израиль (t.me/humansforisrael); 21 – Amir Tsarfati (t.me/beholdisraelchannel); 22 – Hananya Naftali (t.me/hnaftali); 23 – Макс Бродский (t.me/max_brodsky2).

Распределение фреймов по 23 каналам демонстрирует выраженную поляризацию. Наиболее частотным фреймом в общей выборке является «умолчание» (8,0 % постов в среднем по всем каналам), наименее частотным – фрейм «винов-

ность» (3,9 %). Однако частотность существенно варьируется в зависимости от типа медиаигрока и идеологической ориентации.

Нарративные профили идеологических страт.

Таблица 2

Средняя частотность фреймов по идеологическим стратам (% постов)

Страта	Постов	Victim %	Hero %	Threat %	Resist. %	Peace %	Умолч. %	Вин. %
Нейтральные	29762	2,8 %	1,7 %	4,4 %	3,8 %	5,7 %	7,5 %	3,4 %
Пропалестинские	177 686	8,6 %	4,1 %	2,8 %	6,6 %	5,9 %	7,0 %	3,0 %
Произраильские	88 381	4,6 %	7,0 %	7,0 %	2,4 %	4,8 %	11,0 %	5,9 %

Пропалестинские доминируют в «жертве» (8,6 %; см. пример 2) и «сопротивлении» (6,6 %); произраильские преобладают в «угрозе» и «герое» (7,0 %). Таким образом, первая гипотеза подтверждается. Фрейминг через умолчание максимален у произраильских СМИ. Israel Defense Forces – 28,4 %, ILTV Israel News 24/7 – 19,5 %.

То есть налицо институциональное умолчание о гуманитарных потерях в Газе (см. пример 1) – феномен, предсказанный в теории фрейминга через умолчание [10] и концепции языка войны [15].

Нарративные профили по типу медиаигрока внутри одной страты.

Таблица 3

Фреймы пропалестинских каналов по типу медиаигрока

Канал / тип медиаигрока	Victim %	Hero %	Threat %	Resist. %	Peace %	Умолч. %	Вин. %
ПРОПАЛЕСТИНСКИЕ КАНАЛЫ							
Quds News Network (СМИ)	12,2 %	4,4 %	2,2 %	3,4 %	4,1 %	4,3 %	1,1 %
Голос Палестины (grassroots)	9,5 %	3,6 %	3,0 %	14,7 %	15,2 %	10,2 %	8,7 %
Shaun King (инфлюенсер)	7,7 %	8,0 %	2,5 %	5,9 %	4,2 %	6,2 %	1,6 %
ПРОИЗРАИЛЬСКИЕ КАНАЛЫ							
Israel Defense Forces (СМИ)	9,2 %	15,3 %	18,0 %	1,7 %	0,8 %	28,4 %	12,0 %
Люди за Израиль (grassroots)	9,8 %	1,8 %	3,3 %	2,7 %	17,0 %	3,1 %	6,8 %
Documenting Israel (grassroots)	4,5 %	20,9 %	2,9 %	1,4 %	1,1 %	8,3 %	3,4 %

При единой идеологии нарративные профили принципиально различаются по типу медиаигрока. Quds News Network (СМИ) представляет собой информирующий профиль с доминировани-

ем фрейма «жертва». А вот уже Голос Палестины (grassroots) – аффективно-мобилизующее медиа с аномально высоким «сопротивлением» (14,7 %) и «миром» (15,2 %). Shaun King (ин-

флюенсер) – это уже личный нарратив, совмещающий «жертву» и «героя».

Аналогичная картина наблюдается и в произраильском сегменте. Israel Defense Forces (СМИ) лидирует по фреймам «угроза» (18,0 %) и «герой» (15,3 %), тогда как Новости Израиля | Люди за Израиль (grassroots) акцентируют фреймы «мир» (17,0 %) и «жертва» (9,8 %). Documenting

Israel (grassroots) специализируется на «герое» (20,9 %), и это уникальный профиль среди всех 23 каналов выборки.

Этот результат прямо подтверждает четвертую гипотезу. То есть нарративный профиль определяется типом медиаигрока сильнее, чем идеологической принадлежностью.

Тональность.

Таблица 4

Распределение тональности по типам медиаигроков и стратам (% постов)

Группа	Постов	Позитив. %	Негатив. %	Нейтрал. %
СМИ	119466	6,0 %	25,3 %	23,8 %
Grassroots	83057	7,4 %	15,6 %	7,9 %
Инфлюенсеры	93306	8,9 %	18,7 %	16,7 %
Нейтральные	29762	9,2 %	7,3 %	33,1 %
Пропалестинские	177686	7,3 %	25,8 %	14,7 %
Произраильские	88381	6,6 %	14,3 %	16,5 %

СМИ демонстрируют максимальную нейтральную тональность (23,8 %), закономерно воспроизводя журналистскую норму сдержанности. А пропалестинские каналы, в свою очередь, характеризуются преобладанием негативной тональности (25,8 %). Произраильские каналы демонстрируют более сбалансированное распределение (6,6 % позитивной тональности против 14,3% негативной), что отражает сочетание героических нарративов с фреймами угрозы. Инфлюенсеры показывают наибольшую долю позитивной тональности (8,9 %), так как личный нарратив

допускает больше эмоциональных регистров, чем институциональный.

Данные тональности подтверждают концепцию аффективных публичностей [13]. То есть каналы низовых сообществ формируют эмоционально заряженные пространства с преобладанием негативной (15,6 %) над нейтральной тональностью (7,9 %), а институциональные СМИ воспроизводят логику рационального дискурса через нейтральную тональность (23,8 %).

Метрики вовлеченности тематических категорий и фрейма виновности.

Таблица 5

Метрики вовлеченности по тематическим категориям и фрейму виновности

Категория	N постов	% постов	Ср. просмотры	Ср. реакции	ERR %	ER %
Жертвы/Сочувствие	18311	6,2 %	22165	1253	12,21 %	4,41 %
Героизация/Оборона	11620	3,9 %	36256	1624	15,38 %	4,59 %
Угроза/Противник	19779	6,7 %	23883	1105	17,90 %	4,36 %
Агитация/Призыв	22056	7,5 %	23084	1390	12,36 %	4,61 %
Информирование	33832	11,4 %	47692	1796	13,83 %	3,89 %
Фрейминг виновности	11479	3,9 %	52363	1388	18,00 %	4,00 %

Фрейм виновности приведен в данной таблице вместе с тематическими категориями для сопоставления по метрикам охвата, хотя в кодировочной схеме он отнесен к фреймам, а не к тематическим категориям. Среди тематических категорий фрейм «информирование» показывает наибольший охват (47 692 просмотра) при минимальном ER % (3,89 %): он широко распространяется, но слабо вовлекает постоянную

аудиторию. Это «фон видимости» без эмоционального вовлечения (так вторая гипотеза подтверждается). «Героизация/Оборона» при минимальной частоте (3,9 %) демонстрирует высокую вовлеченность как по ERR % (15,38 %), так и по ER % (4,59 %), однако максимум по ER % приходится на «Агитацию/Призыв» (4,61 %), а по ERR % – на «Угрозу/Противник» (17,90 %). Центральный же парадокс заключается в другом.

Фрейминг виновности при той же доле 3,9 % постов обеспечивает максимальный охват по всей выборке (52363 просмотра), превышая даже «информирование» (47692), и одновременно

наивысший ERR % (18,00 %). То есть атрибуция вины активирует механизмы морального возмущения (так подтверждается третья гипотеза).

Фрейминг через умолчание и виновности.

Таблица 6

Фрейминг через умолчание и виновности по группам

Группа	Постов	Умолч. WC/п.	Умолч. %	Вин. WC/п.	Вин. %
Пропалест. СМИ	65399	0,05	4,4 %	0,01	1,2 %
Пропалест. Grassroots	71009	0,08	7,6 %	0,04	4,0 %
Пропалест. Инфлюенсеры	41278	0,12	10,1 %	0,04	4,0 %
Произраил. СМИ	24305	0,22	18,9 %	0,10	9,3 %
Произраил. Grassroots	12048	0,08	7,2 %	0,04	4,2 %
Нейтральные СМИ	29762	0,08	7,5 %	0,04	3,4 %

Фрейминг через умолчание наиболее характерен для израильских СМИ (18,9 % постов, 0,22 WC/пост), прежде всего Israel Defense Forces (28,4 %) и ILTV Israel News 24/7 (19,5 %), которые систематически избегают упоминания гуманитарных потерь среди мирного населения Газы. У пропалестинских каналов замалчивание касается преимущественно контекста атаки 7 октября, захвата заложников и деятельности ХАМАС как вооруженной организации. У израильских же – масштаба гуманитарной катастрофы в Газе и роли ЦАХАЛ в ней. Институциональные нейтральные СМИ демонстрируют умеренный фрейминг через умолчание (7,5 %), связанный с избеганием однозначной атрибуции ответственности.

Фрейминг виновности/ответственности эксплицитно присутствует в 3,0 % постов пропалестинских каналов (атрибуция вины Израилю), 5,9 % израильских (атрибуция вины ХАМАС) и 3,4 % нейтральных каналов. WordCount виновности у grassroots в 4 раза выше, чем у пропалестинских СМИ (0,04 против 0,01). Это признак развернутой аргументации атрибуции.

Важно сказать, что совокупность выявленных паттернов (фрейминг через умолчание, атрибуция вины и идеологические индикаторы) позво-

ляет операционализировать понятие пропаганды применительно к Telegram. Так, пропаганда в данном контексте функционирует не как прямое навязывание позиции, а как архитектура умолчаний и акцентов. То есть каждая страта систематически замалчивает невыгодные факты и акцентирует выгодные фреймы. Ранее Клемперер [15] показал эту логику на материале тоталитарного дискурса, настоящее исследование верифицирует ее количественно в среде децентрализованной социальной сети.

Добавим, что Э. Бернейс [21], описывая механизмы «инженерии согласия», указывал, что наиболее эффективная пропаганда действует не через прямое убеждение, а через формирование информационной среды, в которой аудитория самостоятельно приходит к нужным выводам. И выявленная в настоящем исследовании архитектура умолчаний (то есть систематическое замалчивание гуманитарных потерь у израильских каналов (18,9 % постов с умолчанием) и контекста атаки 7 октября у пропалестинских) представляет собой именно такой механизм.

Хронологическая динамика фреймов.

Таблица 7

Доминирующие фреймы по фазам конфликта

Фаза	Период	Постов	Ключевые события	Пропалест.	Произраил.	Нейтр.
1	Окт. 2023	18127	Атака ХАМАС 7/10	Resistance	Умолчание	Умолчание
2	Нояб. 2023 – март 2024	61196	Перемирие; Аль-Шифа; МУС	Victim (WC = 3411)	Hero (WC = 1875)	Peace (WC = 509)
3	Апр. – окт. 2024	86888	Сев. Газа; Рафах; Син-вар	Victim (WC = 4676)	Умолчание (WC = 3241)	Умолчание
4	Окт. 2024 – май 2025	91300	Перемирие; Хезболла	Peace (WC = 6129)	Умолчание (WC = 3400)	Peace (WC = 1115)
5	Июнь – авг. 2025	38318	Rising Lion; Газу-Сити	Victim (WC = 2023)	Умолчание (WC = 2078)	Peace (WC = 509)

Базовые нарративные профили устойчивы во всех пяти фазах, меняются акценты, но не структура. Пропалестинские каналы неизменно возвращаются к фрейму «жертва» при любой эскалации, израильские удерживают умолчание как доминирующую стратегию начиная с Фазы 3. Примечательно, что единственная фаза со смещением акцента (Фаза 4, переговоры о перемирии) немедленно сменяется откатом к исходным профилям в Фазе 5. То есть это эмпирически подтверждает концепт нарративной инерции и согласуется с теорией спирали молчания [14]. Аудитория ожидает от канала определенного нарратива, и отклонение от него воспринимается как нарушение идентичности.

Устойчивость нарративных профилей во всех пяти фазах подтверждает тезис Элюля [16] о том, что эффективная пропаганда не требует постоянной смены сообщений. Она функционирует через ритмичное воспроизведение базовых нарративных схем, встраиваясь в повседневные информационные практики аудитории. Израильские каналы удерживают умолчание как доминирующую стратегию начиная с Фазы 3, и это не ситуативная реакция на события, а устойчивая пропагандистская архитектура в понимании Бернейса [21]. Это буквально управление не содержанием, а структурой информационного пространства.

Идеологические индикаторы: структурная асимметрия.

Таблица 8

Идеологические индикаторы по каналам (% постов и ср. WordCount/пост)

Канал	Пост.	Про-Из. WC/п.	Про-Из. %	Пропал. WC/п.	Пропал. %
1. РИА	4280	0,27	21,6 %	0,02	1,9 %
2. NYT	360	0,17	16,1 %	0,10	9,7 %
3. FR-24	9378	0,06	4,5 %	0,04	4,1 %
4. CNBC	1190	0,06	6,4 %	0,02	1,7 %
5. Hindu	14554	0,02	1,9 %	0,02	1,5 %
6. Quds	65095	0,00	0,0 %	0,31	27,9 %
7. Al	304	0,00	0,0 %	0,49	35,2 %
8. GAZA	10642	0,00	0,0 %	0,26	23,8 %
9. ГП	9249	0,00	0,0 %	0,19	17,3 %
10. ГА	15311	0,00	0,0 %	0,09	8,8 %
11. ПИБ	35807	0,00	0,0 %	0,10	8,9 %
12. Shaun	13036	0,00	0,0 %	0,24	21,4 %
13. Eva	9799	0,00	0,0 %	0,29	22,5 %
14. Vanessa	18443	0,00	0,0 %	0,26	20,5 %
15. IDF	12266	0,37	27,5 %	0,00	0,0 %
16. TI	5071	0,33	25,3 %	0,00	0,0 %
17. ILTV	3116	0,45	28,5 %	0,00	0,0 %
18. JP	3852	0,28	22,6 %	0,00	0,0 %
19. DI	9472	0,29	22,0 %	0,00	0,0 %
20. ЛЗИ	2576	0,70	42,9 %	0,00	0,0 %
21. Amir	24667	0,17	12,3 %	0,00	0,0 %
22. Hananya	10976	0,24	17,1 %	0,00	0,0 %
23. Макс	16385	0,24	17,9 %	0,00	0,0 %

Здесь выявляется структурная асимметрия. Средние просмотры поста с про-израильскими индикаторами – 71372, с пропапалестинскими – 8621 (разрыв 8,3×). Корреляции Спирмена: про-израильские +0,09 с просмотрами, пропапалестин-

ские –0,09. Виден структурный про-израильский наклон нейтральных каналов, поскольку у РИА Новости 21,6 % постов с про-израильскими маркерами против 1,9 % пропапалестинских (соотношение 11,4:1). У The New York Times 16,1 % про-

тив 9,7 % (1,7:1). Это количественная верификация тезиса [7] о систематическом перекосе западных СМИ на материале Telegram.

Упоминания медиаигроков и корреляционный анализ.

Таблица 9

Упоминание медиаигроков конфликта по группам

Группа	Постов	Σ WordCount	Ср. WC/пост	% постов с упоминанием
Нейтральные	29762	8315	0,28	19,6 %
Пропалестинские	177686	111002	0,62	49,2 %
Произраильские	88381	74666	0,84	56,6 %
СМИ	119466	95614	0,80	57,4 %
Grassroots	83057	43771	0,53	41,2 %
Инфлюенсеры	93306	54598	0,59	43,3 %

Фрейм «мир» коррелирует с ERR % ($r = 0,437$, $p = 0,037$) не как эффективный нарратив, а как «эффект момента». То есть он концентрируется в Фазах 2 и 4, когда аудиторная активность максимальна. А эффект доступности коррелирует с ER % ($r = 0,511$, $p = 0,013$).

Нарративная инерция.

Нарративная инерция – это авторский концепт, который обозначает устойчивое воспроизведение базового нарративного профиля вне зависимости от метрической эффективности. В Фазе 4 пропалестинские каналы переходят к фрейму «мир», который обеспечивает более высокий ERR % ($r = 0,437$). Однако в Фазе 5 при первом же событии эскалации они немедленно возвращаются к фрейму «жертва» (см. пример 3), причем без какой-либо устойчивой адаптации репертуара к метрикам. Экономика внимания [19] предсказывала бы оптимизацию под наиболее эффективные форматы, однако данные показывают обратное, то есть каналы приоритизируют идентичность аудитории, а не охватность. Таким образом, подтверждается пятая гипотеза.

Заключение.

Итак, в ходе медиаисследования выяснилось, что Telegram функционирует как гибридная публичная сфера, в которой три идеологические страты формируют отчетливые нарративные профили. Так, пропалестинские каналы доминируют в фреймах «жертва» и «сопротивление», израильские – «угроза» и «герой», нейтральные – «мир» и «информирование». Установлено, что тип медиаигрока определяет нарративный профиль сильнее, чем идеология. Речь здесь идет не о совпадении конкретных фреймов, а о паттерне институционального поведения. СМИ обеих страт демонстрируют сдержанный нарративный репертуар с низким умолчанием и минимальной виновностью у пропалестинских институциональных каналов (например, Quds News Network: умолч. 4,3 %, вин. 1,1 %) и низкой частотностью эмоциональных фреймов. При этом

grassroots-каналы обеих страт используют высокоинтенсивные фреймы, пусть и различные по содержанию (например, Голос Палестины: сопротивление 14,7 %, мир 15,2 %; Люди за Израиль: мир 17,0 %).

Парадокс фрейминга виновности заслуживает отдельного осмысления. Обычно высокий охват связывают с частотностью. Чем чаще канал публикует посты определенной тематики, тем больше суммарный охват. Однако здесь наблюдается обратный принцип. При минимальной частотности (3,9 % постов) выходит максимальный средний охват (52363 просмотра), превышающий показатель «информирования» (47692 просмотра при 11,4 % постов). Объяснение лежит в психологии распространения контента. То есть, атрибуция вины активизирует механизмы морального возмущения, описанные в исследованиях вирусного распространения информации в социальных сетях. Обвиняющий конкретного субъекта в катастрофе пост не просто информирует. Он создает у читателя моральную мотивацию к распространению, что превращает фрейминг виновности в наиболее эффективный по охвату механизм при крайне низкой частотности. Парадокс фрейминга виновности дополняет существующие модели вирусного распространения и требует дальнейшего изучения на материале других конфликтных дискурсов.

Добавим, что согласно А. Стайн [22], замкнутые информационные сообщества формируют эмоциональную привязанность к групповому нарративу, и отклонение от него воспринимается как угроза идентичности. Нарративная инерция Telegram-каналов воспроизводит этот же механизм. Аудитория, оформившая подписку как декларацию идентичности, ожидает подтверждения усвоенных убеждений, а смена нарративного профиля, пусть бы даже метрически выгодная, структурно невозможна.

Выявленные паттерны подтверждают, что цифровая пропаганда функционирует не через прямое убеждение, а через архитектуру умолчаний

и акцентов. И это, безусловно, требует принципиально новых подходов к медиаграмотности, которые будут ориентированы не на выявление очевидной лжи, а на распознавание системных умолчаний как ключевого механизма нарративного манипулирования.

Цифровая пропаганда в Telegram — не прямое навязывание позиции, а архитектура акцентов и

умолчаний, воспроизводящая нарративные схемы через добровольную подписку. Классические теории описывали пропаганду в системах с принудительным охватом, а Telegram переворачивает логику. Аудитория сама выбирает свой пропагандистский источник, превращая нарративную инерцию из изъяна в структурный элемент системы.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература / References:

1. Wolfsfeld G. Media and Political Conflict. Cambridge : Cambridge University Press, 1997.
2. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43. № 4. P. 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x EDN: HIJMFx
3. Scheufele D.A. Framing as a Theory of Media Effects // Journal of Communication. 1999. Vol. 49. № 1. P. 103–122. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1999.tb02784.x EDN: GXBCYD
4. Gamson W.A. Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power / W.A. Gamson, A. Modigliani // American Journal of Sociology. 1989. Vol. 95. № 1. P. 1–37. DOI: 10.1086/229213
5. Iyengar S. Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues. Chicago : University of Chicago Press, 1991.
6. Dor D. Intifada Hits the Headlines. Bloomington : Indiana University Press, 2003. DOI: 10.2979/2072.0
7. Philo G. Bad News from Israel / G. Philo, M. Berry. London : Pluto Press, 2004.
8. Cherkaoui T. The Media Blindspot. Doha : Al Jazeera Centre for Studies, 2017.
9. Serdotetskiy F.A. SMM-strategii Telegram-kanalov v diskurse konflikta Iz-railya i Palestiny (2023–2025): kolichestvennyy analiz metrik вовлеченности // Filologicheskiy vestnik. 2026. № 3.
10. Entman R.M. Framing Bias: Media in the Distribution of Power // Journal of Communication. 2007. Vol. 57. № 1. P. 163–173. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2006.00336.x
11. Chadwick A. The Hybrid Media System. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2017.
12. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt: Suhrkamp, 1962.
13. Papacharissi Z. Affective Publics. Oxford: Oxford University Press, 2015. DOI: 10.1093/acprof:oso/978019999736.001.0001
14. Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence. Chicago : University of Chicago Press, 1984.
15. Klemperer V. LTI – Lingua Tertii Imperii: Notizbuch eines Philologen. Berlin : Aufbau-Verlag, 1947.
16. Ellul J. Propaganda. New-York : Knopf, 1965.
17. Fisher W.R. Narration as a Human Communication Paradigm // Communication Monographs. 1984. Vol. 51. P. 1–22. DOI: 10.1080/03637758409390180
18. Tversky A. Availability: A Heuristic for Judging Frequency / A. Tversky, D. Kahneman // Cognitive Psychology. 1973. Vol. 5. P. 207–232. DOI: 10.1016/0010-0285(73)90033-9
19. Wu T. The Attention Merchants. New-York : Knopf, 2016.
20. Landis J.R. The Measurement of Observer Agreement / J.R. Landis, G.G. Koch // Biometrics. 1977. Vol. 33. № 1. P. 159–174. DOI: 10.2307/2529310
21. Bernays E. Propaganda. New-York : Horace Liveright, 1928.
22. Stein A. Terror. Love and Brainwashing. London : Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315559223

Информация об авторе

Сердотецкий Федор Андреевич

соискатель
ученой степени кандидата наук,
Воронежский государственный университет
serdotetsky@yandex.ru

Fyodor A. Serdotetsky

Candidate of Science degree
candidate of Sciences,
Voronezh State University
serdotetsky@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.05.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-9>

УДК 070.19:004.738.5

Attribution

cc by

КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ УБЕЖДЕНИЯ В TELEGRAM-КАНАЛАХ О КОНФЛИКТЕ ИЗРАИЛЯ И ПАЛЕСТИНЫ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ МАНИПУЛЯТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Сердотецкий Ф.А.

Воронежский государственный университет

Аннотация. В данном исследовании анализируются когнитивные искажения и техники убеждения на примере выборки из 295829 публикаций 23 каналов Telegram (октябрь 2023 – август 2025 гг.). В ходе медиаисследования разбираются шесть когнитивных искажений и шесть риторических приемов. Ключевые результаты показали, что существует парадокс нулевой эффективности. То есть, классические риторические приемы не повышают охват (r от $-0,02$ до $-0,03$ с просмотрами), однако увеличивают коэффициент вовлеченности постоянной аудитории (ER %). Помимо этого, выявлен феномен «санкционированной дегуманизации». Кроме этого, автор установил, что милитаризация речи – это сильнейший антипредиктор охвата ($r = -0,087$), и обнаружил два когнитивных профиля, такие как «визуальное воздействие» (про-палестинские) и «когнитивное закрепление» (про-израильские). В конце концов, в данной статье доказано, что тип медиаигрока, или актора, определяет интенсивность, а идеология – тип манипулятивных техник.

Ключевые слова: когнитивные искажения, пропаганда, Telegram, палестино-израильский конфликт, санкционированная дегуманизация, милитаризация речи, медиаграмотность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

COGNITIVE BIASES AND PERSUASION TECHNIQUES IN TELEGRAM CHANNELS ON THE ISRAEL-PALESTINE CONFLICT: THE EFFECTIVENESS OF MANIPULATIVE STRATEGIES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Fyodor A. Serdotetsky

Voronezh State University

Abstract. This paper analyzes cognitive biases and persuasive techniques using a sample of 295,829 posts from 23 Telegram channels (October 2023 – August 2025). The media study examines six cognitive biases and six rhetorical techniques. Key findings revealed a zero-effectiveness paradox. Classic rhetorical techniques do not increase reach ($r \approx -0.02$ to -0.03 with views), but they do increase the engagement rate of the regular audience (ER %). Furthermore, the phenomenon of «sanctioned dehumanization» was identified. Additionally, the author found that militarization of speech is the strongest antipredictor of reach ($r = -0.087$) and discovered two cognitive profiles: «visual impact» (pro-Palestinian) and «cognitive anchoring» (pro-Israeli). Ultimately, this article has proven that the type of media player, or actor, determines the intensity, and ideology determines the type of manipulative techniques.

Keywords: cognitive biases, propaganda, Telegram, Palestinian-Israeli conflict, sanctioned dehumanization, militarization of speech, media literacy.

Funding: Independent work.

Введение.

Социальная сеть Telegram, выступающая крупнейшей общественно-политической платформой, предоставляет различным акторам (от институциональных СМИ до анонимных гражданских медиа, или grassroots, т.е. низовых сообществ) практически неограниченные возможности для применения разнообразных техник убеждения и пропаганды без какого-либо редакционного контроля.

Классические теории пропаганды [1; 2; 3] описывают устойчивый репертуар приемов, например, апелляцию к эмоциям, авторитету, толпе, ложную дилемму и риторические вопросы.

Когнитивная психология же [4; 5; 6], в свою очередь, объясняет принципы их работы.

Так, согласно Д. Канеману, мышление оперирует двумя системами, Системой 1 (автоматической, эмоциональной и подверженной эвристикам) и Системой 2 (аналитической, рациональной и требующей усилий). Соответственно, в условиях естественной информационной перегрузки Telegram Система 1 доминирует, делая большую часть аудитории уязвимой ко всевозможным когнитивным искажениям.

Немаловажным является и другой аспект данной темы.

Так, В. Клемперер [7] в анализе LTI (Lingua Tertii Imperii – язык Третьего рейха) показал, как милитаризация повседневного языка, дегуманизация противника и эвфемизация насилия формируют восприятие реальности.

Так называемая концепция «нарастающей дозировки» Клемперера подразумевает постепенное привыкание аудитории к дегуманизирующему дискурсу. Этот аспект пропаганды остается актуальным и для современных цифровых медиаплатформ. Систематический количественный анализ связи когнитивных искажений с метриками вовлеченности на материале Telegram ранее не проводился.

В этом медиаисследовании автор выдвигает серию гипотез.

Первая гипотеза гласит, что эмоциональные приемы коррелируют с более высоким ER% (коэффициент вовлеченности по подписчикам), чем рациональные.

Вторая гипотеза гласит, что пропалестинские каналы реализуют стратегию «визуального воздействия», а израильские используют принцип «когнитивного закрепления».

Третья гипотеза подразумевает, что индекс манипулятивности не коррелирует значимо с ERR % (коэффициент вовлеченности по охвату).

Идея четвертой гипотезы заключается в том, что милитаризация речи является антипредиктором охвата. Наконец, согласно пятой гипотезе, тип медиаигрока определяет интенсивность применения когнитивных искажений, а идеология определяет уже их тип.

Обзор литературы.

Уже упомянутая двухсистемная модель мышления [4; 5] описывает восприятие информации и принятие решений мозгом человека через два режима, которые авторы этой концепции называют Системой 1 и Системой 2. Система 1 автоматически обрабатывает информацию через эвристики, а Система 2, напротив, требует от человека сознательных аналитических усилий.

Д. Канеман и А. Тверски также вводят понятие «эвристика доступности» [6], то есть тенденции оценивать вероятность события по легкости, с которой примеры приходят на ум. Так, многократное повторение шокирующих образов создает у аудитории ощущение масштаба, превышающего статистическую реальность.

Добавим, что предвзятость подтверждения [8] в среде Telegram усиливается, и пользователь сам выбирает каналы, замыкаясь в «информационных пузырях» [9].

Традиционная литература [1; 2; 3] описывает два типа пропаганды (интеграции и агитации), оба из которых фиксируются, по мнению автора текущей статьи, и в Telegram.

Исследования цифровой пропаганды [10; 11] дополняют классические модели анализом платформенной специфики. При этом известно, что Telegram, в отличие от алгоритмических платформ, опирается на органическую виральность через пересылки, что и делает эффективность пропагандистских приемов непосредственно измеримой.

В. Клемперер [7] выделил ключевые механизмы языка войны, такие как милитаризацию повседневной речи, дегуманизацию через животные метафоры и лишение субъектности, а также эвфемизацию насилия. И, вместе с тем, более современные исследования [12; 13; 14] подтверждают факт того, что лингвистическая дегуманизация коррелирует с толерантностью к насилию. Принципиально важно здесь разграничить органическую дегуманизацию (у каналов низовых сообществ она стихийная) и санкционированную (у институциональных медиаигроков, т.е. у СМИ, это уже официальная стратегия). Последняя легитимизирует дегуманизирующий дискурс через государственный авторитет, тем самым значительно укрепляя силу пропаганды.

Исследования виральности [15; 16; 17] устанавливают, что эмоционально заряженный контент

распространяется намного быстрее нейтрального. Апелляция к толпе активизирует механизмы социального доказательства [18], риторический вопрос стимулирует обработку через Систему 1 [19].

Феномен «постправды» [20] и дезинформационный беспорядок [11] создают среду, в которой манипулятивные техники особенно эффективны. Кризис журнализма [21] объясняет, почему соблюдение стандартов объективности оказывается конкурентно невыгодным на эмоционально оптимизированных платформах.

Методология.

Эмпирическая база исследования включает 23 канала Telegram (295829 публикаций) – один из крупнейших размеченных корпусов Telegram-публикаций о палестино-израильском конфликте. Сбор данных осуществлялся с использованием сервиса TGStat (tgstat.ru), выгрузка данных была выполнена в виде 529 файлов (23 канала × 23 месяца). Каждая строка выгрузки соответствовала одной публикации и содержала идентификатор поста, дату и время публикации, текст публикации, количество просмотров, пересылок, реакций и комментариев.

Каналы отобраны методом стратифицированной выборки по двум параметрам: типу медиаигрока (институциональные СМИ, гражданские медиа / grassroots-сообщества, инфлюенсеры) и идеологической ориентации (нейтральные, пропалестинские, произраильские). Критериями включения стали: регулярная публикационная активность на протяжении всего периода наблюдения, тематическая связь с палестино-израильским конфликтом, наличие аудитории не менее 1000 подписчиков.

Для каждой категории составлен авторский словарь слов-маркеров на русском и английском языках. Разметка выполнена путем подсчета по каждой публикации числа слов-индикаторов, совпадающих с маркерами соответствующей категории.

Для анализа разработана авторская кодировочная схема из 32 категорий. По каждой публикации зафиксировано количество слов-индикаторов из авторских словарей (показатель WordCount) – число слов в тексте поста, совпадающих с маркерами соответствующей категории.

На основе WordCount рассчитывались две взаимодополняющие метрики. Показатель «% постов» отражает долю публикаций, в которых сработал хотя бы один маркер категории, и устойчив к различиям в длине постов. Показатель «WC/пост» отражает среднее число маркеров категории на одну публикацию и характеризует интенсивность использования приема. Ос-

новной метрикой частотности выступает «% постов» как более робастная к длине текста; «WC/пост» используется как дополнительный индикатор. Подсчет по абсолютному числу маркеров имеет ограничение: короткие эмоционально насыщенные посты могут давать более высокую плотность маркеров, чем длинные аналитические тексты, что учитывалось при интерпретации через приоритет метрики «% постов».

Полученный массив систематизирован в единой таблице Microsoft Excel, на основе которой получены сводные показатели, представленные в результатах. Интеркодерная надежность разметки: коэффициент Каппа Коэна = 0,68–0,79.

В работе используются две метрики вовлеченности, которые следует различать.

Коэффициент вовлеченности по подписчикам (ER %, Engagement Rate) рассчитывается как отношение суммы реакций, комментариев и пересылок к числу подписчиков канала и отражает глубину вовлечения постоянной, лояльной аудитории.

Коэффициент вовлеченности по охвату (ERR %, Engagement Rate by Reach) рассчитывается как отношение тех же действий к числу просмотров публикации и отражает отклик аудитории, которая фактически увидела пост.

Таким образом, ER % характеризует силу связи с ядром подписчиков, а ERR % – качество отклика среди всех охваченных пользователей. Показатель «охват» (число просмотров) рассматривается отдельно от обеих метрик как мера ширины распространения контента.

Идеологическая ориентация каналов определялась на основе их собственного позиционирования: пропалестинские и произраильские каналы эксплицитно заявляют свою позицию в описании или редакционной политике. Каналы, не декларирующие идеологическую аффилиацию (PIA Новости, The New York Times, FRANCE 24 English, CNBC International, The Hindu), отнесены к категории «нейтральные» исключительно формально, то есть по критерию отсутствия явного позиционирования, а не по содержательной оценке их редакционной линии. Автор признает, что формальная нейтральность не тождественна содержательной, и рассматривает данную категорию как операциональную, а не нормативную.

Названия некоторых каналов в таблицах приводятся в сокращенной форме для удобства восприятия, ссылки на каналы указаны в таблице 1.

Операционализация риторических приемов (6 типов) проводилась следующим образом.

1. Эмоциональная лексика (ЭЛ) – «ужас», «геноцид», «подвиг».

2. Эпитеты (Э) — «кровавый режим», «героическое сопротивление».

3. Шок-контент (ШК) — описания ранений, смерти.

4. Цитата/авторитет (ЦА) — «по данным ООН», «как заявил президент».

5. Апелляция к толпе (АТ) — «весь мир видит».

6. Риторический вопрос (РВ) — «Разве это не геноцид?».

Операционализация когнитивных искажений (6 типов) проводилась следующим образом.

1. Эффект доступности (ЭД) — использование ярких, шокирующих примеров для иллюстрации тенденции; индикаторы: детализированные описания конкретных случаев, «снова», «опять», «каждый день», «бесконечный».

2. Эффект фрейминга (ЭФ) — акцент на последствиях события при замалчивании контекста или причин. (

3. Предвзятость подтверждения (ПП) — систематический отбор информации, подтверждающей позицию канала; индикаторы: «как мы и говорили», «это доказывает», «в очередной раз». (

4. Дегуманизация противника (ДГ) — лингвистическое представление противника как нечеловеческого; индикаторы: животные метафоры («крысы», «звери», «паразиты»), «нелюди», «варвары», «дикари».

5. Фальшивая бинарность (ФБ) — сведение ситуации к оппозиции «или — или»: «если вы не с нами, вы с террористами», «третьего не дано».

6. Конспирологические элементы (КЭ) — апелляция к скрытым заговорам: «мировые СМИ скрывают», «что вам не покажут», «истинные кукловоды».

Дополнительные параметры. Милитаризация речи (МР), т.е. использование военной терминологии в невоенном контексте («фронт», «ликвидация», «операция», «уничтожение»). По Клемпереру [7], ключевой механизм нормализации насилия. Эмоциональные триггеры (ЭТ), т.е. контент, апеллирующий к базовым эмоциональным реакциям: образы детей-жертв, разрушение больниц и школ, угроза «нашим» людям.

Обсуждение. Результаты.

Прежде чем перейти к количественному анализу, приведем три иллюстративных примера публи-

каций из исследовательского корпуса. Они дают наглядное представление о том, что именно фиксирует разметка по категориям. Тексты постов приводятся без изменений, сработавшие индикаторы словаря отмечены в комментариях.

Пример 1. Israel Defense Forces, 26 января 2024 г. (URL : <https://t.me/idfofficial/6539>; 19600 просмотров): «Intensive battles in the heart of Khan Yunis continue: IDF troops strike dozens of Hamas terrorists and terrorist infrastructure... A number of additional terrorists were killed by the troops during combat in the area...». В одном тексте слово terrorist и его производные употребляются восемь раз, а убийство людей описывается через нейтральные военные эвфемизмы (eliminate, strike, killed). Противник идентифицируется исключительно через функцию угрозы (terrorist cell, terrorist operatives), без какой-либо индивидуализации. Это образцовая дегуманизация (ДГ), причем исходящая от государственного институционального медиаигрока, то есть санкционированная.

Пример 2. GAZA NOW IN ENGLISH, 26 мая 2025 г. (URL : <https://t.me/gazaalanpa/11431>; 24700 просмотров): «While a Palestinian doctor was treating the wounded in a hospital in Gaza, bodies of martyred children arrived. When she uncovered their faces, she was shocked... they were her nine children... for in Gaza, even mothers have no time to grieve...». Текст совмещает эмоциональный триггер (дети-жертвы, ЭТ) и эмоциональную лексику (shock, tragedy, grieve, ЭЛ), а абстрактная статистика жертв заменяется единичной личной историей. Это и есть механизм эффекта доступности (ЭД): конкретная судьба активирует Систему 1 в обход критической обработки. Типовой профиль «визуального воздействия» пропалестинских каналов.

Пример 3. Amir Tsarfati / Behold Israel, 6 августа 2025 г. (URL : <https://t.me/beholdisraelchannel/60860>; 161000 просмотров, 9450 реакций): «The UN has admitted that 88 % of the aid trucks it brought into Gaza since mid-May were looted... either by Hamas and other armed groups, or by mobs of Palestinian civilians... this is why the UN and Hamas will make up stories of death traps...». Пост апеллирует к авторитету («The UN has admitted») и тут же конструирует фальшивую бинарность (ФБ): ответственность сводится к схеме «либо ХАМАС, либо толпы мирных жителей». Конспирологический элемент (КЭ) объединяет ООН и ХАМАС в единый нарратив заговора. Аномальный охват подтверждает высокую виральность конспирологического контента произраильских каналов.

Частотный анализ.

Таблица 1

Частотность когнитивных искажений и риторических приемов по 23 каналам (% постов)

Канал	Пост.	Эп.	Э	ШК	ЦА	АТ	РВ	ЭД	ЭФ	ПП	ДГ	ФБ	КЭ
1. РИА	4280	0,6%	0,4%	5,1%	55,8%	2,7%	0,4%	2,0%	2,0%	0,7%	0,0%	1,3%	0,0%
2. NYT	360	2,2%	4,2%	30,3%	77,2%	36,9%	6,9%	0,3%	4,4%	7,5%	2,8%	10,0%	0,8%
3. FR-24	9378	1,7%	1,1%	13,9%	51,8%	19,7%	2,6%	0,6%	5,5%	4,0%	1,7%	6,4%	0,7%
4. CNBC	1190	0,8%	0,3%	4,5%	63,9%	12,4%	4,0%	1,4%	10,4%	26,9%	1,5%	2,8%	0,7%
5. Hindu	14554	1,3%	0,5%	6,2%	28,3%	11,1%	7,4%	1,7%	4,6%	3,3%	1,6%	3,9%	0,5%
6. Quds	65095	2,1%	3,2%	23,8%	24,2%	10,5%	1,2%	0,9%	1,2%	1,1%	0,9%	2,9%	0,5%
7. AI	304	2,3%	3,9%	22,7%	55,9%	26,3%	3,0%	2,6%	7,2%	6,2%	1,3%	3,6%	0,7%
8. GAZA	10642	1,3%	3,0%	19,3%	10,5%	17,4%	2,2%	4,0%	2,4%	2,2%	1,7%	4,4%	0,4%
9. ГП	9249	3,0%	5,3%	15,2%	17,5%	18,0%	2,6%	11,0%	7,3%	1,9%	0,5%	7,5%	0,5%
10. ГА	15311	1,8%	1,9%	5,7%	19,9%	12,7%	2,9%	7,5%	3,9%	1,7%	0,4%	4,6%	0,3%
11. ПИБ	35807	1,2%	1,7%	7,7%	11,9%	5,2%	0,8%	2,6%	2,2%	0,7%	0,1%	1,5%	0,2%
12. Shaun	13036	2,3%	3,3%	24,6%	21,6%	17,0%	2,2%	3,6%	2,4%	3,1%	1,7%	4,5%	0,5%
13. Eva	9799	3,2%	5,6%	24,6%	27,5%	24,0%	5,6%	5,6%	4,9%	5,8%	5,5%	7,0%	3,2%
14. Vanessa	18443	2,7%	3,8%	18,5%	27,6%	19,9%	4,5%	4,0%	5,0%	5,1%	3,3%	5,3%	1,6%
15. IDF	12266	0,2%	1,1%	9,3%	36,9%	8,9%	0,3%	1,5%	3,5%	1,5%	10,7%	0,7%	0,8%
16. TI	5071	1,8%	0,8%	15,1%	23,1%	5,6%	1,8%	1,0%	1,9%	2,1%	5,5%	3,0%	1,0%
17. ILTV	3116	2,7%	3,0%	17,6%	36,6%	15,1%	2,0%	2,2%	3,1%	4,6%	9,3%	6,0%	2,0%
18. JP	3852	0,4%	0,3%	14,4%	23,6%	4,0%	1,0%	0,4%	0,9%	1,8%	4,6%	1,7%	0,4%
19. DI	9472	0,5%	3,2%	18,0%	5,5%	14,7%	1,5%	2,2%	0,7%	1,0%	4,0%	1,7%	1,3%
20. ЛЗИ	2576	3,5%	7,2%	15,3%	15,1%	9,7%	2,5%	12,1%	1,8%	5,7%	0,4%	3,2%	0,5%
21. Amir	24667	0,9%	1,1%	10,3%	26,5%	11,3%	2,3%	1,7%	2,5%	3,7%	3,0%	2,6%	1,1%
22. Hananya	10976	1,7%	2,2%	9,4%	21,9%	10,5%	3,3%	1,9%	2,5%	3,3%	4,0%	2,2%	1,6%
23. Макс	16385	2,9%	1,5%	6,1%	28,5%	13,8%	3,2%	10,2%	3,4%	2,5%	0,1%	3,3%	0,3%

Примечание: Полные названия каналов и ссылки из таблицы 1: 1 – РИА Новости (t.me/rian_ru); 2 – The New York Times (t.me/nytimes); 3 – FRANCE 24 English (t.me/france24_fr); 4 – CNBC International (t.me/cnbc); 5 – The Hindu (t.me/hindunewsupdates); 6 – Quds News Network (t.me/qudsnews); 7 – Al Mayadeen English (t.me/almayadeenenglish); 8 – GAZA NOW IN ENGLISH (t.me/gazaalanza); 9 – Голос Палестины (t.me/voiceofpalestine); 10 – Голос арабов | Иран | Ливан (t.me/arabiasocialism); 11 – Палестина. Иран и Ближний Восток (t.me/PalInfoRu); 12 – Shaun King (t.me/ShawnKingChannel); 13 – Eva Karene Bartlett (t.me/EvaKareneBartlett); 14 – Vanessa Beeley (t.me/VanessaBeeley); 15 – Israel Defense Forces (t.me/IDFofficial); 16 – The Times of Israel (t.me/TheTimesOfIsrael2022); 17 – ILTV Israel News 24/7 (t.me/ILTVnews); 18 – The Jerusalem Post (t.me/TheJerusalemPost); 19 – Documenting Israel (t.me/DocumentingIsrael); 20 – Новости Израиля | Люди за Израиль (t.me/humanisforisrael); 21 – Amir Tsarfati (t.me/beholdisraelchannel); 22 – Hananya Natani (t.me/hanafi); 23 – Макс Бродский (t.me/max_brodsky2).

Наиболее частотным приемом стала цитата/авторитет (24,1 %), наименее частотным стала конспирология (0,7 %). Каналы низовых сообществ используют когнитивные искажения в 5,1 % постов, инфлюенсеры и СМИ меньше – 4,3 % и 2,8 % соответственно. Это справедливо для усредненной интенсивности по всем категориям искажений; отдельные институциональные каналы (прежде всего IDF) дают исключения по конкретным категориям – см. раздел «Санкциониро-

ванная дегуманизация». Тип медиаигрока определяет интенсивность применения манипулятивных техник, что частично подтверждает пятую гипотезу. Полное подтверждение гипотезы, включая связь идеологии с типом искажений, представлено в разделе «Когнитивные профили».

Парадокс нулевой эффективности: корреляционный анализ.

Таблица 2

Корреляции Спирмена приемов с метриками вовлеченности (n = 23 канала)

Параметр (аббр.)	r с просмотрами	r с пересылками	r с реакциями
РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ			
ЭЛ – Эмоциональная лексика	–0,0205	–0,0028	–0,0142
Э – Эпитеты	–0,0263	–0,0010	–0,0210
ШК – Шок-контент	–0,0499	–0,0177	–0,0339
ЦА – Цитата/Авторитет	+0,0685	+0,0269	+0,0095
АТ – Апелляция к толпе	–0,0341	+0,0058	–0,0034
РВ – Риторический вопрос	–0,0159	+0,0191	+0,0014
КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ			
ЭД – Эффект доступности	–0,0197	+0,0045	–0,0206
ЭФ – Эффект фрейминга*	–0,0183	+0,0061	–0,0172
ПП – Предвзятость подтверждения	–0,0011	+0,0285	+0,0217
ДГ – Дегуманизация	–0,0014	+0,0269	+0,0225
ФБ – Фальшивая бинарность	–0,0206	+0,0032	–0,0096
КЭ – Конспирология	–0,0040	+0,0259	+0,0130
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ			
Милитаризация речи	–0,0868	–0,0667	–0,0987
Эмоц. триггеры	–0,0497	–0,0167	–0,0417
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ			
Про-Израиль	+0,0902	+0,0837	+0,0741
Пропалестинские	–0,0875	–0,0732	–0,1023

Примечание: Знак «*» при ЭФ: значение r рассчитано по агрегированным данным канального уровня; ввиду специфики автоматической разметки фрейминга исхода (акцент на последствиях при замалчивании контекста) точность этого показателя ниже, чем у остальных параметров.

Парадокс нулевой эффективности: эмоциональная лексика (ЭЛ, $r = -0,02$), эпитеты (Э, $r = -0,03$), риторический вопрос (РВ, $r = -0,02$) – нулевые или слабоотрицательные корреляции с просмотрами. Стандартный пропагандистский репертуар не повышает охват на уровне экосистемы из 23 каналов. Эффект фрейминга (ЭФ, $r = -0,018$) и эффект доступности (ЭД, $r = -0,020$) демонстрируют аналогичную картину – когнитивные искажения в целом не работают как инструменты расширения охвата.

Слабая абсолютная величина большинства корреляций ($|r| < 0,05$) не является недостатком данных, а составляет суть выявленного пара-

докса: стандартные манипулятивные приёмы не обладают предсказательной силой в отношении охвата. Содержательно значимы лишь немногие устойчивые связи – отрицательная для милитаризации речи и положительная для идеологического индикатора «про-Израиль».

Однако по ER % (глубина вовлеченности постоянной аудитории) те же приемы дают $r = 0,423$ ($p = 0,044$), а прямое сравнение групп (табл. 3) показывает ER % 4,68 % у эмоциональных против 4,09% у рациональных, что подтверждает первую гипотезу с уточнением: «убеждать существующую аудиторию» и «расширять охват» – принципиально разные задачи, решаемые раз-

ными инструментами. Милитаризация речи – сильнейший антипредиктор: $r = -0,087$ с просмотрами, $r = -0,099$ с реакциями (подтверждается четвертая гипотеза). Индекс манипулятивности значимо не коррелирует с ERR % ($r = -0,150$, $p = 0,494 > 0,05$), что подтверждает третью гипотезу. Единственный параметр с устойчиво поло-

жительной корреляцией – идеологический индикатор «про-Израиль» ($r = +0,09$ с просмотрами), что отражает структурную асимметрию охвата, подробно описанную в предшествующей публикации серии.

Рациональные vs эмоциональные приемы.

Таблица 3

Сравнение групп приемов по эффективности

Группа	N пост.	% пост.	Просмотры	Пересылки	Реакции	ERR %	ER %
Эмоциональные (5)	81179	27,4 %	2966	48,6	1349	13,10 %	4,68 %
Рациональные (цитата)	71200	24,1 %	46167	57,8	1630	13,68 %	4,09 %
Когнитивные искажения (6)	36443	12,3 %	26423	60,3	1580	15,60 %	4,53 %
Доп. параметры	61580	20,8 %	13165	31,7	599	10,15 %	4,48 %

Эмоциональные приемы: ER на 14 % выше (4,68 % vs 4,09 %), но охват в 2,1 раза меньше (21966 vs 46167 просмотров). Когнитивные искажения: промежуточная позиция (ERR 15,60 %). Дополнительные параметры (милитаризация +

триггеры): минимальный охват (13165), что подтверждает антипредикторную роль военной риторики.

Когнитивные профили идеологических страт.

Таблица 4

Когнитивные профили страт (% постов с искажением)

Искажение	Пропалест. %	Произраил. %	Нейтр. %
Эффект доступности	3,3 %	3,6 %	1,4 %
Эффект фрейминга	2,7 %	2,5 %	4,8 %
Предвзятость подтверждения	2,0 %	2,7 %	4,1 %
Дегуманизация	1,3 %	4,1 %	1,4 %
Фальшивая бинарность	3,7 %	2,4 %	4,4 %
Конспирология	0,7 %	1,0 %	0,5 %

Пропалестинские – профиль «визуального воздействия». Эффект доступности (3,3 %) + фальшивая бинарность (3,7 %) + фрейминг исхода. Механизм следующий: демонстрация визуальных последствий → Система 1 → переоценка масштаба катастрофы (см. пример 2). Произраильские – профиль «когнитивного закрепления»: дегуманизация (4,1 %) + предвзятость подтверждения (2,7 %). Механизм следующий: конструирование «нечеловеческого врага» + подтвер-

ждение убеждений. Канал Israel Defense Forces является лидером дегуманизации (10,7 %) среди всех 23 каналов. Вторая гипотеза подтверждается, а пятая гипотеза получает дополнительное подтверждение. Анализ данных доказывает, что идеология определяет тип манипулятивных техник.

Санкционированная дегуманизация: феномен IDF.

Таблица 5

Дегуманизация: топ-5 каналов

Канал	Тип актора	Ориентация	Дегум. %	Тип дегуманизации
Israel Defense Forces	СМИ	Произраильский	10,7 %	Санкционированная
ILTV Israel News 24/7	СМИ	Произраильский	9,3 %	Санкционированная
Eva Karene Bartlett	Инфлюенсер	Пропалестинский	5,5 %	Органическая
The Times of Israel	СМИ	Произраильский	5,5 %	Смешанная
Documenting Israel	Grassroots	Произраильский	4,0 %	Органическая

«Санкционированная дегуманизация» – это авторский концепт, обозначающий применение дегуманизирующего дискурса государственным институциональным медиаигроком как элемент официальной коммуникативной стратегии. Данный концепт не имеет прямых аналогов в существующей литературе по дегуманизации [12; 13; 14], которая рассматривает дегуманизацию преимущественно как стихийный феномен, но не как элемент официальной институциональной стратегии.

Israel Defense Forces, официальный военный канал армии Израиля, возглавляет всю выборку по дегуманизации, опережая все grassroots-

каналы (см. пример 1). Санкционированная дегуманизация отличается от органической точечностью (только в специфических контекстах) и государственным авторитетом источника, что делает ее менее заметной для аудитории и тем самым потенциально более опасной. Это ставит под сомнение «порог манипулятивности» как надежный маркер типа медиаигрока.

Институциональные СМИ: порог манипулятивности.

Таблица 6

Институциональные СМИ: когнитивные искажения (% постов)

Канал	Пост.	ЭЛ (ЭЛ %)	ШК (ШК %)	ЦА (ЦА %)	ЭД (ЭД %)	ДГ (ДГ %)	КЭ (КЭ %)
РИА Новости	4280	0,6 %	5,1 %	55,8 %	2,0 %	0,0 %	0,0 %
The New York Times	360	2,2 %	30,3 %	77,2 %	0,3 %	2,8 %	0,8 %
FRANCE 24 English	9378	1,7 %	13,9 %	51,8 %	0,6 %	1,7 %	0,7 %
CNBC International	1190	0,8 %	4,5 %	63,9 %	1,4 %	1,5 %	0,7 %
The Hindu	14554	1,3 %	6,2 %	28,3 %	1,7 %	1,6 %	0,5 %
Israel Defense Forces	12266	0,2 %	9,3 %	36,9 %	1,5 %	10,7%	0,8 %
ILTV Israel News 24/7	3116	2,7 %	17,6 %	36,6 %	2,2 %	9,3%	2,0 %
The Jerusalem Post	3852	0,4 %	14,4 %	23,6 %	0,4 %	4,6 %	0,4 %

Примечание: Приведены наиболее аналитически значимые параметры; полные данные по каждому каналу представлены в таблице 1. Жирным шрифтом выделены значения дегуманизации каналов Israel Defense Forces (10,7 %) и ILTV Israel News 24/7 (9,3 %) как аномально высокие для институционального актора.

Институциональные СМИ в среднем используют когнитивные искажения менее чем в 5 % постов. Доминирует цитата/авторитет (ЦА): от 23,6 % у Jerusalem Post до 77,2 % у The New York Times – признак журналистской нормы верификации, при которой ссылка на авторитетный источник заменяет прямую оценку. Показатели эмоциональной лексики (ЭЛ), эффекта доступности (ЭД) и конспирологии (КЭ) находятся в пределах 0–2,8 % – в диапазоне статистического шума.

Принципиальным исключением являются Israel Defense Forces (ДГ 10,7 %) и ILTV Israel News 24/7 (ДГ 9,3 %). Оба канала – институциональные произраильские СМИ – превышают показа-

тели дегуманизации всех каналов низовых сообществ обеих идеологических страт. Это и есть феномен «санкционированной дегуманизации»: государственный военный канал IDF применяет дегуманизирующий дискурс как элемент официальной коммуникативной стратегии, а не как стихийное проявление идеологической мобилизации. Граница между институциональной журналистикой и пропагандой при таких значениях размывается: «порог манипулятивности» перестает работать как надежный маркер типа медиаигрока.

Язык войны: динамика по фазам.

Таблица 7

Дегуманизация и милитаризация речи по фазам конфликта

Фаза	Период	Дегуманизация пропалестинские каналы %	Дегуманизация произраильские каналы %	Милитаризация пропалестинские каналы%	Милитаризация произраильские каналы %
1	2	3	4	5	6
1	Окт. 2023	1,3 %	4,6 %	13,5 %	3,7 %
2	Нояб. 2023 – март 2024	0,9 %	5,4 %	15,3 %	6,6 %

Окончание таблицы 7

1	2	3	4	5	6
3	Апр. – окт. 2024	1,1 %	4,2 %	22,8 %	3,0 %
4	Окт. 2024 – май 2025	1,5 %	3,7 %	27,2 %	2,5 %
5	Июнь – авг. 2025	1,7 %	3,4 %	22,1 %	3,3 %

Дегуманизация у израильских каналов остается стабильно высокой на протяжении всех фаз (3,4–5,4 %), не опускаясь до уровня пропалестинских (0,9–1,7 %). Это устойчивый фоновый уровень, характерный для «нарастающей дозировки» [7]: дегуманизирующий дискурс присутствует постоянно, а не вспышками по событийным поводам. Заметна асимметрия, так как израильские доминируют по дегуманизации (3,4–5,4 % против 0,9–1,7 %), а пропалестинские доминируют по милитаризации (до 27,2 % в Фазе 4 vs 2,5 %). Мы видим два механизма конструирования противника: «нечеловеческий враг» про-

тив «героическое сопротивление», в соответствии с когнитивными профилями.

Милитаризация речи демонстрирует иную динамику: у пропалестинских каналов она нарастает от 13,5 % в Фазе 1 до 27,2 % в Фазе 4, тогда как у израильских остается стабильной (3,7–6,6 %). В среде Telegram с добровольной подпиской военная риторика работает не как усилитель охвата, а как фильтр идентичности, сужая аудиторию до тех, кто уже разделяет соответствующий нарратив.

Конспирология и эмоциональные триггеры.

Таблица 8

Конспирология и триггеры по стратам и типам медиаигроков

Группа	Пост.	Конспир. %	ERR %	Ср. пересылки (конспир.)	Триггеры %
Пропалест.	177686	0,7 %	11,85 %	26,9	4,7–13,9 %
Израильские	88381	1,0 %	20,46 %	206,4	4,5–6,2 %
Нейтральные	29762	0,5 %	5,28 %	3,1	–

Конспирология у израильских каналов дает рекордные пересылки (206,4)! Срабатывает механизм «инсайдерского знания» [22] (см. пример 3), то есть аудитория разделяет «правду» с теми, кто «в темноте». Эмоциональные триггеры работают следующим образом: пропалестинские используют образы детей и разрушенных больниц, израильские используют угрозу существованию Израиля и память о 7 октября 2023 г. Наиболее эффективную комбинацию дают израильские инфлюенсеры с эмоциональными триггерами: сочетание экзистенциального страха и авторского авторитета обеспечивает максимальную вовлеченность и виральность среди нишевой, но мотивированной аудитории.

Заключение.

Исследование подтвердило доминирование Системы 1 в Telegram, поскольку эмоциональные приемы оказались эффективнее рациональных для вовлеченности постоянной аудитории. Парадокс нулевой эффективности по охвату требует переосмысления классических теорий пропаганды [1; 2].

В среде с добровольной подпиской «убеждать» и «расширять охват» – это уже разные задачи.

Феномен санкционированной дегуманизации имеет практические импликации для аудиторной медиаграмотности, ведь если государственный военный канал практикует дегуманизацию интенсивнее большинства неинституциональных каналов, «порог манипулятивности» перестает быть надежным маркером типа медиаигрока, а доверие к «официальным источникам» как априори менее манипулятивным требует пересмотра.

Кризис журнализма [21] проявляется здесь структурно, то есть соблюдение стандартов объективности оказывается конкурентно невыгодным на платформе, оптимизированной под эмоциональный контент.

Антипредикторная роль милитаризации переосмысляет тезис Клемперера [7], потому как в цифровой среде с добровольной подпиской военная риторика сужает охват до идеологически консолидированной аудитории, а не расширяет его. А это расходится с нормализующей функцией, описанной им применительно к тоталитарным медиасистемам.

Уточнение центральной гипотезы: тип медиаигрока определяет интенсивность (grassroots > СМИ по когнитивным искажениям), а идеология

определяет тип манипулятивных техник («дегуманизация у израильских» против «визуальное воздействие у палестинских»). Практическое значение результатов велико и включает в себя разработку программ медиаграмотности, мониторинг пропаганды в мессенджерах и социальных сетях, а также повышение журналистских стандартов касательно освещения конфликтов в цифровую эпоху.

Выявленный парадокс нулевой эффективности дополняет описанный в другой работе автора парадокс фрейминга виновности. Оба показы-

вают, что эффективность пропагандистского контента в Telegram определяется не интенсивностью приёмов, а структурными факторами – идентичностью аудитории и типом медиаигрока.

Настоящая статья завершает серию из трех публикаций на едином корпусе данных: от SMM-метрик [23] через нарративные стратегии до когнитивных механизмов пропаганды (настоящая работа). Все три уровня анализа подтверждают сквозной тезис: тип медиаигрока является более сильным предиктором коммуникативной стратегии, чем идеологическая ориентация.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература / References:

1. Bernays E. Propaganda. New-York : Horace Liveright, 1928.
2. Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War. New-York : Knopf, 1927.
3. Ellul J. Propaganda. New-York : Knopf, 1965.
4. Kahneman D. Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk / D. Kahneman, A. Tversky // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. № 2. P. 263–291.
5. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. New-York : Farrar, Straus and Giroux, 2011.
6. Tversky A. Availability: A Heuristic / A. Tversky, D. Kahneman // *Cognitive Psychology*. 1973. Vol. 5. P. 207–232. DOI: 10.1016/0010-0285(73)90033-9
7. Klemperer V. LTI – Lingua Tertii Imperii: Notizbuch eines Philologen. Berlin : Aufbau-Verlag, 1947.
8. Nickerson R.S. Confirmation Bias // *Review of General Psychology*. 1998. Vol. 2. № 2. P. 175–220. DOI: 10.1037/1089-2680.2.2.175
9. Pariser E. The Filter Bubble. New-York : Penguin, 2011. DOI: 10.3139/9783446431164
10. Woolley S.C. Computational Propaganda / S.C. Woolley, P.N. Howard. Oxford : Oxford University Press, 2019. DOI: 10.1093/oso/9780190931407.001.0001
11. Wardle C., Derakhshan H. Information Disorder. Strasbourg : Council of Europe, 2017.
12. Haslam N. Dehumanization: An Integrative Review // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10. № 3. P. 252–264. DOI: 10.1207/s15327957pspr1003_4 EDN: JPBQCV
13. The Ascent of Man / N. Kteily [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. Vol. 109. № 5. P. 901–931. DOI: 10.1037/pspp0000048
14. Smith D.L. Less Than Human. New-York : St. Martin's Press, 2011.
15. Emotion Shapes the Diffusion of Moralized Content / W.J. Brady [et al.] // *PNAS*. 2017. Vol. 114. № 28. P. 7313–7318. DOI: 10.1073/pnas.1618923114 EDN: XXBGWL
16. Vosoughi S. The Spread of True and False News Online / S. Vosoughi, D. Roy, S. Aral // *Science*. 2018. Vol. 359. № 6380. P. 1146–1151. DOI: 10.1126/science.aap9559
17. Berger J. What Makes Online Content Viral? / J. Berger, K.L. Milkman // *Journal of Marketing Research*. 2012. Vol. 49. № 2. P. 192–205. DOI: 10.1509/jmr.10.0353
18. Cialdini R.B. Influence: The Psychology of Persuasion. Rev. ed. New-York : Harper Business, 2007.
19. Petty R.E. The Elaboration Likelihood Model / R.E. Petty, J.T. Cacioppo // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1986. Vol. 19. P. 123–205. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60214-2
20. Waisbord S. Post-Truth Communication and Populist Politics // *Communication Research and Practice*. 2018. Vol. 4. № 1. P. 17–34. DOI: 10.1080/22041451.2018.1428928
21. McIntyre L. Post-Truth. Cambridge, MA : MIT Press, 2018. DOI: 10.7551/mitpress/11483.001.0001
22. Kruglanski A.W. The Psychology of Closed Mindedness. New-York : Psychology Press, 2004.
23. Serdotetsky F.A. SMM strategies of Telegram channels in the discourse of the Israel-Palestine conflict (2023–2025): quantitative analysis of engagement metrics // *Philological Bulletin*. 2026. № 3.

Информация об авторе

Сердотецкий Федор Андреевич

соискатель

ученой степени кандидата наук,

Воронежский государственный университет

serdotetsky@yandex.ru

Fyodor A. Serdotetsky

Candidate of Science degree

Candidate of Sciences,

Voronezh State University

serdotetsky@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.05.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.06.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-4>

УДК 81

Attribution

cc by

ЦЕЛИ И ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ: ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

Терентьева Л.М.

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация. В статье рассматриваются цели и функции социально-политической рекламы как особого интегративного вида медиакommunikации на стыке социальной и политической рекламы. Актуальность исследования связана с трансформацией информационного пространства и ростом роли медиакommunikационных инструментов в формировании общественного мнения и обеспечении социальной консолидации в условиях общественно-политической нестабильности. Цель статьи – выявить и систематизировать ключевые цели, задачи и функции социально-политической рекламы с учётом её синтетической природы. Методологическая основа включает теоретико-концептуальный анализ научных источников, сравнительный анализ целей, задач и функций социальной и политической рекламы, а также системный подход, позволяющий рассмотреть социально-политическую рекламу как целостное медиакommunikационное явление. Результаты показывают, что социально-политическая реклама представляет собой самостоятельный набор функций: интегративную, мобилизационную, идентификационную и информационно-образовательную. Сделан вывод о её особой роли в системе государственной информационной политики, направленной на формирование общественных установок, политической лояльности и гражданской активности.

Ключевые слова: реклама, социально-политическая реклама, социальная реклама, политическая реклама, общественное сознание, общественное мнение, трансформация, информационная политика, массовая коммуникация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

GOALS AND FUNCTIONS OF SOCIO-POLITICAL ADVERTISING: MAJOR RESEARCH APPROACHES

Lada M. Terentyeva

Moscow State Linguistic University

Abstract. This article examines the goals and functions of socio-political advertising as a distinct integrative form of media communication situated at the intersection of social and political advertising. The relevance of the study is determined by the transformation of the information environment and the increasing role of media communication tools in shaping public opinion and ensuring social cohesion under conditions of socio-political instability. The aim of the article is to identify and systematise the key goals, objectives, and functions of socio-political advertising, taking into account its hybrid nature. The methodological framework comprises a theoretical and conceptual analysis of scholarly sources, a comparative analysis of the goals, objectives, and functions of social and political advertising, as well as a systems approach that allows socio-political advertising to be considered as an integral media communication phenomenon. The results demonstrate that socio-political advertising constitutes an independent set of functions, including integrative, mobilising, identificatory, informational and educational functions. The study concludes that it plays a distinctive role within the system of state information policy, aimed at shaping public attitudes, fostering political loyalty, and promoting civic engagement.

Keywords: advertising, socio-political advertising, social advertising, political advertising, public consciousness, public opinion, transformation, information policy, mass communications.

Funding: Independent work.

Введение.

В условиях изменения информационного пространства и роста роли медиакоммуникаций в формировании общественного мнения увеличивается значение форм воздействия, объединяющих социальные и политические компоненты. Современные нестабильные общественно-политические процессы с большим потоком информации и идеологическим противостоянием актуализируют потребность в инструментах, способных обеспечивать социальную консолидацию и политическую мобилизацию [5]. Одним из таких инструментов выступает социально-политическая реклама, формирующаяся на пересечении социальной и политической рекламы. Несмотря на активное использование государством данной формы коммуникации, её теоретическое осмысление остаётся фрагментарным. В научной литературе подробно исследованы социальная и политическая реклама как самостоятельные явления, однако их синтетическое взаимодействие требует дополнительного анализа.

Таким образом, возникает проблема, связанная с уточнением целей и функций социально-политической рекламы как вида медиакоммуникации.

Актуальность исследования определяется изменениями в информационном пространстве и возросшей ролью медиакоммуникаций в формировании общественного мнения и поддержании социальной консолидации в условиях нестабильности.

Целью является выявление целей, задач и функций социально-политической рекламы с учётом её двойственной природы.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- проанализировать теоретические подходы к пониманию социальной рекламы и определить её целевые и функциональные характеристики;
- рассмотреть политическую рекламу как медиакоммуникационный инструмент формирования общественного мнения;
- выявить сходства и различия социальной и политической рекламы;
- определить специфику социально-политической рекламы как интегративного вида медиакоммуникации.

Материалом для исследования стали труды отечественных и зарубежных авторов по социальной и политической рекламе, массовой коммуникации и формированию общественного мнения.

Эмпирико-теоретическую базу составили публикации, отражающие разные подходы к анализу социальной и политической рекламы, а также

концепции, раскрывающие их роль в государственной информационной политике.

Методологическую основу исследования составляют:

- теоретико-концептуальный анализ источников, выявляющий ключевые подходы к пониманию социальной и политической рекламы;
- сравнительный анализ для сопоставления их целей, задач и функций;
- системный подход, позволяющий рассматривать социально-политическую рекламу как целостное медиакоммуникационное явление, формирующееся на стыке социальных и политических процессов.

Результаты.

Проведённое исследование позволяет заключить, что социально-политическая реклама представляет собой самостоятельный интегративный вид медиакоммуникации, обладающий собственными целями и функциями. Её ключевые цели – формирование устойчивых общественных установок, обеспечение социальной консолидации и политической стабильности, а также мобилизация гражданской активности в интересах государственной информационной политики.

Исследование выявило, что основными функциями социально-политической рекламы являются интегративная, мобилизационная, идентификационная и информационно-образовательная. Их совокупная реализация обеспечивает трансляцию социально и политически значимых смыслов, а также активное формирование общественного мнения, коллективной идентичности и моделей социально одобряемого поведения.

Полученные результаты дают основания рассматривать социально-политическую рекламу не как механическое сочетание социальной и политической рекламы, а как особое медиакоммуникационное явление, функционирующее на пересечении общественных и политических интересов. Выявленные цели и функции создают теоретическую основу для дальнейшего изучения механизмов, технологий и стратегий социально-политической рекламы в условиях современных общественно-политических трансформаций.

Обсуждение.

Понимание сущности социально-политической рекламы невозможно без предварительного анализа её составных компонентов – социальной и политической рекламы, каждый из которых обладает собственными целями, функциями и формами влияния на общество.

В теоретическом осмыслении социальной рекламы ключевое значение имеет определение её цели. Основная цель социальной рекламы –

решение актуальных общественных проблем [11]. Она стремится акцентировать внимание на проблемах жизни социума, повышая осведомлённость и мобилизуя ресурсы общества для их решения.

Цель социальной рекламы определяет характер её задач, среди которых важнейшей является адресное распространение значимой информации, позволяющее аудитории принимать решения о собственной реакции и действиях [13].

Таким образом, социальная реклама выступает посредником между фактами социальной реальности и механизмами общественного выбора.

Помимо вышеуказанной задачи, социальная реклама выполняет следующие функции:

- повышения информированности об актуальных проблемах;
- информирования о последствиях и альтернативах;
- формирования положительного общественного отношения;
- мотивации граждан к действиям; коррекцию поведенческих моделей [9].

Функциональное наполнение социальной рекламы раскрывает её сущностные особенности.

Так, З.Ф. Абрарова выделяет следующие направления:

- воспитательное — формирование поведенческих моделей;
- соблюдения норм, законов и гражданской активности;
- идеологическое — формирование позитивного отношения к власти и государственным инициативам;
- социоинтегративное — обеспечение взаимодействия между государством, НКО и населением;
- информационное — сообщение о возникновении общественной проблемы;
- социокультурное — сохранение и трансляция национальных ценностей, культурной идентичности и наследия [1].

Также важно привести классификацию Г.Г. Николаишвили, которая выделяет функции, отличающие социальную рекламу от коммерческой:

- информационную — информирование о социальной проблематике;
- экономическую — снижение затрат государства на социальные проблемы;

— просветительскую — актуализация новых вызовов и моральных ценностей;

— социальную — стимулирование чувства ответственности и сопричастности; эстетическая — использование художественных средств для усиления воздействия [10].

Сопоставление различных исследовательских подходов позволяет заключить, что функциональный спектр социальной рекламы не является строго фиксированным: он варьируется в зависимости от общественно-политической ситуации, аудитории и задач. При этом все вышеобозначенные функции сходятся в одном — они формируют у граждан не только осведомлённость, но и готовность к действию, ориентацию на коллективные ценности и поддержку инициатив, направленных на развитие общества [2]. Особенно это важно в периоды социально-политической напряжённости, в условиях информационной нестабильности и внешних вызовов, когда социальная реклама выполняет роль стабилизирующего механизма.

В связи с этим, необходимо рассмотреть отдельно политическую рекламу как вторую составляющую социально-политической рекламы. Если социальная реклама формирует общественную чувствительность к проблемам и укрепляет моральные основы, то политическая реклама функционирует в условиях политической конкуренции [6]. В современной информационной среде она становится инструментом воздействия на массовое сознание, адаптируясь к изменяющимся реалиям и ожиданиям аудитории [12]. По мнению ряда авторов, её цель — достижение политически значимого результата: победа на выборах, укрепление известности, продвижение принципов и программы [8]. Поэтому политическая реклама выступает не просто как средство передачи информации, а как инструмент вовлечения граждан в политический процесс, способствующий формированию политической активности и сознательного выбора.

В рамках политического маркетинга, политическая реклама выступает инструментом формирования мнения граждан. Её функции выходят за пределы отражения текущих событий или позиций: она формирует общественную повестку, определяя значимость отдельных политических тем и проблем. Тем самым, политическая реклама не только реагирует на общественные настроения, но и во многом опережает их, конструируя интерпретации политических процессов и влияя на массовое восприятие [12].

Как отмечают исследователи, политическая реклама — это целенаправленная деятельность по распространению политической информации для влияния на общественное мнение, электоральное поведение и политические установки [7]. В отличие от социальной, она носит соревновательный и персонализированный характер. В политическом маркетинге реклама является

элементом комплексной коммуникации, дополняющей PR, паблисити, прямые акции и дебаты.

В своей научной работе, посвящённой политической рекламе, Подгорная Л. Д. выделяет ключевые функции, определяющие её роль как медиакоммуникационного инструмента в политической сфере. К ним относятся:

1. Коммуникативная функция – обеспечивает взаимодействие между субъектами власти и массовой аудиторией, транслируя политические послания и формируя узнаваемые образы.
2. Информационная функция – информирует аудиторию о кандидатах, их позициях и деятельности, одновременно интерпретируя политические события и формируя определённое представление о политической действительности.
3. Социально-ориентирующая функция – структурирует пространство политического выбора, помогая аудитории соотносить собственные взгляды с представленными политическими альтернативами.
4. Идеологическая функция – через обращение к ценностям, культурным кодам и символам способствует формированию лояльности к политическим институтам и государственным инициативам.
5. Культурная функция – транслирует ценности и модели поведения, формируя образы политического лидера и гражданина в общественном сознании [12].

Помимо перечисленных выше функций, политическая реклама продвигает кандидата, выступая как форма «личной продажи» [12]. Она использует средства, формирующие у избирателей впечатление, что кандидат отражает желаемые ими качества и ценности [3]. Как и социальная реклама, она является важным элементом государственной и общественной коммуникации [4]. При этом обе формы различаются по цели и форме подачи, а их совмещение в социально-политической рекламе превращает медиакоммуникацию в многоуровневый инструмент формирования общественного мнения, управляемой идентичности и политической мобилизации. Это особенно важно в периоды общественно-политической нестабильности, когда информационное пространство становится ареной борьбы за доверие, лояльность и гражданскую активность.

Анализ характеристик, задач и функций социальной и политической рекламы позволяет перейти к изучению социально-политической рекламы как интегративного явления. На стыке этих форм формируется уникальное поле, где цели общественного блага и поддержания моральных норм сочетаются с реализацией политических интересов и управлением общественным сознанием. Это требует внимательного рассмотрения целей, функций и особенностей воз-

действия, что выявляет специфическую роль социально-политической рекламы в системе современной медиакоммуникации и государственной информационной политики.

Социально-политическая реклама объединяет элементы социальной и политической рекламы, обладая многоаспектной природой и комплексом целей и функций. Она сочетает общественные и политические интересы, подчёркивая уникальность как инструмента формирования общественного мнения. Основные её цели включают:

1. Формирование устойчивого и позитивного общественного сознания, способствующего социальной сплочённости и политической стабильности через усиление доверия к государственным институтам, поддержку инициатив и активизацию гражданской ответственности. Механизмы воздействия обеспечивают не только информирование, но и эмоциональный отклик, стимулирующий активное участие граждан.
2. Мобилизацию электората и стимулирование политической активности, включая участие в выборах и других формах публичного выражения позиции. Здесь реклама ориентирована на убеждение аудитории в необходимости выбора или поддержки конкретных политических субъектов и программ, с адаптацией контента под целевые группы через сегментацию, таргетирование и разнообразные коммуникативные стратегии.
3. Ценностно-нормативная адаптация общества направлена на восприятие и осмысление общественно-политических изменений, включая период специальной военной операции. Реклама формирует рамки интерпретации событий, связывает их с национальными интересами и помогает гражданам усваивать новые модели поведения. В условиях информационного противоборства она снижает дезориентацию, поддерживает психологическую устойчивость и переводит кризисные события в управляемый ценностный контекст.

Функции социально-политической рекламы объединяют ключевые задачи социальной и политической рекламы, усиливая их совместное влияние. К ним относятся:

1. Интегративная – объединяет группы и акторов вокруг общих ценностей, снижает конфликтность и укрепляет консенсус.
2. Мобилизационная функция – стимулирует граждан к участию в общественно-политической жизни, побуждая к действиям (участие в выборах, соблюдение социальных норм или поддержка государственных инициатив).
3. Идентификационная функция – формирует коллективную и личную идентичность через символику, образы и нарративы, усиливая чувство принадлежности, лояльность и социальную сплочённость.

4. Информационно-образовательная функция – расширяет общественное понимание социальных и политических процессов.

Заключение.

Проведённое исследование позволило уточнить теоретическое понимание социально-политической рекламы как самостоятельного интегративного вида медиакommunikации, формирующегося в условиях трансформации информационного пространства и усиления роли коммуникационных технологий в общественно-политических процессах.

Научная новизна работы заключается в систематизации целей и функций социально-политической рекламы и обосновании её специфики как особого инструмента воздействия, сочетающего социально-нормативные и политико-коммуникационные механизмы. Показано, что данная форма рекламы выступает не только

средством информирования, но и инструментом конструирования общественного сознания, формирования ценностных ориентиров и регулирования гражданской активности.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии представлений о медиакommunikационных процессах на стыке социальной и политической сфер, а также в уточнении функциональной модели социально-политической рекламы, которая может быть использована в дальнейших научных разработках.

Практическая значимость связана с возможностью применения полученных результатов при разработке коммуникационных стратегий в сфере государственной информационной политики, а также при создании социально-политических рекламных кампаний, направленных на повышение эффективности воздействия на массовую аудиторию.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Аббарова З.Ф. Социальная реклама в России: формирование позитивных социальных установок / З.Ф. Аббарова, И.И. Аббаров // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10(125). 506 с. EDN: VWUIAG
2. Аксенова О.Н. Влияние социальной рекламы на осведомленность и поведенческие модели / О.Н. Аксенова, Е.В. Швец // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 34. С. 1–11. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-32-82-92 EDN: IQCDDY
3. Андросова Л.А., Сараева В.П. Средства и инструменты продвижения кандидата // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6. № 1(21). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-i-instrumenty-prodvizheniya-kandidata> (дата обращения 17.09.2025). EDN: UYIBLV
4. Быльева Д.С. Роль политической рекламы в современном обществе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 70. С. 1–7. EDN: KUVQLL
5. Политические институты и процессы в информационном обществе : учеб. пособие / И.В. Вашкевич [и др.]; Под ред. И.В. Вашкевич. Мн. : БГУИР, 2018. 236 с. ISBN: 978-985-543-407-9 EDN: VDBAMP
6. Гёзаян А.А. Социальная реклама как инструмент создания общественного мнения / А.А. Гёзаян, Чернышева В.Д. // Теория и практика современной науки. 2021. № 1(67). С. 103–111. EDN: CZITSC
7. Гринберг Т.Э. Политические технологии: PR и реклама : учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд. М. : Аспект Пресс, 2012. 280 с. ISBN: 978-5-7567-0639-0 EDN: SCHIEZ
8. Карпов В.В. Политическая реклама в деятельности государственных структур // Вестник СИБИТа. 2012. № 3(3). С. 53–56. EDN: RBFDDL
9. Лапшина О.С. Понятие и сущность социальной рекламы / О.С. Лапшина, Н.Д. Глушков // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2016. № 1–2(18). С. 94–98. EDN: YQPVYJ
10. Николайшвили Г.Г. Социальная реклама: некоторые вопросы теории и практики // Регионология. 2008. № 2. 264 с. EDN: JUANRP
11. Пискунова М.И. Социальная реклама как феномен общественной рефлексии // Реклама и PR. 2004. № 1. URL : <https://www.mediascope.ru/социальная-реклама-как-феномен-общественной-рефлексии> (дата обращения 26.08.2025). EDN: JWVGBP
12. Подгорная Л.Д. Политическая реклама как форма коммуникации современного общества // Вестник Российского университета дружбы народов. 2006. 96 с. EDN: JVKQPX
13. Столярова Л.Г. Социальная реклама и её влияние на молодёжь // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2020. № 1. 366 с. EDN: USXDEK

References:

1. Abrarova Z.F., Abrarov I.I. Social advertising in Russia: formation of positive social attitudes // Eurasian Law Journal. 2018. № 10(125). 506 p. EDN: VWUIAG
2. Aksenova O.N. The influence of social advertising on awareness and behavioral models / O.N. Aksenova, E.V. Shvets // The Russian School of Public Relations. 2024. № 34. P. 1–11. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-32-82-92 EDN: IQCDDY
3. Androsova L.A. Means and tools of candidate promotion / L.A. Androsova, V.P. Saraeva // Science. Society. State. 2018. Vol. 6. № 1(21). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-i-instrumenty-prodvizheniya-kandidata> (date of application 09/17/2025). EDN: UYIBLW
4. Bylyeva D.S. The role of political advertising in modern society // Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen. 2008. № 70. P. 1–7. EDN: KUVQLL
5. Political institutions and processes in the information society : textbook / I.V. Vashkevich [et al.]; Edited by I.V. Vashkevich. Mn. : BGUIR, 2018. 236 p. ISBN: 978-985-543-407-9 EDN: VDBAMP
6. Gezalyan A.A. Social advertising as a tool for creating public opinion / A.A. Gezalyan, V.D. Chernysheva // Theory and practice of modern science. 2021. № 1(67). P. 103–111. EDN: CZITSC
7. Grinberg T.E. Political technologies: PR and advertising : textbook for university students. 2nd ed. M. : Aspect Press, 2012. 280 p. ISBN: 978-5-7567-0639-0 EDN: SCHIEZ
8. Karpov V.V. Political advertising in the activities of government agencies // Bulletin of SIBITa. 2012. № 3(3). P. 53–56. EDN: RBFDHL
9. Lapshina O.S. The concept and essence of social advertising / O.S. Lapshina, N.D. Glushkov // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. 2016. № 1–2(18). P. 94–98. EDN: YQPVYJ
10. Nikolaishvili G.G. Social advertising: some issues of theory and practice // Regionology. 2008. № 2. 264 p. EDN: JUANRP
11. Piskunova M.I. Social advertising as a phenomenon of public reflection // Advertising and PR. 2004. № 1. URL : <https://www.mediascope.ru/социальная-реклама-как-феномен-общественной-рефлексии> (date of application 08/26/2025). EDN: JWVGBP
12. Podgornaya L.D. Political advertising as a form of communication in modern society // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2006. 96 p. EDN: JVKQPX
13. Stolyarova L.G. Social advertising and its impact on youth // Bulletin of the Tula branch of the Financial University. 2020. № 1. 366 p. EDN: USXDEK

Информация об авторе

Терентьева Лада Михайловна

аспирантка кафедры коммуникационных технологий,
Московский государственный
лингвистический университет
ORCID iD: 0009-0006-0606-3645
terentyeva.ladaaaa@gmail.com

Lada M. Terentyeva

Postgraduate Student of the Department
of Communication Technologies,
Moscow State Linguistic University
ORCID iD: 0009-0006-0606-3645
terentyeva.ladaaaa@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.03.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.04.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-1>

УДК 347.965

Attribution

cc by

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Гапоненко О.Ю.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Следует отметить значимость и специальное предназначение главы муниципального образования для местного самоуправления на соответствующей территории. В настоящее время правовое регулирование правового положения главы муниципального образования осуществляется на уровне Конституции Российской Федерации, федерального, законодательства субъектов Российской Федерации, устава муниципального образования. Кроме того, как отмечается большим количеством ученых, статус главы муниципального образования во многом обусловлен социально-экономическими, политическими особенностями соответствующей территории. Следует отметить, что правовой статус главы муниципального образования находится в стадии своего формирования и становления, поскольку конституционная реформа 2020 года во многом пересмотрела концептуальные основы организации местного самоуправления в Российской Федерации, включив его в публичную систему власти. Кроме того, Президент Российской Федерации В.В. Путин уже неоднократно заявлял о необходимости подготовки нового проекта развития местного самоуправления в России до 2030 года [1]. В современных условиях глава муниципального образования может занимать свой пост по различным основаниям, что исключает полную универсальность его понимания, что обуславливает актуальность настоящего исследования. Основная цель данной публикации – выявление основных тенденций и направлений в развитии отдельных элементов правового статуса главы муниципального образования с учетом последних конституционных изменений и Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2]. Методология, методы и методики. При анализе правового статуса главы муниципального образования применялись сравнительно-правовые, качественные и количественные методы исследования: изучение научных источников по теме исследования, конституционных норм, основных нормативных правовых актов по рассматриваемой тематике, наблюдение и оценка правоприменительной практики по рассматриваемой проблематике. Результаты исследования. Исследованы актуальные вопросы правового статуса главы муниципального образования в свете последних конституционных изменений и принятых законодательных актов. Рассматриваются отдельные элементы правового статуса данного должностного лица с учетом положений Федерального закона от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Анализируются институты наделения полномочиями главы муниципального образования, основания и условия ответственности, место и роль в системе органов публичной власти. В заключении формулируются выводы и предложения по совершенствованию правового статуса главы муниципального образования.

Ключевые слова: глава муниципального образования, правовой статус, представительный орган местного самоуправления, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, ответственность, отрешение от должности.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LEGAL STATUS OF THE HEAD OF A MUNICIPAL FORMATION IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITIES

Olga Yu. Gaponenko

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The importance and special purpose of the head of a municipality for local self-government in the respective territory should be noted. Currently, the legal status of the head of a mu-

municipality is regulated by the Constitution of the Russian Federation, federal law, legislation of constituent entities of the Russian Federation, and the charter of the municipality. Furthermore, as noted by numerous scholars, the status of the head of a municipality is largely determined by the socio-economic and political characteristics of the respective territory. It should be noted that the legal status of the head of a municipality is in the process of formation and development, as the 2020 constitutional reform significantly revised the conceptual foundations of local self-government in the Russian Federation, incorporating it into the public system of government. Furthermore, Russian President V.V. Putin has repeatedly stated the need to prepare a new project for the development of local self-government in Russia through 2030 [1]. Under current conditions, the head of a municipality may hold office for various reasons, which precludes a completely universal understanding of this concept, thus underpinning the relevance of this study. The main objective of this publication is to identify the key trends and directions in the development of individual elements of the legal status of the head of a municipality, taking into account the latest constitutional amendments and Federal Law № 33-FZ of March 20, 2025, «On the General Principles of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority» [2]. Methodology, Methods, and Techniques. When analyzing the legal status of the head of a municipality, comparative legal, qualitative, and quantitative research methods were used: a study of scientific sources on the research topic, constitutional norms, and key regulatory legal acts on the topic under consideration, as well as observation and evaluation of law enforcement practices on the issue under consideration. Research Results. This article examines current issues related to the legal status of the head of a municipality in light of the latest constitutional amendments and adopted legislative acts. Individual elements of the legal status of this official are examined, taking into account the provisions of Federal Law № 33-FZ of March 20, 2025, «On the General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation.» The paper analyzes the institutions for vesting authority in the head of a municipality, the grounds and conditions for accountability, and the position and role of the head within the public authority system. The paper concludes with conclusions and proposals for improving the legal status of the head of a municipality.

Keywords: head of a municipality, legal status, representative body of local self-government, highest official of a constituent entity of the Russian Federation, accountability, removal from office.

Funding: Independent work.

Введение.

Безусловно, глава муниципального образования – значимая фигура в системе органов местного самоуправления, поскольку выполняет важные функции на этом уровне, что накладывает отпечаток на его правовое положение в системе местных органов власти.

Следует определиться с самим понятием «правовой статус», содержание которого раскрывается в литературе по-разному. Высказываются мнения об идентичности понятий «правовой статус» и «правовое положение», выделяя различные элементы статуса.

В отношении правового статуса личности высказывается точка зрения о необходимости включения в него принципов статуса личности, прав, свобод, обязанностей, гарантий и др.

Одновременно следует отметить, что центральным элементом, стержнем правового статуса остаются права и обязанности, которые и определяют основные характеристики того или иного правового статуса.

С точки зрения Н.Л. Граната, конституционно-правовой статус личности образуют таким элементом, как правосубъектность, гражданство, права и свободы, обязанности, конституционные принципы, юридическая ответственность [3, с. 56].

Если рассматривать содержание правового статуса главы муниципального образования, его можно рассматривать как совокупность определенных, наиболее существенных элементов, объединенных общим предназначением. К таким структурным элементам можно отнести:

- порядок занятия данной должности;
- объем прав и обязанностей;
- основания и условия ответственности;
- основы взаимодействия с другими органами публичной власти.

Глава муниципального образования – это первое лицо муниципального образования, которое выполняет очень важные функции и занимает значимое место в системе органов публичной власти [4].

Методология, материалы и методы.

Выбор методологической базы исследования обусловлен необходимостью комплексного и многоаспектного анализа правового статуса главы муниципального образования в Российской Федерации.

Применение формально-юридического метода позволило осуществить детальную интерпретацию положений Конституции Российской Феде-

рации и действующего законодательства, а также выявить внутреннюю логику нормативных положений, связанных с конституционно-правовым регулированием статуса главы муниципального образования в России.

В работе использовался также критический анализ доктринальных источников. Были обобщены современные научные публикации, а также монографические исследования ведущих отечественных и зарубежных авторов, посвященные теоретическим и правоприменительным проблемам реализации отдельных элементов правового статуса главы муниципального образования.

Логика исследования построена по принципу от общего к частному: от рассмотрения общих положений о правовом статусе к анализу отдельных элементов правового статуса главы муниципального образования в России, а затем к формулированию собственных выводов.

Результаты.

В теории и на практике роль главы муниципального образования может быть разной, в зависимости и от порядка его назначения на эту должность, и от объема полномочий, и даже от самой личности лица, которое занимает данную должность.

В любом случае, глава муниципального образования несет персональную ответственность за состояние дел в муниципальном образовании и его номинальное положение будет негативно сказываться на функционировании органов местной власти.

Произошедшие и происходящие изменения в законодательстве, укрепление связи между органами местной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации нивелируют статус главы муниципального образования, так как предоставляют высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации дополнительные полномочия в части формирования местных органов власти и ее территориальных основ, что накладывает отпечаток и на правовое положение главы муниципального образования (далее, глава).

Важной составляющей статуса главы является правовая возможность возглавить администрацию муниципального образования, которая является исполнительно-распорядительным органом, в полномочия которой входит решение большинства вопросов местного значения.

Основным элементом статуса выступают права и обязанности главы муниципального образования.

Перечисленные в статье 20 Федерального закона № 33 полномочия главы муниципального образования в основном носят представительский

характер. Отдельно путем системного толкования законодательства можно выделить также нормотворческие, управленческие, контрольные и другие его полномочия.

Новым Федеральным законом № 33 по-новому регламентирован порядок избрания лица на должность главы муниципального образования.

В настоящее время глава муниципального образования может занимать свою должность в классическом порядке путем выборов, путем избрания представительным органом из своего состава, а также из кандидатов, которые предложит высшее должностное лицо соответствующего региона либо специальная конкурсная комиссия [5, с.67].

В дополнение к этому, новый Федеральный закон № 33 подробно регламентирует процедурные вопросы избрания главы муниципального образования, что является важной гарантией легитимности правового статуса главы муниципального образования.

Обсуждение.

По мнению А.Н. Кокотова, многие новые положения Федерального закона № 33 позволяют утверждать о новом перераспределении полномочий между местными и региональными властями, в том числе и по такому важному вопросу, как определение порядка избрания на должность главы муниципального образования [6, с.78].

Предоставление властям субъекта Российской Федерации полномочий по представлению кандидатуры на эту должность, расширение оснований ответственности, в том числе и перед вышестоящими органами власти, перераспределение полномочий – все это свидетельствует о более тесном взаимодействии властей субъекта Российской Федерации и муниципальных образований. Следует отметить, что предпосылки для подобных явлений уже созданы, вшиты в Конституцию Российской Федерации, в соответствии с которой органы местной власти вошли в единую систему публичной власти.

В литературе высказываются мнения и о повышении рисков противодействия региональных и местных властей. Так, с точки зрения С.Г. Соловьева, предпринята попытка встроить главу муниципального образования в единую вертикаль власти, что может привести к противоречиям между конкретными должностными лицами различных уровней власти [7, с.34]. Также вызывает вопросы и об избрании представительным органом из числа кандидатов, предложенных конкурсной комиссией.

Немаловажное значение имеет представительный орган муниципального образования, которому предоставлен широкий набор полномочий при взаимодействии с главой муниципального образования.

Данный орган имеет собственные полномочия, которые имеют принципиально важное значение для жизнедеятельности муниципального образования. Согласно статье 16 Федерального закона № 33, к исключительным полномочиям представительного органа муниципального образования отнесены вопросы принятия устава, утверждения местного бюджета, введения местных налогов и т.п.

Одновременно возникает вопрос о степени участия главы муниципального образования в решении данных вопросов и о наличии собственной компетенции у главы муниципального образования.

Хотелось бы отметить, что глава муниципального образования достаточно тесно взаимодействует с представительным органом местного самоуправления, что выражается в праве внесения проектов нормативных правовых актов в представительный орган муниципального образования, принятия участия в заседаниях при рассмотрении самых важных вопросов муниципального образования, отчетности и подконтрольности главы муниципального образования представительному органу местного самоуправления. Кроме того, глава муниципального образования уполномочен на подписание муниципальных нормативных актов.

В дополнение к этому, полномочия главы муниципального образования согласно статье 61 ФЗ № 33, в случае совмещения работы с главой местной администрации, руководствуясь федеральным законодательством, региональными нормативными правовыми актами, уставом муниципального образования, местными актами, он наделяется правом издания постановлений местной администрации по вопросам местного значения, а также по государственным полномочиям, переданным на муниципальный уровень, а также в части регламентации организации и деятельности самой местной администрации. Такое положение позволяет утверждать о наделении главы муниципального образования полномочиями по руководству текущими вопросами муниципального образования.

К примеру, в соответствии с уставом в городе Краснодаре, глава муниципального образования совмещает свой пост с должностью главы администрации [8]. Соответственно, на него возлагаются полномочия по исполнению делегированных государственных полномочий, исполнение обязанностей главного распорядителя бюджетных средств, решение кадровых вопросов в местной администрации, контрольные полномочия, формирование муниципально-частного партнерства и др.

Важное место занимает вопрос об отчетности главы муниципального образования перед представительным органом муниципального образования, что создает определенные перевес в пользу представительного органа муниципального образования, который в определенных слу-

чаях может поставить вопрос об отставке главы муниципального образования.

В уставе муниципального образования г. Краснодара указывается на то, что глава муниципального образования должен отчитаться о результатах своей деятельности перед представительным органом муниципального образования за прошедший год в срок не позднее четырех месяцев до окончания календарного года.

При этом Городская Дума может утвердить данный отчет или отклонить его, если результаты деятельности главы носят отрицательный характер.

Данный отчет predается гласности, размещается на официальном сайте администрации города Краснодара и представительного органа местной власти не позднее чем через пять дней после его рассмотрения городской Думой.

Заключение.

Таким образом, перечень полномочий главы муниципального образования, содержащихся в Федеральном законе № 33, носит скорее общий, чем конкретный характер, и на местном уровне могут возникать проблемы при определении перечня прав и обязанностей данного должностного лица муниципального образования.

Еще один важный элемент правового статуса – ответственность главы муниципального образования.

Следует отметить, что ответственность главы муниципального образования по новому федеральному закону приобрела дифференцированный характер.

Безусловно, к видам ответственности относятся и административная, и дисциплинарная, и уголовная, и гражданско-правовая ответственность. Кроме того, глава муниципального образования может нести специальные виды ответственности, предусмотренные новым федеральным законодательством. Например, быть отстраненным от должности [9, с. 74].

Одновременно, действующим законодательством устанавливаются дополнительные основания ответственности главы муниципального образования.

Уставом муниципального образования города Краснодара предусмотрено, что глава муниципального образования несет персональную ответственность за нарушение положений Федерального закона от 26.02.97 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», в части исполнения обязанностей по мобилизации и мобилизационной подготовке.

Отдельного внимания заслуживают основания для досрочного прекращения полномочий главы

муниципального образования, к которым относятся случаи:

- отрешения от должности;
- удаления в отставку;
- утраты доверия со стороны Президента Российской Федерации;
- реорганизации муниципального образования.

Также установлена ответственность главы муниципального образования за нарушение сроков принятия нормативного правового акта по результатам голосования населения по вопросам местного значения.

Статья 21 Федерального закона № 33-ФЗ перечисляет данные основания и порядок досрочного прекращения полномочий главы.

Глава муниципального образования несет ответственность и перед высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации.

В этой части применению подлежит Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [10], в соответствии с которым высшее должностное лицо региона наделяется широким набором полномочий, начиная от возможности вынесения выговора до удаления или отрешения от должности главы муниципального образования.

Кроме того, в определенных случаях, глава муниципального образования может быть отрешен от должности по согласованию с представительным органом власти и регионального совета муниципального образования при наличии соответствующих оснований для наступления данного вида ответственности.

Особого внимания заслуживает такая мера ответственности, как удаление главы муниципального образования в отставку, которую может осуществить представительный орган местного самоуправления в случае ненадлежащего исполнения возложенных на главу обязанностей.

Безусловно с инициативой удаления в отставку главы может выступить и высшее должностное лицо региона.

Процедура удаления главы достаточно подробно регламентирована в ФЗ № 33, содержит подробный последовательный алгоритм действий.

Отрешение от должности возможно путем издания соответствующего акта высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации.

Такой перекрестный механизм ответственности главы муниципального образования должен способствовать более эффективной работе главы муниципального образования. Однако однозначно это утверждать нельзя, поскольку может

поставить главу муниципального образования в зависимое положение перед другими местными и государственными органами власти, что значительно суживает его самостоятельность и независимость. Как нам представляется, в данной интерпретации его статус очень схож со статусом сити-менеджера, положение которого напрямую зависит от усмотрения действующих органов власти.

Однако, учитывая конституционно-правовую природу данной должности, следует признать, что наиболее серьезные обвинения в адрес главы муниципального образования должны подтверждаться судом.

Таким образом, следует отметить, что статус главы муниципального образования формируется действующим законодательством комплексно, с учетом его места в системе органов местной власти. Однако с учетом закрепленной за ним компетенцией и широким набором оснований для ответственности главе муниципального образования приходится отстаивать свои интересы и интересы муниципального образования перед вышестоящими органами государственной власти.

Обладание самостоятельностью при принятии решений по вопросам местного значения — очень важная составляющая деятельности муниципального образования.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что требуется выработка новых концептуальных положений, определяющих место и роль главы муниципального образования в системе публичных органов власти.

Закрепленные законодательством элементы правового статуса главы муниципального образования безусловно создали правовую основу для функционирования данного института. Однако многие вопросы остаются в правовом поле местных органов власти, что может создавать определенные трудности и даже противоречия между региональными властями и главой муниципального образования.

Безусловно, принятие Федерального закона № 33 отражает современные тенденции общественного и государственного развития страны. Однако, по нашему мнению, отдельные элементы правового статуса главы муниципального образования требуют своего уточнения и развития. В частности, существующие основания и виды ответственности главы муниципального образования в виде досрочного прекращения им своих полномочий требуют детализации и уточнения. В частности, при установлении нарушений исполнения своих обязанностей со стороны главы в отдельных случаях необходимо установить дополнительные гарантии данному должностному лицу: предусмотреть согласительные, судебные и другие процедуры подтверждения фактов подобных нарушений и решение вопроса о виде и мерах ответственности.

Кроме того, вопросы взаимодействия различных органов местной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации также требуют своей синхронизации для согласованной выработки позиции по вопросам развития муниципальных образований.

Все вышеизложенное позволит в полной мере реализовать весь потенциал местных органов власти и достичь поставленных конституционных целей в сфере осуществления местного самоуправления.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. URL : <https://er.ru/activity/news/putin-poruchil-obnovit-osnovy-gospolitiki>
2. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.
3. Грант Ю.К. Статус личности: понятие, структура и основные виды: монография. М. : Проспект, 2021. 240 с.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL : <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 06.10.2022).
5. Курдюк П.М. О проблеме избрания главы муниципального образования «конкурсным» способом / П.М. Курдюк, В.А. Очаковский, Г.С. Лихопатов // Общество и право. 2018. № 2(64). 67 с. EDN: UWNHUY
6. Муниципальное право России : учебник для вузов / А.Н. Кокотов [и др.]; Под ред. А.Н. Кокотова. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2024. 406 с. ISBN: 978-5-534-16384-1 EDN: FYNSJO
7. Соловьев С.Г. К вопросу о квазивыборной конструкции конкурсной модели избрания Главы муниципального образования // Современное право. 2019. № 6. 34 с. DOI: 10.25799/NI.2019.17.82.014 EDN: VEFTGH
8. Устав муниципального образования город Краснодар: принят городской Думой Краснодара 19 июля 2003 г. URL : <https://docs.cntd.ru/document/446129227>
9. Носонова Е.В. Правовой статус главы муниципального образования в Российской Федерации // Международная научная журнал «Вестник науки». 2021. № 12(45). Т. 3. 74 с. EDN: BZDHTP
10. Федеральный закон от 21 декабря 2021 года №414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СР Российской Федерации. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

References:

1. URL : <https://er.ru/activity/news/putin-poruchil-obnovit-osnovy-gospolitiki>
2. Federal Law № 33-FZ of 03/20/2025 (as amended on 04/09/2026) «On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority»// SZ RF. 2025. № 12. Art. 1200.
3. Grant Yu.K. Personality status: concept, structure and main types : monograph. M. : Prospekt, 2021. 240 p.
4. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/1993 (with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation, including the new subjects of the Russian Federation – Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia region and Kherson region, published on the Official Internet portal of legal information. URL : <http://pravo.gov.ru> (date of application 06.10.2022).
5. Kurdyuk P.M. On the problem of electing the head of a municipal entity in a «competitive» way / P.M. Kurdyuk, V.A. Ochakovsky, G.S. Likhopатов // Society and Law. 2018. № 2(64). 67 p. EDN: UWNHUY
6. Municipal law of Russia: textbook for universities / A.N. Kokotov [et al.]; Edited by A.N. Kokotov. 8th ed., revised and add. M. : Yurait Publishing House, 2024. 406 p. ISBN: 978-5-534-16384-1 EDN: FYNSJO
7. Solovyov S.G. On the issue of the quasi-electoral design of the competitive model for electing the Head of a municipal entity // Modern law. 2019. № 6. 34 p. DOI: 10.25799/NI.2019.17.82.014 EDN: VEFTGH
8. The Charter of the Krasnodar city municipality: adopted by the Krasnodar City Duma on July 19, 2003. URL : <https://docs.cntd.ru/document/446129227>
9. Nosonova E.V. The legal status of the head of a municipality in the Russian Federation // International scientific journal «Bulletin of Science». 2021. № 12(45). Vol. 3. 74 p. EDN: BZDHTP

10. Federal Law № 414-FZ of December 21, 2021 «On the General Principles of the organization of Public Authority in the Subjects of the Russian Federation» // CP of the Russian Federation. 2021. № 52 (Part I). Art. 8973.

Информация об авторе

Гапоненко Ольга Юрьевна

старший преподаватель кафедры конституционного,
административного и гражданского права,
Краснодарский университет МВД России
koty4@mail.ru

Olga Yu. Gaponenko

Senior Lecturer at the Department
of Constitutional, Administrative and Civil Law,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
koty4@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.04.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.05.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-2>

УДК 004.8+340.11.

Attribution

cc by

ПОТЕРЯ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ И ПРАВОВАЯ СТОРОНА ПРОБЛЕМЫ

Захарова В.А., Грищенко З.Д.

*Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева, Крымский филиал*

Аннотация. Целью статьи является изучение проблематики стремительного развития искусственного интеллекта в современном обществе. Теория мертвого Интернета становится реальностью настоящего времени, что приводит к потере личности в рамках цифрового пространства. В работе делается заключение, что на сегодняшний день человечество не справляется с ошибками, допущенными со стороны искусственного интеллекта в полном объеме, что в итоге приводит к человеческим жертвам. То есть, полагаясь на технологии искусственного интеллекта, человек рискует погибнуть как физически, так и ментально, поэтому его включение в систему правоотношений в обществе требует тщательного осмысления. Результаты исследования и их обсуждение. Проведена философско-правовая рефлексия мировой практики применения искусственного интеллекта в различных сферах общественной жизни, что способствовало выявлению нескольких проблемных аспектов, остро стоящих на данный момент в пространстве взаимодействия человека, технологий и механизма правового регулирования этих взаимоотношений. Заключение. Внедрение в жизнь искусственного интеллекта в качестве отдельного субъекта правоотношений представляется достаточно спорным шагом и связано с рядом серьезных рисков экзистенциального и правового характера.

Ключевые слова: Интернет, искусственный интеллект, личность, правовое регулирование, право быть забытым, субъект, человек.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE LOSS OF IDENTITY IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE EXISTENTIAL AND LEGAL ASPECTS OF THE PROBLEM

Vera A. Zakharova, Zlata D. Grishchenko

Russian State University of Justice named After V.M. Lebedev, Crimean branch

Abstract. The purpose of this article is to examine the rapid development of artificial intelligence in modern society. The theory of a dead internet is becoming a reality, leading to the loss of identity within the digital space. The paper concludes that humanity is currently unable to fully address the errors made by artificial intelligence, which ultimately leads to human casualties. Thus, relying on artificial intelligence technologies risks both physical and mental destruction. Therefore, its inclusion in the system of legal relations in society requires careful consideration, involving specialists in both technical and humanities fields, and a mandatory socio-philosophical reflection on the ideological foundations of such a move. Research Results and Discussion. A philosophical and legal analysis of the global practice of applying artificial intelligence in various spheres of public life was conducted, which helped identify several problematic aspects that are currently acute in the interaction between humans, technology, and the legal regulation of these relationships. Conclusion. The introduction of artificial intelligence as a separate entity in legal relations is a controversial move and is associated with a number of serious existential and legal risks.

Keywords: Internet, artificial intelligence, personality, legal regulation, right to be forgotten, entity, human.

Funding: Independent work.

Введение.

Представление о том, что из себя представляет личность, можно рассматривать с разных точек зрения.

Социокультурный подход к пониманию личности связывает её формирование с погружением ее в определенную культурную среду, социокультурный контекст, поскольку личность не может существовать без накопленного опыта, самоосознавая себя через данный опыт.

Социально-психологический подход приобретения такого опыта и становление посредством него личности предстаёт как сложный развернутый во времени процесс опосредованного познания себя, в ходе которого человек учится осознавать себя как субъекта, отличного и иногда противопоставленного другим, либо в каком-то формате с ними соотносящегося. Здесь также учитывается фактор понимания себя, как чего-то или кого-то самостоятельного, способного действовать от других независимо и не терять своего самоопределения, но при этом находиться в обществе.

С подобной трактовкой тесно связано и объяснение такого феномена, как субъектность, то есть способность выступать активным преобразователем действительности, в частности, социального мира, и тогда можно говорить о социальной субъектности личности.

Вопрос о том, может ли искусственный интеллект выступать с позиций социального субъекта, реализуя селективность вариантов социальных действий и обеспечивая воспроизводство социальных практик, характеризуется как экзистенциальным, так и правовым ракурсами рассмотрения.

Главной экзистенциальной проблемой, в этом аспекте, становится проблема уникальности человеческой личности и рисков её подмены огромным комплексом возможных алгоритмов социальных действий, а также проблема исчезновения личности как таковой.

В определенном смысле, данную проблему можно считать продолжением дискуссии о смерти субъекта, распространенной в неклассической философии и связанной с определением субъекта как некоего конструкта, за которым, кроме составляющих элементов, нет сущностного центра, метафизической субстанции.

Правовая же сторона проблемы связана с обширным охватом всех сторон социальной жизни современного человека механизмами правового регулирования. Общественная значимость внедрения технологий искусственного интеллекта определяет и очевидную актуальность правовой регламентации данного процесса, то есть включает искусственный интеллект в систему правоотношений в обществе. В то же время, сами правоотношения становятся объектом воздей-

ствия технологий искусственного интеллекта с целью упрощения их регулирования.

Может ли данный процесс вытеснить личность как таковую, отгородив человека от возможности влиять на траектории правоотношений и их результаты? В данном вопросе экзистенциальная и правовая стороны проблемы пересекаются, создавая предмет для социально-философской и правовой рефлексии вопроса о потере личности в эпоху цифровизации и повсеместного внедрения искусственного интеллекта, а также о способности права противостоять упомянутым угрозам.

Обсуждение.

Согласно теории самодетерминации, важным аспектом участия человека в какой-либо деятельности является наличие чувства контроля над своими действиями, или автономия воли. Мотивация практической деятельности формируется исходя из ряда принципов поиска внутренней свободы и путей её реализации, обусловленного необходимостью удовлетворения базовых психологических потребностей. Отсюда можем сделать вывод о том, что для человека одной из потребностей, определяющих сущностное наполнение жизни, является чувство обладания контролем над собой.

Конституция Российской Федерации упоминает термин «личность» в ч. 1 ст. 21, где говорится о том, что достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления [3]. В данном случае, речь идет о «личных» правах и свободах граждан. Также несмотря на то, что законодатель, как правило, употребляет термин «личность» в значении «человек» и никак не разграничивает данные понятия, мы можем на подсознательном уровне уловить факт принадлежности права определенному субъекту. В случае с употреблением слов «человек» и «личность» в законодательстве, мы смотрим на то, что человек обладает правами и является субъектом правоотношений, но никак не объектом.

XXI век славится стремительным развитием искусственного интеллекта и быстрым внедрением его во многие сферы общественной жизни: беспилотные автомобили, перевод текста, исправление орфографических ошибок, принятие решений по правовым вопросам, и др.

При рассмотрении вопроса внедрения искусственного интеллекта в нашу жизнь следует упомянуть классификацию Стюарта Рассела и Питера Норвига 2006 г. [2, с. 35]:

1. Системы, мыслящие по-человечески.
2. Системы, действующие по-человечески.
3. Системы, мыслящие рационально.
4. Системы, действующие рационально.

Исходя из вышеуказанных критериев, мы можем сделать вывод о том, что мышление и действия человека могут как соответствовать, так и противоречить рациональному подходу на практике. Например, при использовании закона тождества формальной логики легко можно прийти к неправильному суждению: «Ученики прослушали учителя» – фраза была сказана одна, но значений у фразы два. Согласно закону тождества, мысль должна быть ясной, определённой, однозначной и недвусмысленной.

Также можно привести в пример загадку с подвохом: «этим заканчивается и день, и ночь». В данном случае, закон нарушается тем, что берется время суток и некое слово. Слово ≠ не время суток, а время суток ≠ не слово – два нетождественных объекта незаметно отождествляются и возникает видимость головоломной задачи.

Вопрос заключается в том, способен ли искусственный интеллект быть улучшен до такой степени человеком, что ошибки допущены не будут? И следующий вопрос, который возникает из первого: Необходимо ли создавать такое мышление, которое будет работать на основе «правильных» законов логики и не будет никогда допускать ошибок?

В таком случае, за пределами «правильности» оказывается неклассическое мышление и порожденные им теории, направления в искусстве и в принципе «ошибочная» точка зрения, хотя в зависимости от контекста она может повлиять на социальную жизнь и конкретные социальные практики конструктивно (можно вспомнить цивилизационные теории развития общества, в частности, подход А. Тойнби, когда жизнеспособность цивилизации может быть спасена за счет нетривиального, оригинального уникального «ответа на вызов» как угрозы её существованию).

Человеческое мышление способно на многое, и мы видим это каждый день, когда пользуемся различными бытовыми приборами или теми вещами, которые являются незаменимой частью нашей жизни, например, Интернет.

Возможно ли в таком случае разработать искусственно выведенный тип сознания, который сможет таким же образом эволюционировать и изменяться?

Некоторые открытия совершались учёными случайно в результате совершения «ошибок». Например, пенициллин открыли в тот момент, когда Александр Флеминг забыл вымыть чашки Петри перед отъездом в отпуск от стафилококков. Через несколько дней в них появилась плесень, вокруг которой все бактерии исчезли. Является ли это действие «ошибкой» в том понимании, в котором мы используем это слово? Сможет ли искусственный интеллект в нужный момент понять, что совершаемая им ошибка не является таковой на самом деле, сможет ли он в

целом совершать такие «ошибки», используя модель рационального способа мыслить и действовать?

Результаты.

В настоящее время в Российской Федерации на законодательном уровне, посредством Федерального закона от 24.04.2020 N 123-ФЗ, закреплено официальное определение искусственного интеллекта – «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [6].

Россия является не единственным страной в мире, которая обращается к применению искусственного интеллекта в рамках внешней и внутренних политики государства. Такая тенденция распространяется повсеместно, более того, на сегодняшний день является показателем прогрессивности страны и составляющей её политического и военного веса на мировой арене.

В то же время, данная тенденция имеет и многочисленные минусы. Военная мощь и технические возможности, зависящие от системы, способной принимать решения и выбирать варианты действия без участия человека, могут обернуться ожившими сценариями из фантастических кинофильмов о робо-апокалипсисе на Земле. В менее эсхатологическом ракурсе упомянутые риски могут быть связаны с неоправданными с точки зрения гуманности, однако, «рационализированными» искусственным интеллектом жертвами. Еще один ракурс проблемы – возможность ухода из-под контроля человека созданным с его участием приложениями, дающих гипер-возможности относительно коммуникации между людьми. Превосходящие мыслимые ранее границы.

Теория мёртвого Интернета (Dead Internet Theory) с 2021 г. активно изучается многими пользователями сети. Концепция заключается в том, что Интернет сейчас состоит из активности ботов (ненастоящих людей) и генеративного ИИ-контента, что минимизирует контроль со стороны человека, так как информация создаётся не живыми людьми, а искусственным интеллектом. Проблемой является факт нахождения человека в определённом информационном пузыре, который создается намеренно и в котором не содержится реальный и «живой» контент – люди массово начинают испытывать тревоги и одиночество, а также разочарование от состояния современного Интернета.

В ноябре 2026 г. компания 2Wai выпустит ИИ-приложение, в котором можно будет говорить с мёртвыми. Для общения пользователям необходимо будет отсканировать внешность, голос и интересы человека, чтобы создать его «аватар». После этого, ему можно будет позвонить или

написать – нейросеть будет запоминать ваши разговоры. Благодаря накопленному эмпирическому материалу и специальным технологиям, нейросеть будет обеспечивать необходимую «спонтанность» беседы, её ответвлений, эмоциональных реакций собеседника, что должно создать полное ощущение общения с реальным человеком, более того, с личностью – ИИ претендует на подмену всех тех качеств, которые доселе считались сущностными и содержательными характеристиками личности, в том числе сюда входит и её социальная субъектность.

Таким образом, проблема симуляции социальной реальности, о которой говорил почти полвека назад Жан Бодрийяр, приобретает невиданные масштабы, угрожая постепенно «сместить» личность с позиций единственного «оператора» социальной реальности, который посредством социальной субъектности способен задавать и менять траектории социального развития, адаптироваться к новым условиям социального бытия, открывать в нем новые грани и уровни и в принципе контролировать собственное положение внутри неё.

После релиза программы, дающей возможность общения с умершим человеком, в феврале 2026 г. Марк Цукерберг запатентовал свою нейросеть. В настоящее время известно, что ИИ от Цукерберга сможет управлять аккаунтом умершего человека, продолжая постить, лайкать и общаться от его имени. Технология также способна совершать видеозвонки друзьям и родственникам покойного, имитируя его поведение в сети при жизни на основе его прошлых данных. Копии должны будут создаваться исключительно с согласия пользователя и его семьи.

Мнения пользователей Интернета разделились – кто-то считает, что данный проект имеет право на существование, а некоторые, что это неправильно. Неизвестно, насколько «точно» будет передаваться поведения человека, а также вопрос о том, что личность в течение всей жизни может изменяться, остаётся открытым.

Человека нельзя «создать» искусственно; то, что предлагается упомянутыми компаниями – попытка подменить личность той информацией, которая осталась о нём после смерти в открытом доступе для всех и в закрытом для немногих. Остается в стороне способность человека менять свою мировоззренческую позицию, иногда на диаметрально противоположную, переживать потрясения и кризисы, увлекаться, полюбить что-то совершенно новое. Также стоит учесть, что многим людям тяжело даётся принятие факта утраты близкого и любимого человека.

В качестве одного из мотивов создания данного приложения декларируется психологическая помощь при утрате и ослабление негативных последствий от неё. Способна ли данная нейросеть утешить людей и не усугубит ли это психическое и психологическое состояние человека?

Ментальное здоровье людей при нынешней политической и экономической ситуации нестабильно и в данном случае это может привести к тому, что человек замкнётся, не будет признавать факт смерти близкого, выстраивая своё личное и социальное бытие на основе симуляции, а не реальных отношений. А поскольку эмоциональное и психологическое состояние, в которое человек может прийти под воздействием такого общения, способно порождать конкретные действия, можно говорить и о конкретных правовых последствиях такой коммуникации, то есть при отсутствии реального субъекта искусственный интеллект и его продукты могут замещать роль субъекта правоотношений, принимая участие в построении правовой реальности и её изменении.

Стоит также учитывать вопрос нахождения такого «мёртвого» пользователя в интернет-пространстве. Факты его действий не могут подпадать под действие лица, которое умерло, потому что этот пользователь не является им.

Право быть забытым, также известное как «right to be forgotten», впервые на уровне международного права вошло в обиход в 2014 году, но это не означает, что данное право не существовало ранее.

Право быть забытым всегда относилось к какой-либо информации, при этом изначально словосочетание применялось исключительно по отношению к судимости преступников после их выхода из тюрьмы. Оно являлось одной из форм социальной реинтеграции – постепенного возвращения преступника в общество и последующего оказания ему поддержки.

Такое право должно было обеспечивать «забывание» со стороны общества каких-либо неправомерных действий правонарушителя, что обеспечивало бы использование человеком в полной мере такие права, как право на труд, право на защиту чести, достоинства и деловой репутации, право на уважение частной жизни и др.

К сожалению, мы не можем говорить о такой социальной реабилитации в тех случаях, когда на теле человека присутствует тюремная татуировка. По мнению некоторых учёных, изучающих проблематику развития права на забвение, «людям должна быть предоставлена возможность прощать или игнорировать прошлые ошибки, а не «забывать» тех, кто их совершил» [4, с. 15].

В контексте разработки для общения с мёртвыми людьми нейросети, которая сможет вести социальную активность в Интернете, фактор «забывания» информации и прощения такого пользователя становится невозможным и пугающим. Учитывая, факт развития института права быть забытым в обществе, но при этом частого применения в законодательстве многих стран, непонятно каким образом получится улучшить данный институт дальше – права и обязанности распространяются только на живых людей.

Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) право на уважение частной жизни прямо не предусмотрено, но, несмотря на это, содержание данного права можно увидеть в статьях 150, 152–152.2 [1]. Например, согласно п. 1 ст. 152 ГК РФ, гражданин вправе требовать опровержение сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, если такие сведения не соответствующие. В таком случае закон затрагивает нематериальные блага граждан, которые являются неотделимыми от личности и неотчуждаемыми. Такие права даны человеку с рождения, но в тех случаях, когда мы говорим о праве быть забытым в современном представлении, мы рассматриваем право, приобретённое в связи с наступлением какого-то определённого действия или события в сети «Интернет» (пока человек не будет иметь доступа к информационной системе, применение такого права невозможно).

Так, к примеру, в решении суда по делу Google Spain против Марио Костеха Гонсалеса ещё 10 лет назад «право на забвение» рассматривалось либо как полное стирание и блокировка данных, либо как исключение информации из результатов поиска [8].

Помимо проблемы ментального здоровья людей стоит также учесть и физический вред, который может быть причинён искусственным интеллектом. 28 февраля 2026 г. по начальной школе «Шаджаре Тайебе» в городе Минаб на юге Ирана был нанесён удар во время атак США. Целью атак была расположенная неподалёку иранская военная база. В результате удара погибло более 175 человек (в основном, ученики школы) [7]. При этом некоторые зарубежные источники утверждают, что иранская школа могла быть принята ошибочно за военный объект.

Глава Centcom, адмирал Брэд Купер, заявил в среду, что Соединённые Штаты «используют различные передовые инструменты искусствен-

ного интеллекта» для проведения ударов. «Эти системы помогают нам просеивать огромные объёмы данных за секунды, чтобы наши лидеры могли прорезать шум и принимать более умные решения быстрее, чем враг успевает отреагировать. Люди всегда принимают окончательные решения о том, что стрелять, а что нет, и когда стрелять», – сказал Купер. «Но передовые инструменты искусственного интеллекта могут превратить процессы, которые раньше занимали часы, а иногда даже дни, в секунды» [5].

Закключение.

Таким образом можно сделать вывод о том, что искусственный интеллект способен совершать такие ошибки, которые стоят сотен жизней невинных людей.

Искусственный интеллект в современном обществе является значимым и достаточно важным компонентом жизни, как в индивидуальном, так и социальном преломлении. Он упрощает нам жизнь и помогает решить сложные задачи, на которые у нас нет времени. Но искусственный интеллект не является идеальным на сегодняшний день – он способен наносить непоправимый психологический и физический вред живым настоящим людям. Его внедрение в жизнь в качестве отдельного субъекта правоотношения смотрится достаточно спорно и вызывает пока мало доверия.

Человечеству необходимо предпринимать все меры для того, чтобы не совершить ошибок, о которых мы будем жалеть через несколько лет. И если не будет оптимально решена правовая сторона проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в социальное бытие и «замещения» личности как социального субъекта, то её экзистенциальная сторона может обернуться чередой глобальных рисков исчезновения личности как таковой с её творческим потенциалом, самостью и социальной субъектностью.

Конфликт интересов
Не указан
Рецензия
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации, 5 декабря 1994 года. № 32. Ст. 108–112.
2. Искусственный интеллект: современный подход. 2-е изд. / Пер. с англ. М. : Издательский дом «Вильямс», 2006. 1408 с. URL : djvu.online [сайт]. URL : <https://djvu.online/file/yYvRRPzYzppds?ysclid=mn0s4frje1869260022> (дата обращения 21.03.2026).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г. № 237.
4. Оганесян Т.Д. Право быть забытым : монография. М. : Юрлитинформ, 2022. 208 с.

Conflict of Interest
None declared
Review
All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

5. Удар США по школе в Иране мог произойти из-за злоупотребления ИИ, пишет WP // РИА Новости [сайт]. URL : <https://ria.ru/20260312/ssha-2080105196.html?ysclid=mn0vxxn3ga636436206> (дата обращения 21.03.2026).
6. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных» // «Собрание законодательства РФ», 27.04.2020. № 17. Ст. 2701.
7. Iranian school was on U.S. target list, may have been mistaken as military site // The Washington Post. URL : <https://www.washingtonpost.com/national-security/2026/03/11/us-strike-iran-elementary-school-ai-target-list> (date of application 22.03.2026).
8. JUDGMENT OF THE COURT (Grand Chamber). Google Spain SL, Google Inc. V Agencia Española de Protección de Datos (AEPD), Mario Costeja González // CURIA. URL : <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=152065&doclang=en> (date of application 01.02.2024).

References:

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994. № 51-FZ (as amended on July 24, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation, December 5, 1994. № 32. Art. 108–112.
2. Artificial Intelligence: A Modern Approach, 2nd ed. / Transl. from English. M. : Williams Publishing House, 2006. 1408 p. Parallel title English. URL : [djvu.online \[website\]. URL : https://djvu.online/file/yYvRRPzYzppds?ysclid=mn0s4frje1869260022](https://djvu.online/file/yYvRRPzYzppds?ysclid=mn0s4frje1869260022) (date of application March 21, 2026).
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta, December 25, 1993. № 237.
4. Oganessian T.D. The Right to Be Forgotten : monograph. M. : Yurlitinform, 2022. 208 p.
5. The US strike on a school in Iran could have occurred due to the misuse of AI, writes WP // RIA Novosti [website]. URL : <https://ria.ru/20260312/ssha-2080105196.html?ysclid=mn0vxxn3ga636436206> (date of application 21.03.2026).
6. Federal Law of April 24, 2020 № 123-FZ (as amended on August 8, 2024) «On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the constituent entity of the Russian Federation – the federal city of Moscow, on the specifics of processing personal data when forming regional data sets and providing access to regional data sets» // «Collection of Legislation of the Russian Federation», April 27, 2020. № 17. Art. 2701.
7. Iranian school was on U.S. target list, may have been mistaken as military site // The Washington Post. URL : <https://www.washingtonpost.com/national-security/2026/03/11/us-strike-iran-elementary-school-ai-target-list> (date of application 22.03.2026).
8. JUDGMENT OF THE COURT (Grand Chamber). Google Spain SL, Google Inc. V Agencia Española de Protección de Datos (AEPD), Mario Costeja González // CURIA. URL : <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=152065&doclang=en> (date of application 01.02.2024).

Информация об авторах

Захарова Вера Александровна

кандидат философских наук,
доцент,
Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Крымский филиал, г. Симферополь
zakharova7vera@mail.ru

Грищенко Злата Дмитриевна

студентка 4-го курса бакалавриата
факультета подготовки специалистов
для судебной системы,
Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Крымский филиал, г. Симферополь
Amonzaka27@gmail.com

Vera A. Zakharova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev, Crimean branch,
Simferopol
zakharova7vera@mail.ru

Zlata D. Grishchenko

4th year Undergraduate Student
Faculty of Training Specialists
for the Judicial System,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
Crimean branch, Simferopol
Amonzaka27@gmail.com

Вклад авторов:

Захарова Вера Александровна, написание текста утверждение рукописи для публикации; проверка критически важного содержания.

© Захарова В.А., Грищенко З.Д.

Грищенко Злата Дмитриевна, написание текста, подбор источников литературы.

Vera A. Zakharova, writing the text, approving the manuscript for publication; checking the critical content.

Zlata D. Grishchenko, writing the text, selection of literature sources.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.05.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.05.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-3>

УДК 347.45

Attribution

cc by

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКОВ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Калинина А.Р., Сухарева Е.В., Букалерева Л.А.

Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация. В статье исследуется нормативно-правовое регулирование рынков электроэнергии в Российской Федерации с целью выявления его структуры, особенностей и ключевых недостатков. Методологическую основу исследования составляют системный анализ, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также элементы функционального подхода к оценке воздействия правовых норм на рыночные процессы. В работе рассматриваются уровни нормативного регулирования, сегменты оптового и розничных рынков электроэнергии, а также функции правового воздействия на участников рынка. В результате разработан авторский подход к комплексной систематизации нормативного регулирования, основанный на анализе взаимосвязи правовых норм, рыночных сегментов и факторов влияния. Выявлена зона несогласованности, отражающая противоречия между элементами системы регулирования и фактическим функционированием рынка. Полученные результаты позволяют обосновать направления совершенствования правового регулирования электроэнергетики.

Ключевые слова: нормативно-правовое регулирование, рынок электроэнергии, гражданско-правовые отношения, энергетическое право.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LEGAL REGULATION OF ELECTRICITY MARKETS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Amina R. Kalinina, Evgeniya V. Sukhareva, Lyudmila A. Bukaleroval

National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

Abstract. The article examines the legal regulation of electricity markets in the Russian Federation with the aim of identifying its structure, specific features, and key shortcomings. The methodological framework of the study is based on system analysis, formal legal and comparative legal methods, as well as elements of a functional approach to assessing the impact of legal norms on market processes. The paper considers the levels of regulatory framework, segments of wholesale and retail electricity markets, and the functions of legal influence on market participants. As a result, an original approach to the comprehensive systematization of legal regulation has been developed, based on the analysis of interrelations between legal norms, market segments, and influencing factors. A zone of inconsistency has been identified, reflecting contradictions between different levels of regulation and the actual functioning of the market. The obtained results make it possible to substantiate directions for improving the legal regulation of the electricity sector.

Keywords: legal regulation, electricity market, civil law relations, energy law.

Funding: Independent work.

Введение.

Электроэнергетика рассматривается как одна из ключевых инфраструктурных отраслей экономики Российской Федерации, обеспечивающая функционирование промышленности, транспорта, социальной сферы и бытового сектора. От устойчивости и эффективности работы энергетической системы напрямую зависит уровень экономического развития страны, ее инвестици-

онная привлекательность, а также качество жизни населения.

Реформирование электроэнергетики в России сопровождалось переходом от централизованной системы управления к рыночному механизмам, что потребовало переосмысления правовых основ функционирования отрасли. В этих условиях возникла необходимость не только

© Калинина А.Р., Сухарева Е.В., Букалерева Л.А.

закрепить порядок взаимодействия участников рынка, но и сформировать правила, регулирующие процессы ценообразования и обеспечивающие надежность энергоснабжения.

На сегодняшний день система нормативного регулирования достаточно объемная, но при этом неоднородная. Разные элементы рынка регулируются по-разному, а нормы не всегда согласованы между собой. Это усложняет анализ и не позволяет сразу увидеть проблемные места.

Важно не только описать существующие нормативные акты, но и понять, как они работают на практике. В частности, как именно правовые нормы влияют на формирование цен, поведение участников рынка и их взаимодействие друг с другом.

В данной работе рассматривается действующая система правового регулирования рынков электроэнергии в Российской Федерации, выявляются ее слабые стороны и предлагаются возможные направления их устранения.

В ходе исследования использовались методы, позволяющие рассмотреть проблему с разных сторон, включая системный анализ, формально-юридический и сравнительно-правовой подходы.

Научная новизна исследования заключается в разработке авторского подхода к систематизации нормативно-правового регулирования рынков электроэнергии, предусматривающего выделение его уровней и выявление их внутренней несогласованности.

Обсуждение.

Нормативно-правовое регулирование рынков электроэнергии в Российской Федерации представляет собой сложную многоуровневую систе-

му, сформированную в результате реформирования отрасли и перехода к рыночной модели функционирования электроэнергетики. В основе данной системы лежит Федеральный закон № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», который определяет правовые и экономические основы функционирования отрасли, закрепляет принципы организации рынков электроэнергии и мощности, а также устанавливает правовой статус их участников [1].

С точки зрения организационной структуры, рынок электроэнергии в Российской Федерации подразделяется на два уровня: оптовый рынок электроэнергии и мощности (ОРЭМ) и розничные рынки. При этом именно оптовый рынок выполняет ключевую функцию формирования цен, которые затем передаются на розничный уровень. Согласно ст. 31 Федерального закона № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» в состав субъектов оптового рынка входят – «поставщики электрической энергии (генерирующие компании) и покупатели электрической энергии (энергосбытовые организации, крупные потребители электрической энергии, гарантирующие поставщики), получившие статус субъектов оптового рынка» [2].

Структура оптового рынка электроэнергии включает несколько взаимосвязанных сегментов, каждый из которых выполняет определенную функцию в обеспечении баланса спроса и предложения. К таким сегментам относятся рынок «на сутки вперед» (РСВ), балансирующий рынок (БР), а также рынок двусторонних договоров. Помимо этого, важную роль в функционировании оптового рынка играет процедура выбора состава включенного генерирующего оборудования (ВСВГО).

Работа оптового рынка электрической энергии представлено на рисунке 1.

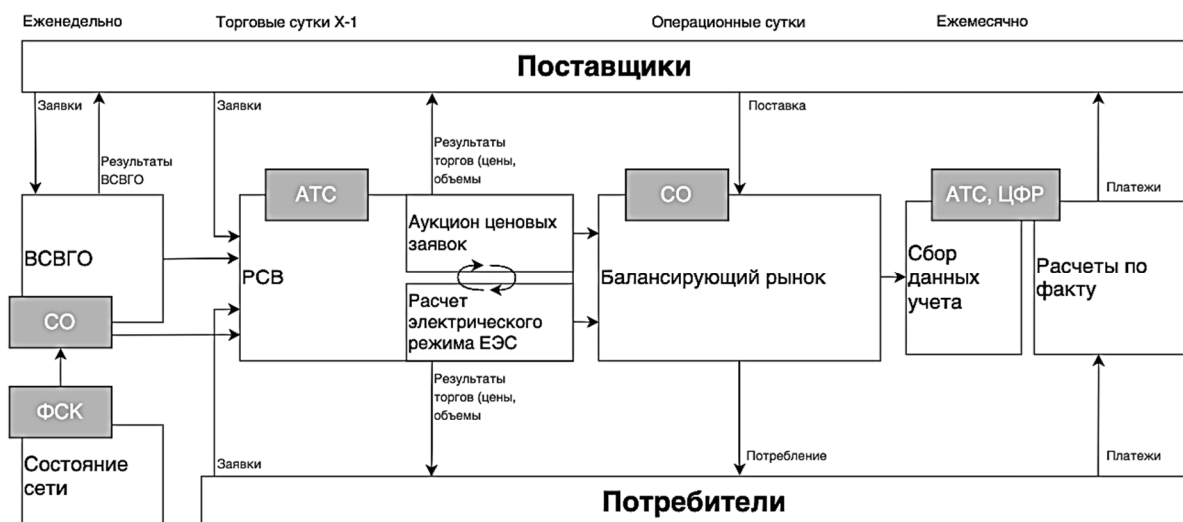

Рисунок 1 – Работа оптового рынка электрической энергии [3]

Особое место в структуре оптового рынка занимает процедура выбора состава включенного генерирующего оборудования (ВСВГО). Данный этап подробно рассматривается в работе Э.К. Аракеляна [4]. Несмотря на то, что данная процедура не является самостоятельным рынком, она оказывает существенное влияние на функционирование всех сегментов, поскольку определяет состав оборудования, участвующего в производстве электроэнергии. С правовой точки зрения, ВСВГО регулируется преимущественно отраслевыми регламентами и носит технический характер. Вместе с тем, его влияние на формирование предложения и ценообразование позволяет рассматривать его как элемент косвенного регулирования рынка. Отсутствие полноценного нормативного закрепления экономической роли данного механизма является одним из существенных недостатков действующей системы регулирования.

Ключевым сегментом оптового рынка является рынок «на сутки вперед», представляющий собой централизованный механизм конкурентного отбора заявок участников на поставку электроэнергии с почасовой детализацией. Данный сегмент регулируется правилами функционирования оптового рынка, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации № 1172. В соответствии с п. 8 постановления Правительства Российской Федерации № 1172, рынок «на сутки вперед» представляет собой процедуру организованных торгов, в рамках которой определяются «объемы планового почасового производства и потребления электрической энергии для каждой группы точек поставки участников оптового рынка», а также «цены на объемы электрической энергии, включаемые в плановое почасовое производство (потребление), уравнивающие спрос и предложение электрической энергии» [5]. Данный механизм носит публично-правовой характер, поскольку его функционирование строго регламентировано нормативными актами, а участники обязаны соблюдать установленные правила подачи заявок, их параметров и порядка отбора.

В работе А.А. Курналеевой показано, что экономическая сущность данного сегмента проявляется в конкурентном характере ценообразования [6]. Однако анализ правового регулирования показывает, что сложность алгоритмов формирования цен и ограниченная доступность информации о факторах их изменения снижают прозрачность данного сегмента.

Балансирующий рынок ориентирован на оперативное выравнивание объемов производства и потребления электроэнергии. Его ключевая задача - реагировать на отклонения, которые возникают уже после формирования плановых показателей. В отличие от рынка «на сутки вперед», здесь значительно выше роль административного регулирования: многие решения принимаются с учетом указаний системного опе-

ратора [7]. В таких условиях возможности участников действовать самостоятельно оказываются ограниченными. Это отражается и на конкурентной среде – она становится менее выраженной по сравнению с другими сегментами рынка. Кроме того, нельзя не отметить, что отдельные вопросы взаимодействия участников до конца не урегулированы. На практике это может приводить к разночтениям и усложнять применение норм.

Иная ситуация складывается на рынке двусторонних договоров. Здесь участники взаимодействуют напрямую, заключая договоры купли-продажи электроэнергии и мощности без участия централизованных торговых процедур [8]. На первый взгляд, данный сегмент в наибольшей степени соответствует гражданско-правовой модели регулирования, поскольку опирается на принцип свободы договора. Однако в реальности такая свобода имеет определенные границы. Участники вынуждены учитывать требования отраслевого законодательства, включая необходимость соблюдения параметров поставки и участие в других сегментах рынка. Это означает, что даже в рамках договорных отношений сохраняется влияние публично-правовых механизмов. В результате, рынок двусторонних договоров фактически представляет собой сочетание частноправовых и публично-правовых элементов.

Розничные рынки выполняют другую функцию – именно на этом уровне электроэнергия реализуется конечным потребителям. Их деятельность регулируется Федеральным законом № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», а также постановлением Правительства Российской Федерации № 442 [9].

По сравнению с оптовым рынком, степень государственного участия здесь значительно выше. Это проявляется, прежде всего, в обязательствах гарантирующих поставщиков по заключению договоров энергоснабжения, а также в регулировании тарифов.

Таким образом, розничный сегмент в большей степени ориентирован на защиту интересов потребителей, чем на развитие конкурентных механизмов.

Функционирование рынка электроэнергии обеспечивается рядом специализированных организаций, среди которых ключевую роль играет НП «Совет рынка» [10], осуществляющее разработку правил рынка и координацию деятельности его участников, а также АО «Администратор торговой системы», выполняющее функции коммерческого оператора, включая организацию торгов и проведение расчетов [11]. Важную роль играет и система оперативно-диспетчерского управления, которая обеспечивает надежную работу энергосистемы и учитывает технологические ограничения при принятии рыночных решений [12].

Анализ действующего нормативно-правового регулирования рынков электроэнергии показывает, что при всей разветвленности нормативной базы ее изучение в научной литературе чаще всего строится в рамках формально-юридического подхода. В таких работах нормативные акты рассматриваются, прежде всего, с точки зрения их юридической силы, предмета регулирования и положения в системе источников права. Основное внимание, как правило, уделяется их классификации и описанию содержания.

В то же время, вопрос о том, как именно эти нормы влияют на реальное функционирование рынка, остается раскрытым не в полной мере. Такой подход позволяет упорядочить нормативный материал, но не дает возможности увидеть внутренние противоречия системы регулирования и оценить, каким образом она воздействует на экономические механизмы рынка электроэнергии. В частности, остаются вне должного анализа такие аспекты, как взаимосвязь различных уровней регулирования, распределение функций между нормативными актами и их воздействие на процессы ценообразования, формирования предложения и поведения участников рынка.

Кроме того, существующие подходы, как правило, не учитывают комплексный характер электроэнергетики как отрасли, в которой правовые нормы тесно переплетаются с технологическими и экономическими параметрами функционирования энергосистемы. Это приводит к тому, что анализ нормативного регулирования носит фрагментарный характер и не позволяет сформировать целостное представление о механизмах его воздействия на рынок.

Возникает необходимость разработки нового методологического подхода к анализу нормативно-правового регулирования рынков электроэнергии, который позволил бы выйти за рамки формального описания законодательства и обеспечить выявление его внутренней структуры, функционального назначения и фактического влияния на рыночные процессы.

Результаты.

В отличие от существующих подходов, авторский подход предполагает рассмотрение нормативного регулирования как многоуровневой и одновременно функционально ориентированной системы. Предложенный авторский подход к систематизации нормативно-правового регулирования рынков электроэнергии основан на анализе четырех взаимосвязанных элементов — нормативных актов, уровней регулирования, сегментов рынка и факторов, влияющих на эффективность правового воздействия.

Первым элементом подхода выступает блок нормативных актов. Он отражает совокупность источников правового регулирования, которые формируют правовую основу функционирования рынков электроэнергии. К таким источникам от-

носятся федеральные законы, постановления Правительства Российской Федерации, отраслевые правила и иные акты, регулирующие порядок работы оптового и розничных рынков. Данный блок показывает, что нормативное регулирование является исходной правовой базой, от которой зависят правила допуска участников на рынок, порядок заключения договоров, механизмы ценообразования, ответственность участников и условия функционирования отдельных рыночных сегментов.

Второй элемент подхода связан с выделением уровней регулирования. В схеме они представлены как последовательная система: федеральные законы, подзаконные акты, отраслевые акты и региональные акты.

Федеральные законы закрепляют общие принципы функционирования электроэнергетики и определяют базовые правовые категории. Подзаконные акты конкретизируют порядок реализации положений закона и устанавливают детальные правила функционирования рынков.

Отраслевые акты и регламенты обеспечивают практическую реализацию рыночных процедур, включая порядок проведения торгов, взаимодействие участников и работу инфраструктурных организаций. Региональные акты имеют значение прежде всего для регулирования отдельных территорий, тарифных решений и особенностей функционирования розничных рынков.

Отдельно выделяются сегменты рынка. В схеме они представлены через оптовый рынок и розничные рынки. Такое разделение важно, поскольку каждый сегмент имеет собственную правовую природу и собственный механизм регулирования.

Далее рассматривается функциональная зона. Она показывает, что нормативные акты и уровни регулирования воздействуют на рынок не абстрактно, а через конкретные функции.

К таким функциям относятся:

- регулирование допуска участников;
- формирование цен;
- организация торгов;
- установление договорных обязательств;
- обеспечение расчетов;
- контроль за соблюдением правил;
- защита прав потребителей.

Именно в функциональной зоне проявляется реальное действие правовых норм. Одна и та же норма может одновременно влиять на порядок участия в рынке, на цену, на обязанности сторон и на ответственность за нарушение правил. Поэтому функциональная зона является ключевым

элементом подхода, поскольку она связывает формальную структуру законодательства с практической работой рынка.

Отдельное значение в авторском подходе имеют факторы, влияющие на эффективность регулирования. В схеме выделены экономические, правовые и технологические факторы.

Экономические факторы выражаются в уровне конкуренции, структуре спроса и предложения, механизмах формирования цены и экономических стимулах участников.

Правовые факторы связаны с полнотой, ясностью, согласованностью и стабильностью нормативных актов.

Технологические факторы обусловлены спецификой электроэнергетики как отрасли, а именно невозможностью складирования электроэнергии в обычном понимании, необходимостью постоянного баланса производства и потребления, сетевыми ограничениями, зависимостью рыночных решений от режимов работы энергосистемы и развивающейся тенденцией локализации оборудования.

Результатом применения авторского подхода является выявление зоны несогласованности. Под зоной несогласованности понимается область, в которой проявляются противоречия между элементами системы регулирования. Такая несогласованность может выражаться в дублировании нормативных норм, различии правовых режимов отдельных сегментов, недостаточной прозрачности ценообразования, противоречии между рыночной логикой и технологическими ограничениями, а также в слабой согласованности оптового и розничного уровней рынка.

Особенность предложенного подхода заключается в том, что он дает возможность рассмотреть нормативное регулирование не только формально, через перечень актов, но и содержательно – через его влияние на конкретные рыночные процессы. Это дает возможность выявить, какие элементы регулирования работают согласованно, а какие создают правовые и организационные затруднения для участников рынка.

Для наглядного представления результатов применения авторского подхода целесообразно обобщить выявленные закономерности в виде систематизации, отражающей взаимосвязь уровней и функций регулирования (рис. 2).

Рисунок 2 – Многоуровневый функционально-факторный подход к анализу нормативного регулирования рынков электроэнергии

Авторский подход представляет собой инструмент комплексного анализа нормативно-

правового регулирования рынков электроэнергии. Он позволяет последовательно перейти от

изучения нормативных актов к анализу уровней регулирования, затем к оценке отдельных сегментов рынка и функциональных зон, после чего выявить факторы, формирующие внутреннюю несогласованность системы.

Научная значимость данного подхода заключается в том, что он обеспечивает возможность систематизировать нормативное регулирование не только по юридической силе актов, но и по их фактическому воздействию на функционирование рынков электроэнергетики.

Заключение.

Проведенное исследование нормативно-правового регулирования рынков электроэнергии в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что действующая система регулирования представляет собой сложную многоуровневую конструкцию, включающую нормы различной юридической природы. Формирование данной системы обусловлено спецификой электроэнергетики как отрасли, в которой одновременно реализуются рыночные механизмы и обеспечивается технологическая устойчивость энергосистемы.

В результате проведенного анализа установлено, что нормативное регулирование рынков электроэнергии не является однородным и включает элементы как публично-правового, так и частноправового воздействия. При этом договорные отношения между участниками рынка нельзя назвать полностью свободными. На практике они ограничены не только обязательными требованиями законодательства, но и особенностями самой электроэнергетики как отрасли. Это означает, что классические принципы гражданского права здесь работают с оговорками и в ряде случаев применяются не напрямую, а с учетом отраслевой специфики.

В ходе исследования отдельно рассматривалась структура оптового и розничных рынков электроэнергии. Анализ показал, что каждый из их сегментов регулируется по-своему и действует в рамках собственного правового режима. Такая разнородность усложняет восприятие всей системы в целом и не позволяет выстроить единый подход к регулированию рынка.

Одним из результатов работы стало формирование авторского подхода к систематизации нормативного регулирования. В его основе лежит попытка рассмотреть систему не по отдельным актам, а через их взаимосвязь: между уров-

нями регулирования, сегментами рынка и теми функциями, которые выполняют правовые нормы. При этом дополнительно учитываются факторы, влияющие на эффективность такого регулирования. Его применение позволяет перейти от формального анализа нормативных актов к оценке их реального воздействия на функционирование рынка.

В результате предложенного подхода выявлена зона несогласованности нормативного регулирования, представляющая собой область пересечения различных уровней правового воздействия, сегментов рынка и факторов влияния. Установлено, что именно в данной зоне проявляются ключевые недостатки действующей системы.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенного авторского подхода для выявления проблемных зон в действующей системе нормативного регулирования и разработки направлений ее совершенствования.

В качестве направлений совершенствования можно выделить следующие предложения:

- обеспечить согласованность нормативных актов различных уровней регулирования;
- повысить прозрачность механизмов ценообразования на рынке электроэнергии;
- уточнить правовой статус отдельных процедур, оказывающих влияние на экономические параметры рынка;
- обеспечить баланс между публично-правовыми требованиями и частноправовыми механизмами регулирования.

Результаты исследования подтверждают, что совершенствование нормативно-правового регулирования рынков электроэнергии должно осуществляться на основе комплексного подхода, учитывающего как юридическую структуру нормативных актов, так и их фактическое воздействие на функционирование рынка.

Предложенный авторский подход может служить теоретической и методологической основой для дальнейших исследований в области энергетического права и разработки практических решений по повышению эффективности регулирования электроэнергетики.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Хаблак Е.В. Система нормативно-правовых актов, регулирующих оборот электрической энергии и мощности на оптовом рынке в современной России // Теория и практика общественного развития. 2024. № 1. С. 175–180. DOI: 10.24158/tpor.2024.1.24 EDN: JZCHQX
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.11.2023 № 516-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс»: сайт (дата обращения 31.03.2026).
3. Официальный сайт. Ассоциация «НП Совет Рынка». Оптовый рынок электрической энергии и мощности. URL : <https://www.np-sr.ru/ru/market/wholesale/index.htm> (дата обращения 31.03.2026).
4. Проблемы учета фактора надежности при выборе состава генерирующего оборудования ТЭЦ на оптовом рынке электроэнергии и пути их решения / Э.К. Аракелян [и др.] // Автоматика и телемеханика. - 2022. № 5. С. 148–163. DOI: 10.31857/S0005231022050105 EDN: ABWWKM
5. Постановление Правительства РФ от 16.08.2014 N 820 (ред. от 30.01.2021) «Об изменении и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросам функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности, а также проведения конкурентного отбора мощности в 2014 году» // СПС «КонсультантПлюс»: сайт. (дата обращения 02.04.2026).
6. Курналеева А.А. Ценообразование на рынке «на сутки вперед» с учетом ограничений электрической сети / А.А. Курналеева, Р.Р. Насыров // Вестник МЭИ. 2024. № 1. С. 44–55. DOI: 10.24160/1993-6982-2024-1-44-55 EDN: GNTRNA
7. Елсуков Н.С. Оптимизация режимов ТЭЦ с парогазовым и паротурбинным энергоблоками для максимизации прибыли на балансирующем сегменте оптового рынка электроэнергии / Н.С. Елсуков, И.Д. Аникина, С.Е. Голубев // Известия высших учебных заведений. Проблемы энергетики. 2025. № 2 (27). С. 139–154. DOI: 10.30724/1998-9903-2025-27-2-138-153 EDN: JXYPJV
8. Паламарчук С.И. Методика планирования свободных двусторонних договоров на конкурентном оптовом рынке электроэнергии / С.И. Паламарчук, А.Ю. Черемных // Научный вестник Новосибирского государственного технического университета. 2008. № 2(31). С. 121–138. EDN: JUDTIP
9. Анненкова И.А. Нормативно-правовое регулирование заключения договора энергоснабжения // Вестник науки. 2023. Т. 1. № 11(68). С. 164–169. EDN: NHDPNN
10. Официальный сайт. Ассоциация «НП Совет Рынка». Деятельность Ассоциации. URL : <https://www.np-sr.ru/ru/activity/index.htm> (дата обращения 05.04.2026).
11. Официальный сайт АО «АТС». О компании. URL : <https://www.atsenergo.ru/ats/about> (дата обращения 05.04.2026).
12. Официальный сайт «Системного оператора». Технологическое обеспечение работы энергетических рынков. URL : <https://www.so-ups.ru/functioning/markets> (дата обращения 05.04.2026).

References:

1. Khablak E.V. The system of regulatory legal acts regulating the turnover of electric energy and capacity in the wholesale market in modern Russia //, Theory and practice of social development. 2024. № 1. P. 175–180. DOI: 10.24158/tpor.2024.1.24 EDN: JZCHQX
2. Federal Law «On Amendments to the Federal Law «On Electric Power Industry» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 02.11.2023 № 516-FZ // SPS «ConsultantPlus»: website (date of application 03/31/2026).
3. The official website. Association «NP Market Council». Wholesale market of electric energy and capacity. URL : <https://www.np-sr.ru/ru/market/wholesale/index.htm> (date of application 03/31/2026).
4. Problems of taking into account the reliability factor when choosing the composition of generating equipment of thermal power plants in the wholesale electricity market and ways to solve them / E.K. Arakelyan [et al.] // Automation and telemechanics. 2022. № 5. P. 148–163. DOI: 10.31857/S0005231022050105 EDN: ABWWKM
5. Decree of the Government of the Russian Federation № 820 dated 08/16/2014 (as amended on 01/30/2021) «On the Amendment and Invalidation of Certain Acts of the Government of the Russian Federation on the functioning of the Wholesale Market of electric energy and capacity, as well as the conduct of competitive power take-off in 2014» // SPS «ConsultantPlus»: website (date of application 04/02/2026).
6. Kurnaleeva A.A. Pricing in the «one day ahead» market, taking into account the limitations of the electric grid / A.A. Kurnaleeva, R.R. Nasyrov // Bulletin of the Moscow Institute of Energy. 2024. № 1. P. 44–55. DOI: 10.24160/1993-6982-2024-1-44-55 EDN: GNTRNA
7. Yelsukov N.S. Optimization of CHP modes with combined-cycle and steam turbine power units to maximize profits in the balancing segment of the wholesale electricity market / N.S. Yelsukov, I.D. Anikina, S.E. Golubev // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Energy problems. 2025. № 2(27). P. 139–154. DOI: 10.30724/1998-9903-2025-27-2-138-153 EDN: JXYPJV
8. Palamarchuk S.I. Methodology of planning free bilateral contracts in the competitive wholesale electricity market / S.I. Palamarchuk, A.Yu. Cheremnykh // Scientific Bulletin of Novosibirsk State Technical University. 2008. № 2(31). P. 121–138. EDN: JUDTIP
9. Annenkova I.A. Regulatory and legal regulation of the conclusion of an energy supply contract // Bulletin of Science. 2023. Vol. 1. № 11(68). P. 164–169. EDN: NHDPNN

10. Official website. Association «NP Market Council». The Association's activities. URL : <https://www.np-sr.ru/ru/activity/index.htm> (date of application 04/05/2026).
11. Official website of ATS JSC. About the company. URL : <https://www.atsenergo.ru/ats/about> (date of application 04/05/2026).
12. The official website of the «System Operator». Technological support of energy markets. URL : <https://www.so-ups.ru/functioning/markets> (date of application 04/05/2026).

Информация об авторах

Калинина Амина Ренатовна

студентка 2 курса магистратуры,
инженер кафедры
международных отношений и права,
Национальный исследовательский университет
«МЭИ»
ORCID iD: 0009-0000-0593-2251
KalininaAR@mpei.ru

Сухарева Евгения Викторовна

доктор экономических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
международных отношений и права,
Национальный исследовательский университет
«МЭИ»
ORCID iD: 0000-0003-4867-1068
SukharevaYevV@mpei.ru

Букалерева Людмила Александровна

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
международных отношений и права,
Национальный исследовательский университет
«МЭИ»
BukalerovalA@mpei.ru

Amina R. Kalinina

2nd year Graduate Student,
Engineer of the Department
of International Relations and Law,
National Research University
«Moscow Power Engineering Institute»
ORCID iD: 0009-0000-0593-2251
KalininaAR@mpei.ru

Evgeniya V. Sukhareva

Doctor of Economics,
Professor,
Head of the Department
of International Relations and Law,
National Research University
«Moscow Power Engineering Institute»
ORCID iD: 0000-0003-4867-1068
SukharevaYevV@mpei.ru

Lyudmila A. Bukalerovala

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
of International Relations and Law,
National Research University
«Moscow Power Engineering Institute»
BukalerovalA@mpei.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.05.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.05.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-11>

УДК 340

Attribution

cc by

АНАЛИЗ ОБЪЕКТОВ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С ОБЪЕКТАМИ НАСИЛИЯ

Ткачева Ю.С.

*Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал*

Аннотация. Статья посвящена теоретической проблеме разграничения объектов насильственных преступлений и объектов насилия как физического акта. Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся в доктрине уголовного права дискуссией о природе объекта преступления, а также необходимостью унификации подходов к квалификации насильственных деяний, предусмотренных различными главами Особенной части УК РФ. Цель исследования заключается в обосновании формально-юридического отличия объекта насилия-преступления от объекта насилия-действия и предложении критериев для реструктуризации насильственных составов в Уголовном кодексе РФ. В работе использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы. Проанализированы нормы главы 16 УК РФ, а также статей 119, 296, 318, 333, 334 УК РФ. В результате автор приходит к выводу, что в составах, где насилие является конститутивным признаком и полностью совпадает с объективной стороной преступления (насилие-преступление), объектом выступают права человека (на жизнь и здоровье), тогда как объектом насилия-действия является физическое и психическое состояние потерпевшего. Обоснована необходимость разграничения «тела человека» как предмета физического насилия и психики как сферы воздействия при насилие психическом. Критически оценена теория общественных отношений как универсального объекта преступления применительно к насильственным посягательствам.

Ключевые слова: объект преступления, объект насилия, насильственные преступления, насилие-действие, насилие-преступление, право на жизнь, право на здоровье, предмет преступления, физическое насилие, психическое насилие, реструктуризация УК РФ, глава 16 УК РФ, общественные отношения, правовое благо.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ANALYSIS OF THE OBJECTS OF VIOLENT CRIMES AND THEIR CORRELATION WITH THE OBJECTS OF VIOLENCE

Yulia S. Tkacheva

V.M. Lebedev Russian State University of Justice, North Caucasus branch

Abstract. The article is devoted to the theoretical problem of distinguishing between the objects of violent crimes and the objects of violence as a physical act. The relevance of the study is due to the ongoing discussion in the doctrine of criminal law about the nature of the object of a crime, as well as the need to unify approaches to the qualification of violent acts provided for in various chapters of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the study is to substantiate the formal and legal distinction between the object of a violent crime and the object of a violent act, and to propose criteria for restructuring the violent offenses in the Criminal Code of the Russian Federation. The work uses formal-legal, comparative-legal, and system-structural methods. The norms of Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as Articles 119, 296, 318, 333, and 334 of the Criminal Code of the Russian Federation, are analyzed. As a result, the author concludes that in cases where violence is a constitutive element and fully coincides with the objective aspect of the crime (violence-crime), the object is human rights (to life and health), whereas the object of violence-action is the physical and mental state of the victim. The need to distinguish between the «human body» as the object of physical violence and the psyche as the sphere of influence in mental

© Ткачева Ю.С.

violence is substantiated. The theory of social relations as a universal object of crime is critically assessed in relation to violent attacks.

Keywords: object of crime, object of violence, violent crimes, violence-action, violence-crime, right to life, right to health, subject of crime, physical violence, mental violence, restructuring of the Criminal Code of the Russian Federation, Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation, social relations, legal benefit.

Funding: Independent work.

Введение.

В группе преступлений, включенных в Главу 16 «Преступления против жизни и здоровья», в концентрированном виде находит отражение и сущность, и форма преступного насилия, поскольку:

- а) акт насилия охватывается актом преступления (имеется полное тождество);
- б) насилие является конститутивным признаком преступления;
- в) объект насилия не совпадает с объектом соответствующего преступления, совершаемого насильственным образом.

Речь идет о преступлениях, составы которых описаны в следующих статьях Особенной части УК РФ:

- убийство (ст. 105 УК РФ);
- убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ);
- убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ);
- убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ);
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ);
- умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ);
- причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113 УК РФ);
- причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 114 УК РФ);
- умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ); побои (ст. 116 УК РФ);
- нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ);

истязания (ст. 117 УК РФ); угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ).

Обсуждение. Результаты.

Эти составы являются «классическими» насильственными преступлениями. Здесь два объекта насилия, которые связываются с жизнью и здоровьем человека (но не отождествляются с ними).

Следует заметить, что в доктрине советского уголовного права, во многом сохраняющейся до сих пор, едва ли не любой объект любого преступного посяательства определяется через совокупность соответствующих общественных отношений. Так, в известном учебнике по Общей части уголовного права, изданном в МГУ в 1962 г., указывается на то, что «каждое преступление причиняет ущерб тем или иным конкретным общественным отношениям, охраняемым уголовным законом ... преступления могут быть совершены в различных областях жизни социалистического общества; следовательно, могут непосредственно причинить ущерб различным по содержанию и значению для социалистического государства общественным отношениям ... под непосредственным объектом преступления понимается конкретное общественное отношение, на которое непосредственно посягает одно или несколько преступлений» [1].

В современной России такой подход также встречается, в частности, при характеристике объекта насильственных посятельств против жизни и здоровья человека Р.Д. Шапаров отмечает, что в данном случае объектом данных посятельств являются «общественные отношения, обеспечивающие безопасность физических благ человека» [2].

В литературе авторами одного из учебников по уголовному праву отмечается, что, прежде всего, это относится «к преступлениям против личности, в частности к убийству человека».

Ранее было принято считать, что объектом убийства является жизнь человека не как таковая сама по себе, а именно в смысле совокупности общественных отношений» [3].

Однако, как отмечает в этой связи А.А. Тер-Акопова, «подменять жизнь человека отношениями, обеспечивающими его жизнь, исключительно негуманно» [4].

В этом же ключе находится и позиция А.В. Наумова, который отмечает, что «подобное понимание жизни человека как объекта убийства явно принижает абсолютную ценность человека как биологического явления. Человек из самостоятельной абсолютной ценности превратился в носителя общественных отношений (трудовых, оборонных, служебных, семейных, собственности и т.д.)» [5]. Этот же автор высказывает и следующую мысль, с которой нельзя не согласиться по своей сути, о том, что «теория объекта преступления как общественных отношений не может быть признана общей универсальной, и представляется возможным возвращение к теории объекта как правового блага, созданной еще в конце прошлого века в рамках классической и социологической школ уголовного права» [6].

Такой подход в настоящее время становится доминирующим («объект преступления – это охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы и блага, на которые посягает преступление и которым в результате его совершения причиняется или может быть причинен вред» [7]).

Если иметь в виду такое насильственное преступление, как убийство, то объектом его, помимо общественного отношения, обеспечивающего жизнедеятельность человека, в уголовно-правовой литературе называют также «человека» [8], «жизнь человека» [9] (это наиболее распространенное обозначение объекта убийства, часто встречается также – «жизнь другого человека» [10]).

Мы полагаем, что в данном аспекте (формулировка объекта убийства) все авторы по сути пишут об одном и том же, но разными словами. В этом случае целесообразно взять за основу конституционные формулировки. Так, в ст. 20 Конституции Российской Федерации говорится о том, что «каждый имеет право на жизнь» [11], то есть, взят за основу юридический подход, который мы считаем предпочтительным.

Соответственно, объектом насильственного преступления в виде убийства является «право на жизнь». Слово «человека» здесь добавлять не обязательно, поскольку субъективные права (равно как и обязанности) в данном контексте может иметь только человек, то есть это само собой разумеется.

Следует в целом согласиться также с тем, что «жизнь человека – это совокупность биологических и социальных факторов, которые дают возможность существовать человеку в природе и в обществе себе подобных.

Началом жизни с точки зрения уголовного права признается рождение ребенка, который может самостоятельно осуществлять функцию дыхания. Наступлением смерти принято считать окончательное прекращение деятельности мозга в связи с распадом клеток центральной нервной системы (биологическая смерть) ... Фигура по-

терпевшего имеет большое значение для оценки противоправных действий. Человек должен быть живым и другим, то есть покушение на собственную жизнь не образует состава убийства. Следует заметить, что уголовный закон охраняет жизнь любого человека независимо от его возраста, физических и социальных признаков, моральных качеств» [12].

В некоторых источниках указывается на то, что в уголовно-правовом смысле «началом жизни является начало физиологических родов, то есть момент, когда какая-либо часть тела ребенка показалась из утробы матери» [13]. Что касается момента смерти, то действуют утвержденные Правительством Российской Федерации в 2012 г. соответствующие Правила определения момента смерти человека, в том числе критерии и процедура установления смерти человека [14]. Однако, в контексте нашего исследования, такого рода нюансы не имеют принципиального значения, и мы на них останавливаться не будем. Соответственно при насильственном посягательстве на здоровье человека объектом насильственного деяния будет право на здоровье человека.

При этом, однако, ни в коем случае нельзя забывать об упомянутом выше понимании объекта преступления как определенного общественного отношения, несмотря на скептическое к нему отношение современных криминалистов, поскольку такое понимание объекта преступного посягательства показывает юридическое его понимание, показывающее оценку определенных действий человека в общественном измерении, когда общество посредством государства считает их общественно опасными.

Но есть понимание не юридическое, а, можно сказать, технологическое, когда действия описываются как набор определенных человеческих телодвижений, и последнее обстоятельство имеет немаловажное значение при рассмотрении категории насилия в уголовном праве.

Итак, непосредственным объектом указанных выше насильственных действий, составляющих объективную сторону соответствующих преступных деяний, являются право на жизнь и право на здоровье. Соответственно видовым объектом в базовой для данного вида насильственных преступлений Главе 16 УК РФ («Преступления против жизни и здоровья») является совокупность прав на жизнь и здоровье. Родовым объектом соответствующих насильственных преступных посягательств является личность.

Однако здесь необходимо, на наш взгляд, четко проводить формально-юридическое отграничение объекта насилия-преступления (преступного насильственного посягательства) от объекта насилия-действия (то есть насилия как собственно насильственных действий, безотносительно к их уголовно-правовой квалификации).

По рассматриваемой группе преступлений против жизни и здоровья, как мы отмечали, имеет

место полное тождество преступных действий с насильственными действиями (например, смертельный удар ножом). То есть, речь идет о полном тождестве объективной стороны преступления и насильственных действий. Однако если объект насилия-преступления определяется в данном случае как право на жизнь, то объект насилия-действия определяется как физическое и психическое состояние человека, поскольку при насилии имеет место негативно-агрессивное воздействие именно на физическое и психическое состояние человека.

И в этом смысле, мы не можем согласиться с Р.Д. Шараповым, который определяет видовой объект насилия (физического) следующим образом: «физическая безопасность (физическая неприкосновенность) человека – общественные отношения, обеспечивающие его безопасное физическое существование, а точнее незыблемость, состояние защищенности (неприкосновенности) таких благ, как жизнь, здоровье и физическая свобода» [15], поскольку в данном случае, на наш взгляд, имеет место смешение объекта насилия и объекта насильственного преступления. Эти объекты (объект насилия и объект насильственного преступления), с формальной точки зрения, по определению, не могут совпадать по причине различной их правовой природы (насилие является признаком преступления, а никакой признак преступления не может быть с юридических позиций тождествен самому преступлению даже при совпадении фактических действий насилия-деяния и насилия-преступления).

В данном контексте, отметим также и то, что, поскольку человек представляет собой разнородность материально-вещественной структуры (живой материи), то в рассматриваемых деяниях (насильственные посягательства на жизнь и здоровье человека) необходимо говорить также о предмете насилия. Таковым является тело человека при физическом насилии (в таком понимании тело человека как предмет преступления уже включено в научный оборот [16]) – в этом случае имеет место нарушение телесной неприкосновенности, и психика человека при психическом насилии (здесь, мы полагаем, возможно, было бы употребление термина «душа», однако в силу сложившейся взаимосвязи души с религией это не представляется возможным) – в этом случае имеет место нарушение душевного (психического) состояния потерпевшего, поскольку, как справедливо отмечается в уголовно-правовой литературе, «причинить вред личности можно путем воздействия на предмет – на тело человека или на его психику» [17] (в этом же ряду и замечание Н.А. Неклюдова о том, что «физическая сила преступника посягает на само тело обиженного» [18]).

Имеющиеся предложения полагать под предметом насилия «жизнь, здоровье, физическую свободу, понимаемые в естественно-биологическом смысле» [19] мы не считаем достаточно обосно-

ванными, и прежде всего потому, что та же жизнь человека в естественно-биологическом понимании представляет собой процесс, причем довольно сложный; к тому же, на наш взгляд, жизнь в естественно-биологическом понимании невозможно рассматривать вне непосредственной взаимосвязи с жизнью в ее социальном понимании: жизнь в данном контексте едина, и в таком комплексном понимании она, как отмечалось выше, представляет собой объект преступного насильственного посягательства, а не предмет такового.

Помимо Главы 16 УК РФ, где описываются преступления против жизни и здоровья, такого рода насильственные посягательства (при совпадении насилия-преступления и насилия-действия), находят отражение также в статьях других глав уголовного закона, где, однако, при сохранении объекта насилия-действия формально в рамках действующей структуры Особенной части УК РФ имеет место иной видовой объект насилия-преступления:

- угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ);
- применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ); дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ);
- сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333 УК РФ);
- насильственные действия в отношении начальника (ст. 334 УК РФ) и др.

В этом же контексте, в литературе некоторые авторы небезосновательно ставят вопрос об изменении структуры глав УК РФ не столько в другом ракурсе – после уточнения соотношения объекта насилия-деяния и объекта насилия в составе преступлений, которыми ограничивается свобода человека.

В этом смысле заслуживает внимания предложение Р.Д. Шарапова. Этот автор отмечает, в частности, что «общественные отношения, составляющие видовой объект физического насилия, связаны с защитой именно биологических свойств, физических благ человека как природного существа, которыми являются жизнь, здоровье и физическая свобода. Это согласуется с пятью видами последствий физического насилия (смерть, вред здоровью, физическая боль и физические страдания, беспомощное состояние, утрата физической свободы), которые посягают на незыблемость физических (биологических) основ существования человека, а также отвечает сущностному для физического насилия способу причинения данных последствий – физическому (энергетическому) воздействию на органы

и ткани, их физиологические функции другого человека» [20].

Отталкиваясь от этих постулатов, указанный автор полагает, что «нельзя считать объектом физического насилия половую свободу и половую неприкосновенность, посягательства на которые всегда либо связаны с деянием против жизни, здоровья, физической свободы (ст. 131, 132 УК РФ), либо совершаются без причинения какого-либо физического вреда (ст. 133, 134, 135 УК РФ). Не являются объектами физического насилия честь и достоинство личности. Половая свобода и половая неприкосновенность, честь и достоинство личности являются социальными свойствами, духовными благами человека, которые опираются на его психофизические свойства».

Сказанное позволяет признать неверным объединение в одной главе 17 УК РФ наряду с преступлениями против чести и достоинства личности физического насилия в виде лишения свободы (ст. 126, 127, 128). Глава 17 (Преступления против свободы, чести и достоинства личности) является искусственным структурным элементом Особенной части, ибо не основана на самостоятельном видовом объекте и объединяет преступления, посягающие на отношения по поводу качественно разных личных благ человека» [21].

С этими суждениями, разделяя их отчасти, мы не можем полностью согласиться (в том числе с объектом преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ). Однако сам методологический подход, связанный с необходимостью определенным образом реструктурировать главы Особенной части УК РФ, заслуживает внимания. Мы полагаем, что предложенная Р.Д. Шараповым реструктуризация имеет определенную упречность, которая заключается в том, что здесь признак насилия некоторым образом «размывается».

Как нам представляется, за основу реструктуризации следует взять критерий, основанный на тождестве насилия-преступления и насилия-действия, которое характерно для составов насильственных преступлений (насилие-преступление), составы которых описываются в Главе 16 УК РФ («Преступления против жизни и здоровья»).

Этому критерию, как мы отмечали, отвечают также следующие общественно опасные деяния, описанные в иных главах Особенной части УК РФ: посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ); угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ); применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ); дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ); сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей

военной службы (ст. 333 УК РФ); насильственные действия в отношении начальника (ст. 334 УК РФ).

Заключение.

Указанные составы преступлений мы полагаем целесообразным переместить в Главу 16 УК РФ. Здесь сразу возникает вопрос о том, что у этих деяний иной объект преступного посягательства. В частности, в литературе указывается, что таковым в составе такого преступления, как угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ), является «безопасность лиц, участвующих в отправлении правосудия или содействующих ему, а равно их близких как условие надлежащего осуществления правосудия, предварительного расследования или исполнения судебного акта» [22]. Однако ситуация здесь не столь очевидна, как может показаться на первый взгляд.

Прежде всего, отметим то обстоятельство, что в основном составе данного деяния, определенном в ч. 1 ст. 296 УК РФ («Угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде»), законодатель соотносит следующую формулировку начинает со следующих слов: «Угроза убийством, причинением вреда здоровью...».

Теперь обратимся к составу насилия-преступления, описанного в ч. 1 ст. 119 УК РФ: «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью...». Как видим, фактически мы имеем идентичные формулировки двух составов преступлений, которые расположены в Особенной части УК РФ в разных главах, и соответственно у них формально, исходя из существующей структуры Особенной части УК РФ, разный видовой объект общественно опасного посягательства. Однако фактически, оба деяния посягают на жизнь человека, то есть имеют один и тот же, одинаковый первичный (он же в первом случае основной) объект. Тот факт, что в ч. 1 ст. 296 УК РФ в основном составе имеется добавление («...в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде»), не меняет существа дела, поскольку само действие не изменяется, а делается лишь уточнение, которое усугубляет вину преступника; то есть здесь важнейшим элементом деяния является насильственное действие, а добавление в виде уточнения лиц, в отношении которого осуществляется угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества, — это не что иное, как дополнительный элемент данного преступления.

Следует заметить, что в составах преступлений, описанных в Главе 16 УК РФ («Преступления против жизни и здоровья»), также содержатся как основные, так и дополнительные элементы, и в этом контексте методологический подход законодателя такой же, как и применительно к ст. 296 УК РФ, с той лишь разницей, что если в ст. 296 УК РФ дополнительным элементом является уточнение лица, в отношении которого осуществляется насилие (в данном случае психическое), то в ряде составов преступлений, включенных в Главу 16 УК РФ, уточнение касается самого субъекта насильственного преступления.

Так, в ст. 106 УК РФ законодатель вводит дополнительный элемент в виде уточнения, которое заключается в том, что убийство совершается лицом, обладающим не только лишь общими признаками субъекта преступления (вменяемость, достижение возраста уголовной ответственности), но и еще одним признаком, а именно матерью новорожденного ребенка, и этот признак смягчает ее вину. Подчеркнем — суть деяния не меняется, она остается прежней — это насилие-преступление.

Аналогичный прием законодатель использует также при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию»), где дополнительный элемент заключается также в уточнении субъекта преступления, каковым является лицо, ранее подвергнутое административному наказанию.

Здесь же обратим внимание на следующий парадокс. Казалось бы, уточнение такого субъекта преступления должно усилить наказание за деяние, которое совершается общим субъектом преступления (вменяемость и возраст), то есть за побои (ст. 116 УК РФ). И так бы оно и было, но тем же законом, которым была введена ст. 116.1 УК РФ, законодатель неожиданно изменил состав ст. 116 УК РФ, и теперь данное деяние (побои) уголовно наказуемо только в том случае, если побои наносятся «из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [23] (та ответственность, которая предусматривалась по ст. 116 УК РФ до ее реформирования, теперь трансформирована в административную ответственность согласно закону от 3 июля 2016 г. [23], то есть прежние побои по сути декриминализированы, что вызвало активную критику в уголовно-правовой литературе).

Мы также полагаем, что законодателем проявлена явная поспешность в принятии такого решения касательно как самой декриминализации, так и перечня дополнительных условий, обуславливающих применение ст. 116.1 УК РФ. Тем не менее вновь подчеркнем: независимо от всех изменений суть деяния (ст. 116.1 УК РФ) не меняется, она остается прежней — это насилие-преступление. При этом отметим и следующую деталь. Законодатель в данном случае, несмотря на нашу критику, принял решение, дающее еще один аргумент в пользу нашего предложения. Так, в измененном составе указанного деяния (ч. 1 ст. 116 УК РФ) речь идет о нанесении побоев также из хулиганских побуждений, но при этом законодатель не относит это деяние к хулиганству, где совершенно иной видовой объект, и в данном контексте это, на наш взгляд, правильный подход. Равным образом это касается, например, и состава насильственного преступления, описанного в ч. 1 ст. 334 УК РФ: «Нанесение побоев или применение иного насилия в отношении начальника, совершенные во время исполнения им обязанностей военной службы или в связи с исполнением этих обязанностей» [25], где также налицо насилие-преступление.

Соответственно, как нам представляется, имеются основания для перемещения вышеуказанных составов преступлений в Главу 16 УК РФ, поскольку вне зависимости от каких-либо дополнительных условий (побуждений; лиц, которые совершают данные деяния; лиц, в отношении которых применяется насилие, и других факторов) важно, чтобы насильственное действие совпадало с преступностью этого действия, то есть при совпадении насилия-действия и насилия-преступления соответствующие составы преступлений должны находиться в Главе 16 УК РФ с одним общим видовым объектом: совокупность прав на жизнь и здоровье. Если же такого совпадения нет и насилие-действие является лишь дополнительным элементом основного состава общественно опасного деяния (квалифицирующим признаком, особо квалифицирующим признаком, одним из конститутивных признаков основного состава преступления), то состав такого преступления должен находиться в соответствующей главе УК РФ.

При этом формулировки составов такого рода преступлений в соответствующих статьях УК РФ не должны начинаться со слов, отражающих насильственность преступления, а должны начинаться со слов, которые показывают приоритет объекта соответствующего преступления.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Уголовное право. Общая часть / Под ред. А.Н. Васильева, Н.А. Стручкова. М. : Изд-во МГУ, 1962. С. 67–68.
2. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 215 с. EDN: NOZATN
3. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. 2-е изд. М. : Юрист, 2006. 142 с.
4. Тер-Акопова А.А. Преступления против жизни и здоровья по уголовному праву России. М. : Юрлитинформ, 2012. 34 с.
5. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Волтерс Клувер, 2007. 158 с.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Волтерс Клувер, 2007. 160 с.
7. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. М. : Городец, 2007. 87 с. ISBN: 978-5-9584-0173-4 EDN: QQRST
8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. СПб., 1902. Т. 1. 246 с.
9. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. 52 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.И. Чучаева. М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2020. 215 с.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
12. Бородин С.В. Преступления против жизни. М. : Юрист, 2003. 38 с.
13. Бородин С.В. Преступления против жизни. М. : Юрист, 2003. 40 с.
14. Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 39. Ст. 5289.
15. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 221 с. EDN: NOZATN
16. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М. : Юридическая литература, 1974. 39 с. EDN: PWMVLN
17. Иванов Н.Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части. М. : Норма, 2018. 365 с.
18. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. СПб., 1876. Т. 1. 67 с.
19. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 228 с. EDN: NOZATN
20. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 230 с. EDN: NOZATN
21. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 233–234. EDN: NOZATN
22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015. - С. 568.
23. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // См., напр.: Подройкина И.А. Декриминализация побоев: за и против // Российский следователь. 2017. № 12. С. 34–38.
24. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

References:

1. Criminal law. The general part / Edited by A.N. Vasiliev, N.A. Struchkov. M. : Publishing House of Moscow State University, 1962. P. 67–68.
2. Sharapov R.D. Physical violence in criminal law : dis. ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 2006. 215 p. EDN: NOZATN
3. Russian criminal law. General part / Edited by V.N. Kudryavtsev, V.V. Luneev, A.V. Naumov. 2nd ed. M. : Jurist, 2006. 142 p.
4. Ter-Akopova A.A. Crimes against life and health under the criminal law of Russia. M. : Yurлитinform, 2012. 34 p.
5. Naumov A.V. Russian criminal law. General part: a course of lectures. M. : Volters Kluwer, 2007. 158 p.
6. Naumov A.V. Russian criminal law. General part: a course of lectures. M. : Volters Kluwer, 2007. 160 p.
7. Kuznetsova N.F. Problems of crime qualification. M. : Gorodets, 2007. 87 p. ISBN: 978-5-9584-0173-4 EDN: QQRST
8. Tagantsev N.S. Russian criminal law. Lectures. The General Part. SPb., 1902. Vol. 1. 246 p.
9. Krasikov A.N. Criminal law protection of human rights and freedoms in Russia. Saratov, 1996, 52 p.
10. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / Edited by A.I. Chuchayev. M. : KONTRAKT Law Firm: INFRA-M, 2020. 215 p.
11. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
12. Borodin S.V. Crimes against life. M. : Lawyer, 2003. 38 p.

13. Borodin S.V. Crimes against life. M. : Lawyer, 2003. 40 p.
14. Decree of the Government of the Russian Federation dated 09/20/2012 № 950 «On approval of the Rules for determining the moment of death of a person, including criteria and procedures for determining death of a person, Rules for termination of resuscitation measures» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 39. Art. 5289.
15. Sharapov R.D. Physical violence in criminal law : dis. ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 2006. 221 p. EDN: NOZATN
16. Gaukhman L.D. Violence as a means of committing a crime. M. : Yuridicheskaya literatura, 1974. 39 p. EDN: PWMVLN
17. Ivanov N.G. Criminal law of Russia. General and Special parts. M. : Norm, 2018. 365 p.
18. Neklyudov N.A. Guide to the Special part of Russian criminal law. SPb., 1876. Vol. 1. 67 p.
19. Sharapov R.D. Physical violence in criminal law: dis. ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 2006. 228 p. EDN: NOZATN
20. Sharapov R.D. Physical violence in criminal law : dis. ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 2006, 230 p. EDN: NOZATN
21. Sharapov R.D. Physical violence in criminal law : dis. ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 2006. pp. 233-234. EDN: NOZATN
22. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / Edited by A.V. Brilliantov, M. : Prospekt Publ., 2015. 568 p.
23. Federal Law № 323-FZ of 07/03/2016 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on Improving the Grounds and procedure for Exemption from Criminal liability» // See, for example: Podroikina I.A. Decriminalization of beatings: pros and cons // Russian Investigator. 2017. № 12. P. 34–38.
24. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 № 63-FZ (as amended on 12/28/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

Информация об авторе

Ткачева Юлия Сергеевна

преподаватель кафедры уголовного права,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал
Tkacheva@mail.ru

Yulia S. Tkacheva

Teacher of the Department of Criminal Law,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
North Caucasus branch
Tkacheva@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.05.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-5>

УДК 342

Attribution

cc by

ОСНОВАНИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, СКЛОНЯЮЩИХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К СОВЕРШЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ

Шубакин А.А.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Цель исследования – провести анализ правовых основ привлечения к уголовной и административной ответственности взрослых лиц, участвующих в вовлечении несовершеннолетних в антиобщественные действия и преступления. Особое внимание уделено вопросам квалификации вовлечения в употребление наркотических веществ, алкоголя и других вредных привычек, возникающим проблемам идентификации формы вины и особенностей формирования субъективной стороны преступления. Анализируя судебную практику и нормативно-правовые акты, авторы приходят к выводу о необходимости внесения изменений в действующее законодательство, направленных на повышение эффективности борьбы с вовлечением несовершеннолетних в противоправные и опасные для их здоровья и социального благополучия действия. Акцентируется внимание на проблемах интерпретации отдельных норм, препятствующих правильному и эффективному применению законодательства правоохранительными органами. Методология исследования базируется на комплексном подходе, сочетающем традиционные научные методы анализа и современные подходы к изучению проблем взаимодействия государства и гражданского общества.

Ключевые слова: юридическая ответственность, вовлечение несовершеннолетних, антиобщественные действия, криминология, уголовная ответственность, административная ответственность, публичное право, профилактика правонарушений, правосудие, защита детства.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

GROUND FOR BRINGING TO LEGAL RESPONSIBILITY INDIVIDUALS WHO INCUR MINORS TO COMMIT SOCIALLY DANGEROUS ACTS

Alexey A. Shubakin

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The purpose of the study is to analyze the legal basis for bringing to criminal and administrative responsibility adults involved in the involvement of minors in antisocial acts and crimes. Special attention is paid to the issues of qualification of involvement in the use of narcotic substances, alcohol and other harmful habits, emerging problems of identifying the form of guilt and the specifics of the formation of the subjective side of the crime. Analyzing judicial practice and regulatory legal acts, the authors conclude that it is necessary to amend the current legislation aimed at improving the effectiveness of combating the involvement of minors in illegal and dangerous actions for their health and social well-being. Attention is focused on the problems of interpretation of certain norms that hinder the correct and effective application of legislation by law enforcement agencies. The research methodology is based on an integrated approach combining traditional scientific methods of analysis and modern approaches to studying the problems of interaction between the state and civil society.

Keywords: legal responsibility, involvement of minors, antisocial actions, criminology, criminal responsibility, administrative responsibility, public law, crime prevention, justice, child protection.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность вопроса привлечения к юридической ответственности лиц, склоняющих несо-

вершеннолетних к совершению общественно опасных деяний, обусловлена ростом числа правонарушений, затрагивающих интересы подрастающего поколения.

© Шубакин А.А.

Российское законодательство располагает целым рядом норм, устанавливающих ответственность за подобные действия, среди которых особое значение имеют положения Уголовного кодекса РФ и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Однако существующие нормы требуют дополнительного осмысления и научного анализа, поскольку практика их применения сталкивается с рядом сложных ситуаций и юридическими проблемами.

Необходимость тщательного рассмотрения сущности феномена «вовлечения», особенностей квалификации соответствующих деяний и учета специфики субъекта и объекта преступления диктуют потребность в проведении комплексного исследования.

Российское уголовное и административно-правовое законодательство устанавливает правовые основания привлечения к юридической ответственности лиц, склоняющих несовершеннолетних к совершению общественно опасных деяний (статья 151 Уголовного кодекса РФ [1] и статья 6.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) [2].

Для дальнейшего анализа целесообразно предварительно раскрыть понятие «вовлечение». Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 9, термин «вовлечение» обозначает активные действия совершеннолетних субъектов, направленные на формирование намерения у несовершеннолетних совершать уголовно наказуемые деяния или поступки, противоречащие общественной нравственности [3]. Документ выделяет следующие ключевые положения:

— Субъектами уголовного преследования являются исключительно лица старше 18 лет, действующие умышленно, аналогично трактуется состав административного правонарушения согласно статье 6.10 КоАП РФ.

— Под антиобщественным поведением понимается регулярное потребление алкоголя, наркотических препаратов, занятие бродяжничеством или нищенством.

— Если планируемое последствие не было реализовано вследствие обстоятельств вне контроля субъекта, его действия квалифицируются как покушение на преступление (часть 3 статьи 30 УК РФ) совместно со статьями 150 или 151 УК РФ.

Применение административной ответственности в подобной ситуации исключено ввиду отсутствия соответствующих правовых оснований относительно незаконченных административных проступков. Если преступление совершено ребёнком, не подлежащим уголовной ответственности, ответственность полностью возлагается на взрослого, который содействовал такому деянию.

Точное определение термина «вовлечение» и характеристик состава правонарушений, предусмотренных ст. 6.10 КоАП РФ и ст. 151 УК РФ, крайне важны для правильного и эффективного применения законов на практике, особенно при расследовании случаев вовлечения подростков в антиобщественные действия и преступления.

Обсуждение.

Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ [4] определяет антиобщественные действия как совокупность поступков, включающих постоянное использование наркотиков, психотропных и иных токсичных веществ, алкогольных продуктов, занятия проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством, а также прочие виды активности, посягающие на права и законные интересы третьих лиц.

Данное толкование нуждается в пояснении. Прежде всего, приведённые нормы Уголовного кодекса РФ и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не исчерпывающе отражают спектр возможных форм девиантного поведения среди несовершеннолетних. Например, статья 6.10 КоАП РФ не предусматривает санкций за употребление наркотических и психотропных веществ, занятие проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством. Объективная сторона указанного состава не включает обязательный признак повторяемости потребления, что препятствует применению категории «антиобщественные действия» ко всей полноте случаев, подпадающих под указанную статью. Аналогичным образом, статья 151 УК РФ игнорирует проблемы вовлечения детей в проституцию и употребление запрещённых веществ, ограничиваясь лишь вопросами систематического бродяжничества и попрошайничества, одновременно обходя стороной наказание за привлечение ребёнка к потреблению новых потенциально опасных психоактивных соединений. Различия в содержании объективной стороны статей 6.10 КоАП РФ и 151 УК РФ неоднократно становились предметом дискуссий учёных и законодателей. Остаются открытыми вопросы относительно причины выделения вовлечения подростка в процесс курения в отдельную сферу административного регулирования в рамках статьи 6.23 КоАП РФ и невключения этого вида поведения в перечень антиобщественных действий, предусмотренный федеральным законом № 120-ФЗ.

Несмотря на то, что лица, регулярно курящие табак, обычно не проявляют тенденции к антиобщественному поведению и криминальной активности, отрицательные эффекты от курения заключаются преимущественно в ухудшении здоровья. Однако, учитывая восприятие большинством населения курения как социальной нормы, подобное поведение подростка зачастую воспринимается как форма протеста против общественных стандартов.

Известно, что состояние протеста часто становится предвестником дальнейших нарушений закона. При выявлении случаев вовлечения подростков в антиобщественные действия сотрудники полиции и других компетентных органов обязаны разбираться в значениях юридических терминов, таких как «алкогольная продукция», определенной ФЗ № 171-ФЗ, и «наркотические средства», установленных ФЗ № 3-ФЗ.

Нужно чётко разделять понятия «вовлечение в употребление опьяняющих веществ» и «приём наркотических веществ», поскольку последнее само по себе является уголовным преступлением. Список наркотических веществ утверждён Правительством РФ [5], а перечень одурманивающих веществ периодически обновляется. Характерной особенностью процесса вовлечения выступает невозможность его реализации путём пассивного поведения. Такое деяние должно выражаться в активных действиях взрослого индивида, направляющих несовершеннолетнего лица на выполнение антиобщественных актов.

Метод вовлечения играет роль необходимого элемента доказательной базы. Отсутствие установления способа вовлечения лишает процессуальной основы подтверждение факта наличия самого акта вовлечения.

Результаты.

Определив общие характеристики и принципиальные отличия нормативных конструкций, содержащихся в статье 151 УК РФ и статье 6.10 КоАП РФ, перейдем к детальному рассмотрению каждой из них.

По смыслу рассматриваемого положения Уголовного кодекса, под антиобщественными действиями подразумевается систематический приём алкогольных напитков или одурманивающих субстанций, ведение образа жизни бродяги или попрошайки.

Непосредственно защищаемый объект данного состава преступления составляют социальные отношения, обеспечивающие правильное воспитание и полноценное личностное становление несовершеннолетнего. Дополнительным объектом выступают индивидуальные показатели состояния здоровья пострадавшего.

Объективная составляющая преступления, согласно пункту 1 статьи 151 УК РФ, выражается в форме инициирования участия несовершеннолетнего в систематическом употреблении алкогольных и содержащих спирт жидкостей, одурманивающих веществ, ведении бродячего существования или занятия попрошайничеством. Это явление представляет опасность, поскольку следствием регулярного приёма алкоголя становятся нарушения нормального физиологического, духовного и интеллектуального развития молодого гражданина.

Одной из главных проблем применения данной правовой нормы является неясность термина «систематичность» [6, с. 134.]. Неопределённость его трактовки приводит к тому, что признак систематичности распространяется либо на все случаи вовлечения несовершеннолетних в антиобщественные действия, либо только на некоторые из них. Учёные пока не пришли к общему мнению о временных и количественных показателях, позволяющих точно установить наличие систематичности.

Отдельные специалисты предлагают ограничить период систематического вовлечения временными рамками, установленными в статье 4.6 КоАП РФ, соответствующими сроку действия первого взыскания за аналогичные действия. То есть, систематическим считается многократное вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкоголя в короткие сроки. Преступление имеет формальный состав и считается законченным после первого зафиксированного случая такого вовлечения. Родители, вынужденные привлекать своего ребёнка к бродяжничеству из-за тяжёлой жизненной ситуации, освобождены от уголовной ответственности. Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, а субъектом является взрослый, вменяемый гражданин, достигший 18-летнего возраста. Специальная ответственность предусмотрена для родителей, воспитателей и других лиц, обязанных следить за детьми.

За содействие вовлечению несовершеннолетних в антиобщественные действия предусмотрена административная ответственность согласно статье 6.10 КоАП РФ. Эти действия наносят ущерб общественным отношениям, обеспечивающим нормальное физическое и духовное развитие подростков, дополнительно страдает здоровье детей. Нарушение выражается в активных действиях виновного, склоняющего несовершеннолетнего к употреблению алкоголя или одурманивающих веществ через предложения, обещания и подобные меры.

Согласно одной из точек зрения, суд может считать правонарушение завершённым уже тогда, когда подросток выразил согласие на предпринятое действие или сам начал употреблять указанные вещества. Однако такая точка зрения кажется необоснованной, создавая трудности в понимании одинаковых юридических терминов разными отраслями права, что осложняет применение принципов административной преюдиции.

Действия лица, вызвавшие отказ несовершеннолетнего от употребления наркотиков или психотропных веществ по независящим обстоятельствам, должны квалифицироваться по статье 6.13 КоАП РФ. Следует учесть, что регионы иногда вводят дополнительные административные наказания за подобные действия, например, в Костромской области предусмотрена ответ-

ственность за попрошайничество и приставание к людям. [7]. Это приводит к следующим юридическим коллизиям:

— На территории Костромской области вовлечение несовершеннолетнего (выше 16 лет) в попрошайничество квалифицируется одновременно и как уголовное преступление (ст. 151 УК РФ), и как административное правонарушение;

— Несовершеннолетний, начавший заниматься попрошайничеством, должен быть привлечён к административной ответственности, что создает дополнительное негативное воздействие на него, в отличие от других регионов, где подобных норм нет.

Таким образом, складывается несогласованность между федеральным уголовным законодательством и региональным административным правом, что затрудняет единообразное правоприменение и может негативно сказываться на правах и интересах несовершеннолетних.

Для устранения подобных противоречий нужно рассмотреть возможность введения в КоАП РФ общей нормы, которая бы стала нормативным ориентиром для законодательства субъектов Российской Федерации. Такая норма могла бы устанавливать, что вовлечение в совершение административного правонарушения, образующего уголовно наказуемое деяние, является специальным основанием для освобождения от административной ответственности хотя бы для несовершеннолетних участников. Это позволило бы:

— снизить бюрократическое и уголовно-административное давление на несовершеннолетних;

— гармонизировать нормы федерального и регионального законодательства;

— повысить эффективность мер профилактики и индивидуализировать ответственность с учётом возраста и социальной уязвимости.

Заключение.

Таким образом, статья 151 УК РФ рассматривает систематичность как обязательное условие для признания состава преступления, которое отличает его от административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.10 КоАП РФ.

Главная угроза заключается в том, что действия взрослого приводят к формированию у подростка стойкого желания постоянно употреблять алкоголь или наркотические средства. Подобная привычка возникает только в результате неоднократных попыток привлечь несовершеннолетнего к подобным действиям. Поэтому закон требует обязательного признака систематичности, подчёркивая, что единичное или двукратное вовлечение не образует состава преступления.

Подытоживая изложенное, отметим две важные проблемы, отрицательно воздействующие на унификацию практики применения статьи 151 Уголовного кодекса РФ и статьи 6.10 КоАП РФ, а также снижающие эффективность защиты прав несовершеннолетних:

1. В действующем административном законодательстве отсутствует дифференцированное разделение стадий исполнения административного правонарушения, хотя для конструирования состава административного правонарушения необходимо доказать три компонента объективной стороны: агитация (информационная фаза), осознание (психолого-интеллектуальная фаза), собственно антиобщественное, неправомерное действие (материальное воплощение).

2. Анализ лингвистически-юридических формулировок статьи 6.10 КоАП РФ и статьи 151 УК РФ показывает отсутствие единства в описании объективных элементов состава: первая не предусматривает ответственности за бродяжничество и попрошайничество, вторая — за употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ. Для достижения необходимой взаимосвязанности между двумя нормами предлагаем гармонизировать их описания объективных сторон, используя единый стандарт формулировки.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2025). URL : <https://base.garant.ru/10108000/?ysclid=mfq76e31jn923171177> (дата обращения 10.09.2025).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 31.07.2025). URL : <https://base.garant.ru/12125267/?ysclid=mfq77iknp09419211> (дата обращения 10.09.2025).

© Шубакин А.А.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». URL : <https://base.garant.ru/12182757/?ysclid=mfq7876w8r683844100> (дата обращения 10.09.2025).
4. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». URL : <https://base.garant.ru/12116087/?ysclid=mfq792p5tq458104202> (в ред. от 23.07.2025 г.) (дата обращения 10.09.2025).
5. Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (в ред. от 11.06.2025 г.) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации». URL : <https://base.garant.ru/12112176/?ysclid=mfq7a0vl2934477702> (дата обращения 10.09.2025).
6. Сокол Е.В. Понятие систематичности при вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Общество и право. 2014. № 4. С. 134-139. EDN: TAIYML
7. Закон Костромской области от 20.04.2019 № 536-6-ЗКО «Кодекс Костромской области об административных правонарушениях». URL : <https://base.garant.ru/42791642> (дата обращения 10.09.2025).

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 № 63-FZ (as amended dated 07/31/2025). URL : <https://base.garant.ru/10108000/?ysclid=mfq76e31jn923171177> (date of application 09/10/2025).
2. Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 № 195-FZ (as amended. dated 07/31/2025). URL : <https://base.garant.ru/12125267/?ysclid=mfq77iknp09419211> (date of application 09/10/2025).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/01/2011 № 1 «On judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors». URL : <https://base.garant.ru/12182757/?ysclid=mfq7876w8r683844100> (date of application 09/10/2025).
4. Federal Law № 120-FZ of June 24, 1999 «On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency». URL : <https://base.garant.ru/12116087/?ysclid=mfq792p5tq458104202> (as amended dated 07/23/2025) (date of application 09/10/2025).
5. Decree of the Government of the Russian Federation of 30.06.1998 № 681 (as amended dated 11.06.2025) «On approval of the List of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors subject to control in the Russian Federation». URL : <https://base.garant.ru/12112176/?ysclid=mfq7a0vl2934477702> (date of application 09/10/2025).
6. Sokol E.V. The concept of systematicity in involving minors in antisocial acts // Society and Law. 2014. № 4. P. 134–139. EDN: TAIYML
7. The Law of the Kostroma region dated 04/20/2019 № 536-6-West Kazakhstan Region «Code of the Kostroma Region on Administrative Offenses». URL : <https://base.garant.ru/42791642> (date of application 09/10/2025).

Информация об авторе

Шубакин Алексей Алексеевич

начальник кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России;
полковник полиции
shubakin@mail.ru

Alexey A. Shubakin

Head of the Department of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia;
Police Colonel
shubakin@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.03.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.04.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.05.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

(РУБРИКА НЕ ВКЛЮЧЕНА В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК ПРИ МИНОБРНАУКИ РФ)

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-7>

УДК 37

Attribution

cc by

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ястребова О.И., Гарцуева О.А.

*Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал*

Аннотация. Деятельность современной отечественной педагогической науки, как и многих других направлений гуманитарного знания, направлена на решение многочисленных проблем в процессе формирования личности гражданина российского общества, не только обладающего многочисленными позитивными индивидуальными качествами, но и способного быть активным субъектом его прогрессивного развития. Именно поэтому авторами данного исследования акцентируется внимание на одном из сложных периодах первичной социализации личности – возрасте несовершеннолетия, в котором идет процесс формирования многих её социально значимых качеств и, в частности, правового сознания. В данном исследовании авторами акцентируется внимание, как на структурных элементах правосознания, так и на факторах как стимулирующих этот процесс, так и оказывающих деформирующее на него влияние. В завершение публикации делаются выводы, в основе которых заложена идея коллективной ответственности всех акторов образовательного и воспитательного процесса за формирование у несовершеннолетних такого уровня их правосознания, которые будут стимулировать у них высокую гражданскую ответственность за обеспечение и сохранение в российском обществе устойчивого правового порядка.

Ключевые слова: правосознание, возраст несовершеннолетия, социально-педагогические технологии, правопорядок, правовое воспитание, педагог-наставник.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIAL AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES OF FORMATION OF LEGAL AWARENESS IN MINORS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Oksana I. Yastrebova, Oksana A. Gartsueva

V.M. Lebedev Russian State University of Justice, North Caucasus branch

Abstract. The activities of modern Russian pedagogical science, as well as many other areas of humanitarian knowledge, are aimed at solving numerous problems in the process of forming the personality of a citizen of Russian society, who not only possesses numerous positive personal qualities, but is also capable of being an active subject of its progressive development. This is why the authors of this study have focused on one of the most challenging periods of primary socialization of an individual – the age of adolescence, during which many of their socially significant qualities, including their legal consciousness, are being formed. In this study, the authors focus on both the structural elements of legal consciousness and the factors that both stimulate this process and have a deforming effect on it. The article concludes with a set of recommendations based on the idea of collective responsibility of all actors in the educational and upbringing process for shaping the legal consciousness of minors in a way that encourages them to take a high level of civic responsibility for ensuring and maintaining a stable legal order in Russian society.

Keywords: legal awareness, juvenile age, socio-pedagogical technologies, law and order, legal education, and mentor teachers.

Funding: Independent work.

Введение.

Тема данного исследования сохраняет высокую актуальность на протяжении практически не только всего времени противостояния капиталистической и социалистической систем, а также в современных условиях, когда наша страна, пройдя через очередной этап радикальных преобразований с середины до конца 1980-х гг., озаменованный в советской историографии как «Перестройка» с последовавшим за ней распадом СССР и вступлением, теперь уже нового субъекта международного права, Российской Федерации, в так называемый постсоветский период своего развития, ключевая идея которого её новым политическим руководством презентовалась населению страны как транзитию российского общества от тоталитарной модели государственного управления к общечеловеческим ценностям, демократии, от плановой к рыночной экономике, политическому плюрализму и т.д.

Как хорошо известно представителям старшего и последующего поколений, эти революционные, по своим масштабам, преобразования сопровождались системным кризисом, поразившим практически все сферы государственной и общественной жизни не только нашей страны, но и всего постсоветского пространства, на фоне которого в политической, социально-экономической, в духовно-нравственной сферах и ценностном мировосприятии в массовом сознании наших соотечественников протекал болезненный процесс адаптации к новым жизненным реалиям. Его последствия не заставили долго себя ждать, и выразились они не только в политическом и правовом вакууме в системе власти, но и в деформации массового сознания практически всех возрастных и социальных групп российского населения.

И как представляется авторам данного исследования, глубина и продолжительность кризисных процессов, особенно на уровне обыденного сознания наших соотечественников в их восприятии действительности, был связан с попыткой новых «демократических» элит страны, под покровом их западных кураторов, навязать им западную либеральную мораль, поведенческие и мировоззренческие стандарты, противоречившие исторически сложившимся в России на протяжении многих веков традициям, культуре, образу жизни, общественным отношениям.

Таким образом, закономерным следствием этих трансформаций стала очередная для новейшей истории нашей страны смена парадигмы цивилизационного развития, сопровождавшаяся ее включением в глобальные мировые процессы, сменой ценностных ориентиров, когда такие исторически устоявшиеся в обществе ценности, как любовь к своей Родине, осознание долга перед Отечеством, безвозмездное служение своей стране перестали быть основополагающими для российских граждан. На первый план вышли материальные блага, порожденные ли-

беральной идеологией потребительского общества, в котором материальное благополучие стало доминировать над духовностью, идея сопереживания уступила место эгоцентризму, а такие, казалось бы, непоколебимые ценности, как любовь, семья, воспитание детей, были вытеснены половыми девиациями, однополыми браками. Стало модно жить как потребитель [18].

Главным же «воспитателем» будущих граждан практически целое десятилетие была стихия социальной среды с её духовными, нравственными, экономическими, политическими, социальными потребностями, которые формируют катастрофическое сознание и агрессивный тип поведения [19].

И если представители старших поколений сохранили достаточно устойчивый иммунитет к этим деструктивным источникам манипулирования их сознанием и жизненными стратегиями, то молодое поколение оказалось под их губительным влиянием, в связи с чем, мировосприятие этой возрастной группы подверглось системной деформации под влиянием, в том числе и искаженных представлений о западном образе жизни, как о бесконтрольном со стороны государства и общественной морали способе самовыражения, что спровоцировало в молодежной среде всплеск противоправного поведения и таких форм социальной девиации, как наркомания, токсикомания, проституция, нетрадиционные взаимоотношения между полами, попадание под влияние представителей деструктивных молодежных субкультур.

Несмотря на негативное влияние на массовое сознание наших соотечественников западного образа жизни и морали, которое, особенно, в первые полтора десятка лет постсоветской истории нашей страны носило тотальный характер в контексте доминировавшей в то время идеологии однополярного мира, руководству нашей страны удалось вовремя осознать пагубность западноориентированной модели в своей политике, консолидировав усилия институтов государственной власти и гражданского общества на организацию противостояния коллективному Западу и изменения стратегического вектора внутренней и внешней политики России в направлении обеспечения её национальной безопасности, сохранения традиционных ценностей и их защиты от внешнего посягательства.

Особого внимания, в контексте этого нового политического курса российского руководства, требовало молодое поколение, которое оказалось под наиболее пагубным влиянием как внешних, так и внутренних деструктивных сил. А как свидетельствует опыт прошедших десятилетий, наиболее незащищенной от воздействия на неё идеологов западной либеральной морали оказались представители той возрастной группы молодежи, к которой относятся несовершеннолетние в силу многочисленных причин, в том числе и в связи с недостаточно развитым у них право-

вым сознанием, исследованию механизмов формирования, которого у них с использованием социально-педагогических технологий и будет посвящено данное исследование.

Обсуждение. Результаты.

Как нам представляется, обеспечения системного подхода к раскрытию содержания темы нашего исследования, можно добиться, начиная с раскрытия сущности, содержания и структуры понятия «правосознание».

Из проанализированных нами трактовок этого термина, представленных А.Р. Ратиновым [3], В.А. Рыбаковым [1], А.Г. Маклером [2], В.А. Самойловой и Л.А. Ясюковой [4, с. 79], нами отдан приоритет определению правосознания, данного А.Р. Ратиновым, как наиболее содержательному, который его трактует как сферу общественного и индивидуального сознания, отображающего правовую действительность в форме юридических знаний и умений ими пользоваться, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях [3, с. 209–210].

Подавляющее большинство исследователей этой темы сходятся во мнении о том, что формирование правового сознания является важным элементом социализации личности, обеспечивающим ее успешную интеграцию в общество и способность соблюдать его законы и нормы [1], как и утверждение о том, что в условиях динамично меняющегося правового пространства, обусловленного глобализацией, технологическим прогрессом и цифровизацией, актуальность исследования проблем правового воспитания молодежи приобретает особую значимость [2].

Если вести речь о структуре и уровнях правосознания, то ими выделяются:

- **правовые знания**, включающие в себя основные положения конституционных и основополагающих норм федерального законодательства и отраслевых кодексов; ориентацию в иерархии нормативно-правовых актов; информированность о деятельности законодательных органов;
- **правовая идеология** — совокупность взглядов и представлений, отношение человека к правовым знаниям через фокус определённой системы ценностей, из которых складываются основные принципы правосознания;
- **правовая психология**, формирующаяся из ощущений, чувств, привычек и эмоций, которые выражают отношение различных социальных групп к правовой системе и законам;
- **поведенческий элемент**, который выражается в правовых установках; то есть, в психологической готовности человека к правомерному поведению. И наоборот, антиправовая установка демонстрирует неприятие правовых норм и

предрасположенность к противоправному поведению [5].

В связи с тем обстоятельством, что правосознание может быть выражено в виде отношения к правовым явлениям на индивидуальном, групповом и общественном уровнях, то и в его структуре традиционно выделяются такие его виды, как:

Индивидуальное правосознание — совокупность эмоций, взглядов, оценок права, присущих каждому отдельному человеку, на качественные характеристики которого влияют общий уровень культуры и образования индивида, его социальное положение.

Групповое правосознание — отражает особенности правосознания различных социальных групп, общность их правовых взглядов и интересов.

Общественное или массовое правосознание — оно характерно для больших социальных групп или общества в целом [9].

В зависимости же от уровня правосознания; то есть, от глубины отражения правовой действительности, выделяют его следующие уровни:

- **обыденное правосознание**. Оно формируется личным жизненным опытом человека, имеет поверхностный и бессистемный характер;
- **профессиональное правосознание**. Складывается в ходе специальной подготовки и осуществления юридической деятельности. Этот уровень правосознания присущ юристам;
- **научное (теоретическое) правосознание**, которое основывается на исследованиях и широких правовых обобщениях. Характерно для научных работников, изучающих вопросы права и правового регулирования общественных отношений [5].

Таким образом, в процессе социализации на индивидуальном и коллективном уровнях индивид и группа испытывают на себе, поэтапно, влияние выше отмеченных факторов, стимулирующих формирование индивидуального и группового правосознания; и как отмечают представители различных направлений научного знания, его основы закономерно формируются, начиная с раннего возраста, а его фундаментальные основания закладываются уже на этапе первичной социализации в период несовершеннолетия, в подростковом и юношеском возрасте. Именно на этом этапе жизни молодых людей в современном российском обществе акцентируется внимание представителей педагогического, психологического, медицинского и других сфер научного знания с учетом многочисленных проблем, с которыми столкнулись представители молодых поколений в переходной период новейшей российской истории и продолжают испытывать их давление в настоящее время.

Как отмечает А.А. Жигулин, структура правосознания молодежи имеет традиционную форму и состоит из двух составляющих – рациональной и эмоциональной. Однако её особенностями, с одной стороны, является низкий теоретический уровень рациональной составляющей вследствие отсутствия у большинства молодых людей систематических знаний о праве и правовом регулировании, что приводит к поверхностности оценок правовой действительности; с другой стороны, в сфере правовой психологии для подростков характерна эмоциональная неустойчивость и незрелость [12].

Заслуживает, по нашему мнению, точка зрения В.Г. Балковой и П.И. Курпас, полагающих, что в условиях современного общества на состояние правосознания молодежи в подростковом и юношеском возрасте влияют следующие факторы.

Первым из них они выделяют «Интернет», а также различные социальные сети, сделавшие информацию доступной и мобильной, но поставивших проблему ее качества и достоверности, когда неофициальные СМИ в борьбе за просмотры нередко размещают на своих страницах экстремистские лозунги, фотографии и фильмы сценами насилия, фотоотчеты о кровавых преступлениях, иную психотравмирующую информацию, подрывающую доверие к российскому государству и его правовой системе. В особой опасности находятся молодые люди, не имеющие еще сформированного навыка критического анализа информации и её проверки; все это деструктивно воздействует на их правосознание [11].

В то же время, как полагает А.Г. Маклер, социальные сети могут быть использованы для формирования правового сознания высокого качественного уровня. Для этого необходимо разрабатывать и внедрять в развлекательные приложения игры и программы, направленные на его развитие. Такие ресурсы должны предлагать интерактивные сценарии, моделирующие правовые ситуации, и предоставлять пользователям возможность принимать решения в рамках правовых норм. Это позволит не только развлечь подростков, но и способствовать их правовому просвещению [2].

Вторым фактором ими определяется влияние «звезд» или «селебрити» – людей, популярных в обществе, к мнению которых молодежь активно прислушивается. Нередко современные артисты и музыканты в своем творчестве и поведении, в борьбе за популярность, используют эпатаж, подчеркивая свою свободу от общественного поведения. Добиваясь этого, они нередко популяризируют противоправное поведение, создают внешне притягательный образ героя, способного противостоять закону. Такое творчество, фактически, является пропагандой противоправного поведения, что препятствует нормальному правовому воспитанию молодежи [11].

Третьим фактором, влияющим на правосознание несовершеннолетних, данными исследователями определяется снижение общего уровня образования вследствие эпидемии COVID-19. В результате, на всех его уровнях начали внедряться дистанционные формы обучения, менее приспособленные к формированию личности, чем его традиционные формы, потому что, в чем убеждены авторы, дистанционно можно передавать знания, но не формировать правомерную модель поведения [11].

Таким образом, систематическая правовая социализация начинается в подростковом возрасте, в котором у индивида появляется необходимость понять окружающий мир, определить своё место в нём, выработать собственное отношение к существующим общественным нормам, ценностям, когда познание мира у него начинает носить осмысленный характер. К особенностям же этого периода жизни подростка относят то обстоятельство, что он включается в новую систему отношений, в которой значимую роль играют не только взрослые, но и сверстники. Формирование эго-идентичности («Я-концепции») в данном возрасте предполагает необходимость опоры на какие-либо нормы, понимание того, что подросток принадлежит к определённой группе [6]. Именно в это время, по мнению Т.С. Панченко, у него наблюдается развитие оценочных суждений о мире, о себе и других, что является основой формирования оценочного компонента правосознания. Вместе с этим, для мышления подростков характерны категоричность суждений, повышенная критичность; то есть, те факторы, которые препятствуют адекватной оценке ими правовой реальности, что объясняется таким обстоятельством, как ограниченное пространство практической деятельности подростков, сводящемся, в основном, к учебе и общению со сверстниками и взрослыми. Опыт же взаимодействия, деятельности в правовой сфере у подростков отсутствует, и знания о ней они приобретают в ходе учебной деятельности [6].

В то же время, несмотря на недостаточную развитость правового сознания в подростковом возрасте, А. Ратинов и Г. Ефремова указывают на то, что у подростков образовывается более-менее стойкая внутренняя ценностно-нормативная модель («правовая концепция») личности [7, с. 47].

Таким образом, в этот период жизни у подростка происходит систематизация первичной правовой социализации, накапливаются теоретические правовые знания, вырабатываются правовые установки и приобретается первичный опыт, связанный с нормативной системой общества. При этом следует отметить, что установки, формируемые в данном возрасте, недостаточно устойчивы, как и вся личность подростка.

Указанная особенность подросткового возраста является одной из причин того, почему именно

этот период жизни является наиболее опасным для формирования противоправного поведения [6].

Исходя из выше изложенного, мы приходим к выводу о том, что основополагающим этапом правовой социализации, а, следовательно, и становления правосознания индивида, является юношеский возраст, поскольку именно в это время формируется самосознание, социальное сознание, ценностно-правовые установки личности, которые будут определять направление дальнейшего её развития на протяжении последующей жизни [8, с. 24–25].

Самоопределение, которое характерно для возраста несовершеннолетия, включает, как один из его компонентов, осознание подростком себя как члена общества, принятие своего места в нём, что предполагает и формирование у него того или иного типа правового сознания [6].

Таким образом, периодами формирования правового сознания являются подростковый и юношеский возраст, когда происходит интенсивное формирование ценностно-нормативной системы личности, накопление ею общественно значимых качеств и социальной активности, что является основой для формирования у неё развитого правосознания и обуславливает необходимость влияния на процесс его формирования в желаемом для социума направлении всех институтов правовой социализации.

В продолжение темы нашей публикации, обращаем внимание читательской аудитории на результаты исследования правосознания у современных российских подростков, опубликованные в 2026 г. А.Г. Маклером [2], по мнению которого, правосознание представляет собой ключевой элемент правовой системы, являясь психологической основой для реализации правовых норм. Оно тесно связано с фундаментальными ценностями общества, которые находятся под защитой закона. Правосознание отражает совокупность представлений, убеждений и установок индивида относительно права и его роли в общественной жизни. Сущность же правосознания, по его мнению, базируется на принципах справедливости и безопасности, при этом, не игнорируя права и свободы личности [2].

Исходя из вышесказанного, автор полагает, что исследование проблем правового сознания у подростков требует:

- комплексного подхода, включающего анализ существующих правовых норм, изучение практики их применения, а также разработку эффективных стратегий правового воспитания подростков;
- формирования у них устойчивой системы ценностей, включающей уважение к правам и свободам других людей, доверие к институтам правопорядка и государственным структурам,

понимание принципов справедливости и осознание важности дисциплины [2].

Эти элементы, по мнению А.Г. Маклера, являются фундаментальными для развития правовой культуры и обеспечения правопорядка в современном обществе, потому что одной из его ключевых проблем является недостаточная разработанность методов и стратегий, направленных на повышение уровня социально-психологической адаптации граждан к правовым нормам и требованиям социальной реальности. Это обстоятельство создает условия для роста правового нигилизма и девиантного поведения [2].

В результате проведения комплексного анализа статистических данных из официальных источников за период с 2010 по 2020 гг., А.Г. Маклер отмечает позитивные изменения, происходящие в криминогенной ситуации в Российской Федерации в эти годы, в том числе снижение числа преступлений, в которых участвовали лица, не достигшие совершеннолетия, что свидетельствует о положительных изменениях в криминогенной ситуации среди молодежи, а также, по его мнению, обусловлено как правовыми, так и социально-экономическими факторами [2].

Несомненный интерес у читателей, как нам представляется, должны вызвать материалы проведенного автором опроса подростков о характере их эмоционального отношения к различным аспектам правосознания, по результатам которых А.Г. Маклером отмечается, что основные категории, к которым подростки демонстрируют положительное отношение, включают семью (66,9 %) и просветительские мероприятия, направленные на повышение осведомленности о законах РФ (20,5 %), что свидетельствует как о высокой значимости семейных ценностей и поддержки со стороны семьи для подростков, так и об их интересе к правовым аспектам и желание быть информированными.

Как отмечает автор, помимо выше названного, большинство респондентов демонстрируют положительное отношение к категориям «Медицина» (25,4 %), «Образование» (28,7 %). В то же время, отрицательное отношение со стороны подростков наблюдается к категориям «Хулиган» (48,3 %), «Преступник» (60,4 %) и «Наркотические вещества» (48,3 %). Эти результаты свидетельствуют о наличии среди них устойчивых социальных установок.

Также в рамках исследования А.Г. Маклером был проведен анализ знаний правовых норм у подростков с использованием методики «Незавершенные предложения», в результате которого большинство респондентов (70,9 %) осознают, что их права могут быть нарушены. Они осведомлены о своих правах в образовательной среде и считают, что дополнительные платежи за образование лишают смысла само понятие «бесплатное образование». Также подростки выражают обеспокоенность качеством бесплатной медицины.

© Ястребова О.И., Гарцуева О.А.

Анализ ответов на вопрос о том, что такое преступление, показал, что большинство респондентов (61,3 %) связывают преступление с нарушением прав человека и насильственными действиями. Они считают, что причинами преступлений могут быть как индивидуальные черты характера, так и потребности человека [2]. В то же время, 39,8 % подростков не знали, что в Российской Федерации совершеннолетие наступает в 18 лет, что свидетельствует об их недостаточной осведомленности о действующих в стране правовых нормах [2].

Анализ ответов на вопрос о нарушении чужих прав показал, что 33,8 % подростков признались, что могут совершить преступление. Они связывают это с состоянием алкогольного или наркотического опьянения (48,8 %), или с наличием какой-либо потребности (38,4 %). Это указывает на недостаточность контроля с их стороны за собственным поведением и на необходимость повышения правовой грамотности подростков [2].

Подводя промежуточный итог, автор отмечает, что анализ данных, полученных в ходе теоретических и экспериментальных исследований, позволил провести объективную оценку уровня правового сознания несовершеннолетних в социальной реальности и прийти к выводу о том, что современное поколение обладает представлениями о своих правах, осознает вред преступлений и моральные ценности, характерные для современного общества, однако, несмотря на это, в правосознании подростков сохраняются элементы деформации, проявляющиеся в готовности к совершению противоправных действий, противоречащих культурным и нравственным нормам, что является одной из ключевых проблем, требующих комплексного подхода к её решению, потому что она является важным фактором, способствующим развитию таких негативных социальных явлений среди несовершеннолетних, как наркомания, алкоголизм, игромания и другие формы девиантного поведения, которые, в свою очередь, являются предпосылками для совершения преступлений [2].

Резюмируя вышесказанное, мы, среди реальных источников угроз управляемому процессу формирования правосознания у подростков выделяем такой их источник, как деформацию правосознания - искажение позитивных правовых взглядов, идей и установок, неправильное их формирование, а также недостаточное развитие, как у отдельных индивидов, так и у социальных групп, влекущее негативные последствия в поведении людей [13]. В их структуре, чаще всего, выделяются правовой инфантилизм, правовой идеализм, правовой нигилизм, правовой радикализм и правовой делитантизм, актуальные для современного российского общества.

Так, правовой инфантилизм (недостаточность правовых знаний, отсутствие четких правовых установок) и правовой нигилизм (отрицание со-

циальной ценности права, неприятие правовых предписаний) [13] получили широкое распространение среди несовершеннолетних из-за их внушаемости, подверженности общему социальному мнению, следованию «трендам» и «моде». Низкий уровень теоретических знаний о праве, узость жизненного опыта и отсутствие критического мышления не дает молодым людям грамотно трактовать и осознавать те или иные социальные и правовые явления, что лишает их собственного мнения и лишь создает его иллюзию [11].

Одним из крайних проявлений правового нигилизма является правовой радикализм (чрезмерная и агрессивная уверенность в своей правоте и неприятие иных точек зрения, крайних в сфере права и правовой системы [14, с. 88]), который, зачастую, принимает разрушительные формы и может перерасти в экстремизм.

Не меньшие потенциальные угрозы и для несовершеннолетней молодежи, и для общества представляют и такие формы деформации правосознания, как:

Правовой идеализм - преувеличение ценности права и его роли в разрешении социальных конфликтов, идеализация права и завышенные ожидания от правового регулирования.

Правовой дилетантизм – небрежное отношение к юридическим ценностям, вольное обращение с текстами правовых актов в силу общего невысокого уровня знания права [14, с. 78].

Именно поэтому важно изживать подобные явления, повышать и поддерживать высокий уровень правосознания у граждан, развивать систему правового воспитания, в основе которой должны быть положены ценности современной правовой культуры [10].

Для эффективного противодействия деформации правового сознания у несовершеннолетних рядом специалистов предлагается активизировать профилактические меры, направленные на формирование у них правосознания. Одним из ключевых направлений, в этом контексте, должно стать проведение просветительских мероприятий, направленных на популяризацию законодательства среди молодежи. Это позволит не только снизить уровень преступности среди несовершеннолетних, но и будет способствовать формированию более ответственного и законопослушного общества в целом [2].

По убеждению А.Г. Маклера, реализация предложенных мер может принести значительные экономические выгоды для страны, потому что снижение уровня преступности среди несовершеннолетних приведет к уменьшению затрат на правоохранительные органы, судебную систему и систему исполнения наказаний. Кроме того, формирование правосознания у молодежи будет стимулировать повышение у них социальной активности и вовлеченности в общественную

жизнь, что, в свою очередь, будет способствовать экономическому развитию страны [2].

Подводя промежуточный итог нашего исследования, мы приходим к выводу о том, что правосознание является одним из структурных элементов устойчивого развития не только правовой системы, но и государства и общества в целом. Именно поэтому научным сообществом уделяется пристальное внимание как механизмам формирования правосознания на личностном и коллективном уровнях с использованием государственных и общественных ресурсов, так и выявлению субъектов, требующих наиболее пристального внимания со стороны органов государственной власти, представителей науки и институтов гражданского общества в столь сложный для нашей страны исторический период времени.

И как следует из выше изложенного, наибольшее внимания и коллективной поддержки следует уделять в настоящее время именно представителям молодого поколения, которое является объектом деструктивного влияния со стороны не только коллективного Запада, но и многочисленных контрагентов социализации личности внутри нашей страны. Эти обстоятельства требуют комплексного подхода к процессу формирования правосознания у молодого поколения, начиная с подросткового возраста с использованием, в том числе и социально-педагогических средств воздействия на несовершеннолетнюю молодежь. Поэтому в данной части нашего исследования мы сконцентрируем свое внимание на этом круге проблем, исходя из понимания того, что формирование правового сознания является сложным и многогранным процессом, включающим воспитание, обучение и активное взаимодействие с различными социальными институтами. Ключевую роль в этом процессе играют образовательные учреждения, где преподавательский состав применяет современные интерактивные методы обучения, способствующие глубокому пониманию правовых норм и принципов. Особое внимание следует уделить разработке дополнительных образовательных курсов и практических кейсов, которые позволяют подросткам анализировать жизненные ситуации, требующие применения правовых знаний. Такой подход способствует формированию психологической базы, включающей навыки переживания, сочувствия и эмпатии, что является важным элементом формирующейся у них правовой культуры [2].

Семья, школа и неформальные группы играют важнейшую роль в формировании психической деятельности человека и сохранении в обществе традиционных ценностей. В частности, семья является первичным институтом социализации, оказывающим значительное влияние на формирование личности подростка, поэтому деформация его правосознания может быть связана с семейными принципами, мировоззрением и культурными установками, которых придерживаются члены семьи. Даже в благополучных се-

мьях могут возникать предпосылки для искаженного толкования правовых норм, что может привести к совершению преступлений. Поэтому профилактика правового нигилизма должна начинаться с педагогического и профилактического воздействия на взрослое поколение, благодаря чему, регулирование правового сознания у взрослых создаст благоприятную почву для его усвоения на бессознательном уровне и у подрастающих поколений.

Для достижения этих целей, как полагают правоведы, педагоги и психологи, необходимо разработать программы просветительской деятельности, направленные на повышение правовой грамотности населения. Важно использовать в этой сфере деятельности эмоционально-ценностные инструменты, которые помогут усилить понимание и принятие правил и норм поведения в обществе. Это позволит не только повысить уровень правовой культуры общества, но и способствовать формированию в нём уважительного отношения к закону и правопорядку [2].

Одним из важнейших направлений формирования правового сознания молодых людей в период несовершеннолетия, по убеждению Д. И. Васиной, выступает их правовое воспитание, которое должно быть направлено на формирование системы правовых знаний, представлений и правовых убеждений в необходимости, справедливости правовых предписаний, а также на формирование в правосознании каждого подростка внутренней устойчивой основы, с помощью которой он мог бы в будущем правильно ориентироваться в сфере правовых отношений [15, с. 24]. И как полагает этот исследователь, при решении задач правовой социализации молодежи необходимо ориентировать их правосознание на адекватную оценку происходящих в обществе процессов, научить понимать законы, воспринимать их как защиту своих законных интересов и умело ориентироваться в острых жизненных ситуациях, вовремя чувствовать опасность преступить грань закона [15, с. 24].

Будучи социально-правовой категорией, правовое воспитание включает в себя:

- 1) наличие правовых ориентиров, правовых установок, жизненных планов и профессиональных намерений;
- 2) степень правовой сознательности и дисциплинированности по отношению к правовому воспитанию и правовой социализации в целом;
- 3) уровень развитости правовых знаний, юридических навыков, умений, разнообразие и глубину законных интересов;
- 4) адекватное отношение к воздействию на них инструментов правового воспитания;
- 5) способность уважать нормы права и закон, критически, в соответствии с нормами морали и права, оценивать поступки окружающих – дру-

зей, сверстников, одноклассников и других членов общества – вне зависимости от их правового статуса;

6) самокритичность, наличие навыков правового анализа той или иной жизненной ситуации;

7) внимательность, чуткое отношение к окружающим, способность к сопереживанию;

8) волевые качества – умение самостоятельно принимать решения и преодолевать при этом возникающие трудности;

10) усвоенную правовую культуру поведения [15, с. 24–25].

Помимо духовно-нравственных качеств, на изменение которых ориентировано правовое воспитание, ребенок уже в подростковом возрасте, по мнению Д.И. Васиной, должен приобрести такие правовые качества, как правовые знания, профессиональные умения, правовые навыки, привычки правомерного поведения и потребности в правовой культуре и высоком уровне правосознания, правовой опыт нормативного социально-правового общения [15, с. 27], на что должна быть ориентирована система общего среднего образования на формирование у учащихся представлений о таких структурных элементах правовых знаний, как:

1. О праве как системе норм: нормы права не должны противоречить друг другу, должны сочетаться с другими социальными нормами (нормами морали, корпоративными нормами), но при господстве правовых норм.

2. О правоотношениях: общественных отношениях, нуждающихся в правовом регулировании, которые должны быть урегулированы нормами права. К ним относятся такие отношения, как типичность, подконтрольность и наличие противоположных интересов.

3. О правосознании: у учащихся должен быть достаточный для их возраста уровень правовых знаний и уважения к праву. Деформации правосознания должны быть преодолены путем правового образования и правового воспитания [16, с. 21–22].

С целью повышения правовых знаний у учащихся, Г.С. Глебова предлагает проводить в школах уроки правовых знаний, викторины, встречи с представителями правоохранительных органов. Детские арбитражи, юридические консультации, деловые игры с правовым содержанием, активные формы пропаганды юридических знаний, также, по её мнению, являются действенными инструментами повышения правовой культуры у несовершеннолетних [16, с. 23].

Мы выражаем солидарность с той группой исследователей, выражающих убежденность в том, что формирование правосознания у под-

ростков является неотъемлемой частью их духовно-нравственного воспитания, формирования у них гражданско-патриотического сознания, способствующего их ответственному подходу к решению жизненных ситуаций на основе традиций и норм морали. И, в этом контексте, определяющая роль принадлежит системе образования, которая является главным институтом социализации несовершеннолетних, где происходит развитие личности и формирование у детей и подростков ценностей, жизненных установок, правил поведения, правовой компетентности, соответствующих общепринятым нормам морали и нравственности, текущим условиям социального развития. В связи с этим, организации, осуществляющие образовательную деятельность, обеспечивают формирование законопослушного поведения несовершеннолетних от стадии подражания нормативному поведению до стадии формирования законопослушной личности [17].

И в этом процессе весомое значение играет роль педагога – наставника, обладающего высокой нравственностью и способностями в организации образовательного процесса, а также верой в достижения собственных подопечных, являющегося примером для обучающихся. Именно благодаря этим качествам, педагогам-наставникам предоставлена возможность воспитания высококультурных молодых людей с высокими моральными ценностями, развитыми правовым сознанием и правовой культурой, способствовать формированию у них собственной картины мира [20].

Заключение.

Завершая наше исследование, мы пришли к осознанию того, что процесс формирования личности патриота и гражданина неразрывно связан с институтами государственной власти, гражданского общества, семьи, науки и образования, на которые возложена первоочередная ответственность за формирование гармонично развитой личности, обладающей устойчивым иммунитетом к деформирующему на неё влиянию контроллов социализации как внутри общества, так и из-за его пределов. И одним из условий, оказывающих определяющее позитивное воздействие на этот процесс, является развитие правосознания и правовая культура человека, социальной группы и общества в целом. Основополагающим же фундаментом этих качеств является период жизни молодых поколений, который характеризуется как возраст несовершеннолетия, в котором, как мы определили в нашей публикации, принимают непосредственное участие все вышеназванные нами в её заключительной части многочисленные структуры, сбой, формализм, некомпетентность или неkoordinированность в деятельности которых может оказать неблагоприятное влияние на ход и результаты этого процесса.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Рыбаков В.А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник Омского университета. Серия «право»: журнал. 2015. № 3. EDN: ULEYGJ
2. Маклер А.Г. Правосознание современных подростков. URL : https://www.b17.ru/article/avosoznanie_sovremennyh_podrostkov/?ysclid=mox7n81jmk585744333
3. Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые его исследования // Методология и методы социальной психологии / А.Р. Ратинов; Отв. ред. Е.В. Шорохова. М. : Наука, 1977. С. 201–214.
4. Самойлова В.А. Состояние и тенденции развития правосознания в современном российском обществе / В.А. Самойлова, Л.А. Ясюкова; Под ред. В.Е. Семёнова // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 78–10. EDN: UIZUHJ
5. Правосознание и правовая культура. URL : <https://foxford.ru/wiki/obschestvoznanie/vidy-i-predposylki-pravomernogo-povedeniya?ysclid=mox79xowz167039129>
6. Панченко Т.С. Возрастные особенности как фактор формирования правосознания личности // Гуманитарный вектор. 2014. № 1(37). Психология. С. 143–148. EDN: RXOHJJ
7. Ратинов А.Р. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 256 с.
8. Калиновский Г.А. Структура правовой культуры и факторы её трансформации. Ростов-н/Д. : Дон, 2001. 96 с.
9. Кожевников В.В. Виды правосознания в правоведении и возможная их деформация / В.В. Кожевников, В.О. Зверев, Л.И. Войнаровская // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28. № 1 (92). С. 97–102. DOI: 10.24412/1999-6241-2023-192-97-102 EDN: ESUXSI
10. Правосознание и правовая культура. URL : <https://foxford.ru/wiki/obschestvoznanie/vidy-i-predposylki-pravomernogopovedeniya?ysclid=mox79xowz167039129>
11. Балковая В.Г. Особенности правосознания молодежи в современной России / В.Г. Балковая, П.И. Курпас // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 5А. С. 16–24. DOI: 10.34670/AR.2022.90.64.002 EDN: UXVKSL
12. Жигулин А.А. Правовое сознание молодежи // Территория науки. 2016. № 1. С. 31–35. EDN: VSZMLR
13. Колтунова В.И. Правосознание и его деформации / В.И. Колтунова, В.А. Зайцев // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9(225). DOI: 10.47643/1815-1337_2023_9_31 EDN: WGUQUE
14. Сенин И.Н. Деформации правосознания и пути их преодоления // Эпоха науки. 2017. № 12. DOI: 10.1555/2409-3203-2017-0-12-87-91 EDN: ZXRDDN
15. Васина Д.И. Особенности правовой социализации личности в юношеском возрасте // Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2019. 69 с.
16. Глебова Г.С. Формирование правовых знаний у подростков в общеобразовательной организации // Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2018. 70 с.
17. Методические рекомендации по совершенствованию деятельности образовательных организаций по формированию законопослушного поведения несовершеннолетних. URL : <https://mskissn.ru/wp-content/uploads/2025/10/metodicheskie-rekomendacii-po-zakonoposlushnogo-povedeniya.pdf?ysclid=mpcovlgy5384168308>
18. Патриотизм и его место в современном российском обществе: комплексный анализ / М.Ю. Попов [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2026. № 4. С. 121–131. DOI: 10.24412/2220-2404-2026-4-38 EDN: MVNMPT
19. Андреев Э.М. Принципы патриотического и гражданского воспитания в современном российском обществе / Э.М. Андреев, Т.С. Колябина // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 7. С. 5–9.
20. Попов М.Ю. Кризис духовности в современной России: динамика и перспективы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6(1). С. 90–96. EDN: TZBPRR

References:

1. Rybakov V.A. Legal awareness: on the issue of the concept // Bulletin of Omsk University. Pravo Series: magazine. 2015. № 3. EDN: ULEYGJ
2. Makler A.G. Legal awareness of modern adolescents. URL : https://www.b17.ru/article/avosoznanie_sovremennyh_podrostkov/?ysclid=mox7n81jmk585744333
3. Ratinov A.R. The structure of legal consciousness and some of its research / A.R. Ratinov; Ed. by E.V. Shorokhova // Methodology and methods of social psychology. M. : Nauka, 1977. P. 201–214.

4. Samoilova V.A. The state and trends of the development of legal awareness in modern Russian society / V.A. Samoilova, L.A. Yasyukova; Edited by V.E. Semenov // Social and mental trends of modern Russian society. SPb. : Publishing House of St. Petersburg University, 2005. P. 78–10. EDN: UIZUHJ
5. Legal awareness and legal culture. URL : <https://foxford.ru/wiki/obschestvoznaniye/vidy-i-predposylki-pravomer-nogo-povedeniya?ysclid=mox79xowz167039129>
6. Panchenko T.S. Age-related features as a factor in the formation of a person's legal consciousness // Humanitarian Vector. 2014. № 1(37). Psychology. P. 143–148. EDN: RXOHJJ
7. Ratinov A.R. Legal psychology and criminal behavior. Theory and methodology of research. Krasnoyarsk : Publishing house of Krasnoyarsk University, 1988. 256 p.
8. Kalinovskiy G.A. The structure of legal culture and the factors of its transformation. Rostov-on/D. : Don, 2001. 96 p.
9. Kozhevnikov, V.V. Types of legal awareness in jurisprudence and their possible deformation / V.V. Kozhevnikov, V.O. Zverev, L.I. Voynarovskaya // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2023. Vol. 28. № 1 (92). P. 97–102. DOI: 10.24412/1999-6241-2023-192-97-102 EDN: ESUXSI
10. Legal awareness and legal culture. URL : <https://foxford.ru/wiki/obschestvoznaniye/vidy-i-predposylki-pravomer-nogo-povedeniya?ysclid=mox79xowz167039129>
11. Balkova V.G. Features of youth's legal awareness in modern Russia / V.G. Balkova, P.I. Kurpas // Issues of Russian and international law. 2022. Vol. 12. № 5A. P. 16–24. DOI: 10.34670/AR.2022.90.64.002 EDN: UXVKSL
12. Zhigulin A.A. Legal consciousness of youth // Territory of Science. 2016. № 1. P. 31–35. EDN: VSZMLR
13. Koltunova V.I. Legal awareness and its deformations / V.I. Koltunova, V.A. Zaitsev // Law and the state: theory and practice. 2023. № 9(225). DOI: 10.47643/1815-1337_2023_9_31 EDN: WGUQUE
14. Senin I.N. Deformations of legal consciousness and ways to overcome them // The age of science. 2017. № 12. DOI: 10.1555/2409-3203-2017-0-12-87-91 EDN: ZXRDDN
15. Vasina D.I. Features of legal socialization of a personality in adolescence // Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg, 2019. 69 p.
16. Glebova G.S. Formation of legal knowledge among adolescents in a general education organization // Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg, 2018. 70 p.
17. Methodological recommendations for improving the activities of educational organizations for the formation of law-abiding behavior of minors. URL : <https://mskiss.ru/wp-content/uploads/2025/10/metodicheskie-rekomendacii-po-zakonoposlushnogo-povedeniya.pdf?ysclid=mpcovlgyp5384168308>
18. Patriotism and its place in modern Russian society: a comprehensive analysis / M.Yu. Popov [et al.] // Humanities, Socio-economic and Social Sciences. 2026. № 4. P. 121–131. DOI: 10.24412/2220-2404-2026-4-38 EDN: MVNMPT
19. Andreev E.M. Principles of patriotic and civic education in modern Russian society / E.M. Andreev, T.S. Kolyabina // Social and humanitarian knowledge. 2006. № 7. P. 5–9.
20. Popov M.Y. The crisis of spirituality in modern Russia: dynamics and prospects // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. № 6(1). P. 90–96. EDN: TZBPRR

Информация об авторах

Ястребова Оксана Ивановна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал
miss.oxenia@yandex.ru

Oksana I. Yastrebova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
North Caucasus branch
miss.oxenia@yandex.ru

Гарцуева Оксана Александровна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал
ropov-52@mail.ru

Oksana A. Gartsueva

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages,
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
North Caucasus branch
popov-52@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

© Ястребова О.И., Гарцуева О.А.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.05.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 23.06.2026

Подписано в печать 25.06.2026

Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская № 18

Печать riso. Уч.-изд. л. 6,30

Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.

Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 136

e-mail: id-yug@id-yug.com